

UNIVERSITÀ DI PISA

**DIPARTIMENTO DI
FILOLOGIA, LETTERATURA E LINGUISTICA**

**CORSO DI LAUREA IN
Letterature e Filologie
Euroamericane**

TESI DI LAUREA

«Непостижимая судьба» Надежды Павлович
«L'incredibile destino» di Nadežda Pavlovič

CANDIDATO
Tatiana Guseva

RELATORE
Chiar.mo Prof. Stefano Garzonio

ANNO ACCADEMICO 2016/2017

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Введение</i>	3
1. <i>Детские и юношеские годы Н.А. Павлович</i>	7
1.1 <i>Детство в Латвии</i>	7
1.2 <i>Псковская гимназия и первый поэтический опыт</i>	13
1.3 <i>Первое знакомство с поэзией А.Блока</i>	16
2. <i>Московский период творчества Н.А. Павлович 1914-1920 гг</i>	18
2.1 <i>Первые публикации в московских журналах</i>	18
2.2 <i>Помолвка Н.А. Павлович и Б. Пильняка</i>	19
2.3 <i>Брак Н.А. Павлович с Г.Г. Рязским</i>	25
2.4 <i>Литературная Москва начала XX века</i>	28
2.5 <i>Кафе поэтов и II студия стихосложения</i>	31
2.6 <i>Пролеткульт</i>	35
2.7 <i>Коллективный сценарий «Зовущие зори»</i>	37
2.8 <i>Работа в Наркомпросе. Н.К. Крупская</i>	41
2.9 <i>Воспоминания о Б. Пастернаке</i>	43
3. <i>Петроград. А. Блок в жизни и творчестве Н.А. Павлович</i>	49
3.1 <i>Встреча с А. Блоком в Москве</i>	49
3.2 <i>Петроградское отделение Союза поэтов</i>	51
3.3 <i>Семья Блока в воспоминаниях Н.А. Павлович</i>	66
3.4 <i>Миф о «сыне» А. Блока</i>	71
3.5 <i>«Страшный» 1921 год. Смерть А. Блока</i>	76
3.6 <i>Влияние Блока на творчество Н.А. Павлович</i>	83
3.7 <i>Воспоминания об А. Ахматовой</i>	95
3.8 <i>Критические статьи М. Павлова</i>	99
4. <i>Оптина пустынь в жизни Н.А. Павлович</i>	100
4.1 <i>Вклад Н.А. Павлович в спасение Оптинской библиотеки и восстановление обители</i>	100
4.2 <i>История Оптиной пустыни</i>	107

4.3 Оптина пустынь: почему туда стремились великие?.....	112
5. «Нелитературный период» в жизни Н.А. Павлович.....	123
5.1 Воспоминания о М. Чехове. Пьеса в стихах «Дон Кихот»....	123
5.2 Воспоминания о Самуиле Галкине.....	127
5.3 Детская литература, переводы.....	131
5.4 Последние годы жизни Н.А. Павлович.....	135
Заключение.....	139
Список использованной литературы.....	143
Список использованных электронных ресурсов.....	152

ВВЕДЕНИЕ

Прости меня - неверную рабу!

Непостижимую свою судьбу

Я не пойму и в восемьдесят лет.

Творческому наследию Надежды Александровны Павлович (1895-1980) до сих пор не уделялось должного внимания. Надежда Александровна Павлович прожила долгую и интереснейшую жизнь, которая началась в конце позапрошлого столетия и завершилась в конце прошлого. Ей было суждено увидеть, как смещались пласты истории, познакомиться и дружить с величайшими представителями русской культуры XX века. Она смогла не только осмыслить, но и запечатлеть увиденную и прожитую ею эпоху, оставить зарисовки портретов знаменитых современников. Её мемуары «Невод памяти» и «Воспоминания об Александре Блоке», а также записи бесед 1971-1979 годов с Виктором Дмитриевичем Дувакиным, изданные в журнале «Человек», являются документальной повестью о неповторимом времени, в котором ей довелось жить. Кроме того, Надежда Александровна Павлович – автор многочисленных и разнообразных по жанру и стилю произведений: сборников поэзии, богословских трудов, детской литературы, критических статей.

В советское время биография Надежды Павлович не могла быть напечатана по идеологическим причинам. В 1990-е годы в церковной среде уделяется внимание в основном духовной стороне её деятельности, в то время как «светская» сторона её жизни остаётся в тени. В последнее время возрос интерес к Н. А. Павлович, однако до сих пор нет комплексного анализа творческого наследия Павлович и нет биографии, которая бы полностью осветила жизнь этой неординарной женщины. Этим обуславливается **актуальность** данной дипломной

работы, которая ставит своей **целью** комплексное исследование биографии Н.А. Павлович и отражения биографических фактов в её творчестве, а также определение места поэтессы в литературном процессе России XX века.

Данная работа состоит из введения, 5 глав, заключения, списка использованной литературы и списка использованных электронных ресурсов.

Во **введении** обоснована актуальность выбранной темы и кратко описана структура и содержание исследования.

В **1 главе** описывается детство и первый литературный опыт Н.А. Павлович до переезда в Москву в 1914 году.

2 глава охватывает московский период жизни поэтессы, её воспоминания о современниках, создание II студии стихосложения, период работы в Пролеткульте и Наркомпросе. Как пишет Надежда Павлович в своих «Воспоминаниях об Александре Блоке»: «Мне выпала редкая судьба. С 1918 по 1920 год я имела возможность показывать свои стихи Брюсову, Вячеславу Иванову и Андрею Белому. В 1920—1921 годах мной руководил Блок».

В **3 главе** рассматривается петроградский период жизни поэтессы, её знакомство с А. Блоком. Иногда Н.А. Павлович называют «последней любовью» А.А. Блока. Её имя неоднократно встречается в дневниках и записных книжках Блока. Так, 12 августа 1920 года он записывает: «Вечером - Над. Ал. Павлович - милая и с хорошими стихами». Или 9 января 1921 года: «...Павлович вечером (в Доме искусств). Ей «Петербург» и «Двенадцать». Но отношения Блока и начинающей поэтессы были многогранней, чем простое сердечное увлечение. Мы видим и восхищение талантом, и желание научиться мастерству, и поиск единомышленника — со стороны Павлович, наставничество и внимание — со стороны Блока. Как пишет Л. Озеров:

«Мы не погрешим против истины, если скажем, что Павлович – поэт блоковского круга <...> Близость к блоковской поэтике, к его основным принципам ощущается не только в начальных книгах («Берег», 1922; «Золотые ворота», 1923). Она пронесла их сквозь жизнь, «сквозь долгие года», как сама говорит об этом» [18, с.7].

В 4 главе освещён переходный момент в жизни Н.А. Павлович, когда она, тяжело переживая смерть А.А. Блока, уходит в Оптиную пустынь, где становится духовной дочерью старца иеросхимонаха Нектария, последнего хранителя разорённой святыни. По его благословению Надежда Александровна прилагает огромные усилия для спасения драгоценной библиотеки и для сохранения духовной и культурной традиции Оптиной пустыни. В разные годы она помогает заключённым, оказывает через Красный крест помощь многим поселенцам, среди которых были и оптинские монахи.

5 глава посвящена жизни и творчеству Н.А. Павлович после Оптиной пустыни, её современникам и последним годам её жизни. Как можно догадаться, такого рода «церковная деятельность» Павлович не способствовала её успехам на литературном поприще: две книжки стихов «Берег» (1922) и «Золотые ворота» (1923) – вот то немногое, что было напечатано до войны. Надежде Павлович часто приходилось использовать псевдонимы. Уже первые свои стихотворения она печатала под псевдонимом «Виктория Регия», чтобы избежать конфликта с директором гимназии, в которой она училась. В 1920-е годы она использует псевдоним М. Павлов для своих критических статей в литературных газетах. Позднее ей приходилось просить своих друзей, лиц духовного звания, публиковать её труды под своими именами. Хотя в данном случае соображения были скорее прагматическими: советская власть с грехом пополам позволяла существование издания Московской патриархии «Богословские труды», но сильно насторожилась бы, если

бы на его страницах стали публиковаться не только представители духовенства, но и обычные советские граждане (а Павлович была ещё и членом Союза писателей). Например, под именем архиепископа Минского Антония (Мельникова) были опубликованы работы «Из Евангельской истории» (также известная под названием «Христос – победитель смерти») и «Святой равноапостольный архиепископ Японский Николай» (приуроченная к прославлению Николая Японского в лике святых).

Часть писавшегося «в стол» в течение полувека уцелела: отрывки из книги воспоминаний «Невод памяти», стихи, статьи на богословские темы. А тогда, в 20-50-е годы приходилось жить литературной поденщиной – переводами, детскими незатейливыми книжками, рецензиями, литературными консультациями в «Огоньке» и других журналах. Лишь в 1966 году вышел поэтический сборник «Думы и воспоминания», в 1977 году – «Сквозь долгие года...», а книгу стихов «На пороге» (1981) она уже не дождалась.

В заключении перечислены основные выводы и намечены возможные перспективы дальнейшего изучения темы.

Таким образом, в ходе нашего исследования раскрывается «непостижимая» судьба Надежды Александровны Павлович, поражающая своей многогранностью, насыщенностью событиями и неожиданными поворотами, которая находит своё отражение в творчестве поэтессы.

1. ДЕТСКИЕ И ЮНОШЕСКИЕ ГОДЫ Н.А. ПАВЛОВИЧ

1.1 Детство в Латвии

Надежда Александровна Павлович родилась 17(30) сентября 1895 года в Лифляндии, в местечке Лаудон, на территории сегодняшней Латвии. Отец, Александр Феликсович Павлович, был мировым судьёй. Когда Надежде было 2 года, отца перевели в Старо-Пебалгу, где прошло её детство до 9 лет.

«Одно из моих первых воспоминаний: сижу на низеньком стуле перед низеньким столом и пью молоко. На мне белый нагрудник, на котором вышито печатными буквами «Надя» <...> Я поглядываю сверху на нагрудник, читая таинственное слово «ядаН», и упорно думаю: что это значит? Кто такой Ядан?» [71, с.60].

Семья Павлович жила в имении графа Шереметьева. «Жизнь наша напоминала помещичью: пятнадцать комнат – четыре служебных, отца, и одиннадцать жилых – наша квартира» [71, с.60]. Позже в своих мемуарах Павлович не раз будет упоминать о своём буржуазном происхождении и о том, как оно повлияло на её жизнь и литературную карьеру.

«Семья наша происходила из старинного шляхетского польско-литовского рода от Одровонжей, во второй половине 19 века уже обедневшего и утратившего значение, но гордого своей древностью <...> Какой-то предок наш был приближённым Ягайло, прабабка Софья попала в «Историю православной церкви» епископа Макария как гонительница православия. Один из моих предков – Илий Одровонж учился в Сорбонне, а потом был архиепископом Краковским, а племянники его Чеслав и Гиацинт стали первыми поляками-домениканцами и канонизированы католической церковью. Но моя семья была православной <...> Моя мать – красавица – была старшей дочерью. Бабушка много надежд возлагала на её замужество, но мать

моя полюбила бедного студента юридического факультета Одесского университета – моего отца. Семья Павловичей – родовитая, но обнищавшая и многодетная <...> Отцу моему приходилось не только содержать самого себя, но и помогать родителям <...> У матери моей был брат, талантливый музыкант – Фёдор Иванович Таргонский, композитор, ученик Рубинштейна, учившийся в Московской консерватории, но он умер от чахотки совсем молодым, ещё студентом» [71, с.65].

Музыкальные способности были и у самой Надежды. В детстве она серьёзно занималась музыкой, но оставила занятия в 14 лет, поняв, что это не её путь. Однако чувство музыки и любви к ней осталось навсегда.

«У родителей моих было, кроме меня, ещё четверо детей (старше меня): три сына и дочь, но братья Борис и Владимир умерли в младенчестве. Следующий за ними брат (также названный Борисом, старше меня на десять лет) скончался после Отечественной войны на Урале <...> Сестра Зинаида, старше меня на четырнадцать лет, умерла в 1966 году» [71, с.66]. Но жизнь Надежды Павлович не была связана с жизнью сестры и брата. Когда она была маленькой, сестра училась в Риге, брат в Пскове, потом в Петербурге. «Приезжая домой погостить, и брат и сестра ласкали меня, но общих интересов у нас не было» [71, с.66]. В своих воспоминаниях Павлович не раз отмечает своё одиночество в детстве: «Росла я очень одиноко: в нашем большом доме с анфиладой комнат, в пустынном саду и шереметевском парке» [71, с.66]. С другими детьми маленькая Надя виделась только на праздниках.

«У корчмаря бывал мальчик из Яунпиебалги, чуть старше меня – позже народный поэт Латвии – Ян Судрабкалн <...> Уже пожилыми людьми, мы по телефону познакомились в Москве. В 1946-1947 годах в Риге мы встретились с Судрабкалном <...> Он вспомнил толстую

девочку, с большим бантом на голове, смотревшую сквозь решётку сада, когда он с другими деревенскими мальчиками прибежал, или вернее пробегал через Шереметевское имение» [71 с. 61].

Надежда Александровна на протяжении всей жизни с теплотой вспоминала Латвию и с удовольствием возвращалась туда. «Пебалге я обязана истоками своего творчества. Здесь всё было не только необыкновенно красиво и живописно, но и овеяно народными легендами и историческими воспоминаниями» [71, с.62]. Своей малой родине поэтесса посвятила цикл стихотворений «Моя Латвия».

*О, Латвия, ты в царственном уборе
Листвы осенней, вереска и трав,
Твоим органом мне рокошет море,
На низкий берег сумрачно припав.*

*Как пусто здесь! Обветренные дюны,
На кольях сушат сети рыбаки,
Кипят, кипят на отмелях буруны,
И катерок бежит на лов трески.*

*В твоих лесах багряная брусника,
И обвивает стены виноград.
Орфей зовёт: «Откликнись,
Эвридика!» -
Свою добычу возвращает ад.*

*Так юность я зову, - и в бормотанье
Седой волны, когда высок прибой,
Из глубины встаёт воспоминанье
И белопенной плещется судьбой.*

*О Латвия! Я твой язык забыла,
Но всё в тебе я бережно люблю
И влажный воздух, воздух детства милый ,
Непостижимым чувством узнаю.*

Надежде Павлович было суждено родиться в переходный момент, на её глазах, ещё маленькой девочки, происходил исторический перелом. «Другое воспоминание из детства уже более позднее – лета 1904 года. Это революционные волнения в Латвии <...> Я первый раз в жизни видела, как бьют людей, и с ужасом смотрела на экзекуцию и на офицеров, которые ещё утром играли в парке и ухаживали за барышнями, а вчера пили у нас чай» [71, с. 64].

Описывая своё детство, Павлович большое внимание уделяет значению литературы в её жизни, книги спасали её от одиночества. «Порусски я читала с четырёх лет. Няня и все служащие у нас были латыши. Первые песни, которые я слышала, были латышские <...> Русские песни я услышала только в девять-десять лет на Псковщине <...> Игрушек я не любила. Но я полюбила мяч. Подолгу я ходила с ним по комнатам, он ритмично ударялся об пол, а я сама себе рассказывала вслух сказки. Так незаметно я стала их рассказывать стихами, подчиняясь ритму мяча» [71, с.66]. Однажды, будучи ещё ребёнком, среди книг брата она нашла томик М. Ю. Лермонтова. По её собственному признанию: «страницу, где был «Воздушный корабль», я стала читать вслух. Мне было лет семь. Это была моя первая встреча с поэзией»[71, с. 67].

Другим основополагающим фактором в жизни Надежды Павлович наравне с поэзией стала религия. Первая осознанная встреча с религией произошла, когда Надежда нашла «Новый завет» в изложении для детей с картинками. «Евангельская история очень потрясла меня», - пишет она в книге воспоминаний «Невод памяти», - «но я никак не связывала

её с теми утренними и вечерними молитвами, которые меня заставляли читать, да ещё вслух. Я ненавидела эти обязательные молитвы, а Христа, о котором прочла, полюбила. Долгие годы у меня продолжалось как бы двоебожие. Один – это был бог, к которому относились малопонятные и скучные славянские молитвы, навязываемые в принудительном порядке <...> Другой – это был образ неизъяснимой кротости, любви, свободы, милосердия, друг детей и всех скорбящих. С ним я как бы разговаривала, рассказывала о своих огорчениях и мыслях, ждала от него помощи во всех своих бедах, молилась ему, но своими словами...» [71, с.67]. Одному из своих близких Павлович рассказала, что в шестилетнем возрасте во сне к ней явился Спаситель. «С того дня любовь к Господу всю жизнь согревала её сердце и находила выход в молитвах, духовных стихах, самоотверженной помощи людям в тяжёлых жизненных обстоятельствах, в заботах от Оптиной пустыни» [91, с.7].

Ещё одно ярчайшее впечатление детства – это увиденное море, любовь к которому Павлович сохранила на всю жизнь. Море стало одним из мотивов, связавших позднее творчество молодой поэтессы и её кумира А.А. Блока. Сам Блок почти по-детски любил всё связанное с морем. Надежда Павлович вспоминает: «Когда мне было семь лет, я увидела чудо – синее, живое, что-то рокошующее на своём языке, и тёплую белизну песчаного берега, слегка наклоненные сосны» [71, с.68]. Семья Павлович часто снимала дачу летом в Ассерне или в Карлсбаде. «В шторм я убегала к морю, плясала на дюне. Однажды, начитавшись Мариотта, я крикнула: Море, море, выбрось мне кошелёк!» И первая же «девятая волна» подкатала к моим ногам рыбацкий кожаный чёрный кошель, с огромной дырой <...> этот кошель приняла как ответ моря лично мне. Это был знак, что море меня слышит и понимает. И не в память ли этого подарка я потом написала морю:

*Теперь мы постарели оба –
И ты, и я, и я – и ты»[71, с.68]*

Не раз Н.А. Павлович в своём творчестве возвращается к вопросу таинства рождения поэзии. Вот и сейчас, вспоминая ощущение детского восхищения и единения со стихией, она пишет: «У старости и у детства есть общее восприятие мира. Это бескорыстие, это самоотдача впечатлению без практического применения происходящего – к себе, к своему личному <...> Девочка, плясавшая в шторм на дюне, и волна, несущаяся к берегу, - были одно и то же. Из этого чувства единства и рождается творчество»[71, с. 69].

Как признаётся сама Павлович, литературные способности у неё от отца. Отец страстно любил её и баловал. Сочинял сказки и пытался писать стихи, как отмечает Надежда Александровна, «ритм соблюдал, но художественно они были слабы, как это я увидела, уже сама став поэтом» [71, с.71]. С болью она вспоминает смерть матери, которая умерла в тяжких муках от рака желудка и печени, когда Надежде было 16 лет.

Упоминая в своих записках отца, Павлович несколько раз подчёркивает, что у него осталась закваска шестидесятников и семидесятников, хотя он принадлежал к более позднему поколению. В их доме прятались сбежавшие из тюрьмы революционеры. «Приняв её (прим. - октябрьскую революцию), он пошёл в исполком и стал там юрисконсультom <...> страна нуждалась в опытных юристах – образовывалось новое судопроизводство, новые правовые нормы, создавались новые доктрины» [71, с.71]. Поэтому позднее Надежду Павлович обижало мнение, будто вся интеллигенция, которая приняла революцию, сделала это из-за страха или желания получить паёк.

1.2 Псковская гимназия и первый поэтический опыт

В 12 лет будущая поэтесса окончила новоржевскую гимназию. А в 1911 году осенью, в Пскове, гимназисткой 8-го класса, Павлович начала печататься в местной газете «Псковская жизнь» и публично выступать.

В книге мемуаров «Невод памяти» Павлович отмечает: «Одно тогдашнее стихотворение, «Лебедь», было написано под влиянием Бальмонта:

*Белый лебедь плыл по озеру зеркальному,
Он был молод, счастлив и красив,
Плыл он в заводь тихую и дальнюю,
Под навес широких старых нив» [79, №6 с.167]*

1911

В «Псковской жизни» печатались её стихи о Пскове, о его окрестностях, о прогулках, о юношеских мечтах, а позже — стилизованные стихи, которые стали входить в моду.

*Я здесь одна. Пришла сюда с урока
От скучных парт, от сереньких людей,
И надо мной сплетается широко
Навес еловых иглистых ветвей
Как хорошо! Как резки паровоза
Протяжные знакомые гудки...
Как слышен скрип тяжёлого обоза,
Что тянется с дровами от реки.
Внизу деревья сумрачны и голы,
И корнями цепляются в обрыв,
А ветер сыплет щедрые уколы,
И холоден, и резок, и ревнив.
А небо хмурится. Осеннее молчанье,
Осенний холод, иней...даль бледна...*

Как сладко мне спокойное сознание:

«Свободна я – душа моя полна».¹

1914

В Пскове судьба свела Павлович с многими в будущем великими людьми. В одной гимназии она училась с Юрием Тыняновым. «Мимо меня, искоса поглядывая, прошёл со своим другом Гаркави хмурый гимназист с бачками и необыкновенно умным лицом, чем-то напоминавший молодого Пушкина. Это был Юрий Тынянов, кончавший в тот год Псковскую гимназию. Я знала, что он интересуется литературой, тоже как будто что-то пишет, но его не напечатали. «А меня напечатали!» - подумала я с торжеством <...> В 1941 году мы отдыхали с Ю.Н. Тыняновым в Доме творчества в Пушкине. Он был уже болен рассеянным склерозом, то слепнул, то забывал буквы, а вечером их вспоминал; печально сидел он на стуле на крыльце Дома творчества, глядел на улицу, на первые весенние листики. Мы вспоминали юность, Псков. Он тоже помнил этот день общего торжества гимназической молодёжи, когда были напечатаны мои стихи, и некоторую долю уязвлённого самолюбия – «какая-то девчонка!» Юрий Николаевич вспомнил, как злорадно он потешался, когда наборщики по ошибке напечатали подпись мою – вместо «Виктория Регия»² - «Виктория Регина» - то есть «Королева Виктория» [79, №6 с. 168].

В этой же гимназии учился Вениамин Александрович Каверин. «На будущего Каверина тогда ещё никто из нашего класса не обращал внимания. Это был маленький шустрый гимназист – Веня Зильбер» [79, №6 с.168].

Ощущения счастья, уверенности в будущем и в выбранном пути сопровождали юную поэтессу, весь мир был у её ног. «Мечтали о славе

¹ Газета «Псковская жизнь» - Псков, 27 января 1914 года, №832, с.3

² Псевдоним Н. Павлович в «Псковской жизни»

и были в ней уверены. Вопрос был только в сроке. Мы с Катей Шустовой обменялись фотографическими карточками, написав друг другу: «Будущей знаменитости от будущей знаменитости» [79, №6 с. 169].

Там же в Пскове Надежда Павлович знакомится с человеком, который на всю жизнь останется её ближайшим другом и поможет в тяжёлый кризисный момент после смерти А.А. Блока. В «Неводе памяти» Павлович описывает их первую встречу: «Однажды в фойе театра я увидела странного юношу в локонах, в курточке, в коротких штанах и гетрах, не похожего на псковичей <...> Это был художник Лев Бруни, уже выставившийся, несмотря на свою молодость <...> Наша дружба прошла через всю жизнь Льва Александровича, до его смерти в 1950 году. Он мог бы называться моим братом...» [79, №6 с.170].

В 1912 году в Псков приезжают сосланные по делу витмеровцев³ студенты, среди которых были Мария Михайловна Шкапская с мужем Глебом Орестовичем, Владимир Сергеевич Городецкий, Владимир Бриллиантов. «Мы познакомились, начались разговоры о политике, мы вместе ходили на маёвки. Но больше, чем политика, нас сближали стихи, литература <...> отношения наши, начавшиеся в ранней юности, сохранились до смерти Марии Михайловны в 1952 году» [79, №6 с.170].

Вскоре юная поэтесса получает и первый критический отзыв о её поэтическом творчестве от «настоящего» поэта. В Риге после окончания гимназии Надежда Павлович встречается с Сергеем Третьяковым⁴, тот разгромил её стихи, после чего «подсунул» ей А. Белого и М. Кузмина. На её новые стихи Третьяков отозвался уже положительно: «девчонка сделала поворот на девяносто градусов» [79, №6 с. 167].

³ Участники собрания, проходившего в помещении женской гимназии О.К. Витмера, арестованные 9 ноября 1912 года за принадлежность к нелегальному кружку, целью которого была борьба за освобождение школы и выработка у своих членов революционного мировоззрения

⁴Сергей Михайлович Третьяков - публицист, поэт-футурист круга Маяковского, один из теоретиков ЛЕФа

1.3 Первое знакомство с поэзией Блока

В 1913 году после окончания гимназии Павлович переезжает в Ригу, где устраивается учительницей русского языка в частной мужской прогимназии Дзенис. С теплотой вспоминает она свои преподавательские дни и своих учеников.

Здесь же в Риге Павлович впервые знакомится с поэзией А. Блока, которая навсегда переворачивает её жизнь. Из её рассказа следует, что в 1914 году на берегу Рижского моря Надежда Александровна познакомилась с поэтом, Гансом фон Гюнтером, переводчиком русских символистов. Ганс фон Гюнтер, узнав, что Павлович поэтесса, попросил прочесть её стихи и в ответ дал ей томик А. Блока со словами, что эти стихи будут ей близки. Поэтесса вспоминает о первом впечатлении от стихов Блока: «Я ложусь на тёплую, жёлтую, как переплёт этой книги, дюну. В ямку под локтём наползает песок. Сосны, особенные, тонкие, всегда наклонённые в одну сторону, прибрежные сосны всем стволом покачиваются на ветру. Мягко шумит море. Вполголоса читаю стихи Блока. Господи! Что же это? Вот они, те самые звуки, что снились мне с детства, те, что я хочу и не умею передать! И я прячу лицо в тонкие листы, пересыпанные песчинками.

Несколько дней я не расстаюсь с драгоценной книгой и стараюсь понять, что за сила в этих стихах, почему здесь такой размер, такой щемящий звук: хочу понять, о чём эти стихи. Я ощупью пробираюсь между строками, чтобы осознать их до конца, а не только отдаться звукам.

Так в мою жизнь вошли стихи Блока. Мне было восемнадцать лет. Его стихи помогли мне осознать самоё себя, помогли понять, что такое поэзия, и помогли мне жить» [66, с.449].

Павлович попросила Гюнтера показать её стихи Блоку, однако Гюнтер ответил, что Блок этого не любит.

«Я не решилась послать Александру Александровичу свои стихи. Только через шесть лет я рассказала ему об этой встрече с Гюнтером и о роковых словах: «Блок этого не любит».

Александр Александрович тихонько засмеялся и сказал:

— А вы всё-таки могли бы послать» [66, с.451].

2. МОСКОВСКИЙ ПЕРИОД ТВОРЧЕСТВА Н.А. ПАВЛОВИЧ 1914-1920 ГГ.

2.1 Первые публикации в московских журналах

В 1914 году Павлович переезжает в Москву и поступает на высшие женские курсы имени Полторацкой, на словесное отделение историко-филологического факультета.

В Москве молодая поэтесса очень скоро окунается в бурную жизнь всевозможных литературных группировок и школ, сменяющих друг друга литературных течений. Понемногу Павлович начинает печататься в журналах «Заря», «Наша Родина» и «Млечный путь». «В начале войны 1914 года я была в Риге на курсах сестёр милосердия и в Москве также работала в лазарете. Эта работа отразилась и в оих стихах, напечатанных в небольшом сборнике «У млечного пути» начинающих московских поэтов - Стариковых Василия и Алексея, Бориса Левитеса, Дмитрия Усова, Филиппа Вермеля и моих, изданного в 1914 году» [79, №6 с.172]. На её публикации реагируют её коллеги по цеху. Так, например, «Синий журнал» сострил над её «ламентациями» в «Заре» по поводу боёв под Варшавой:

Взять Варшаву нет надежды

И давным-давно пал Лович.

Так скорбит в «Заре» Надежда

Александровна Павлович [79, №6 с.173]

В журнале «Млечный путь» в то время участвовали Сергей Спасский, Фёдор Богородский, Сегрей Буданцев, Николай Ливкин, Борис Пильняк. «Мы считали себя уже писателями, но это было предлитературное состояние, словно ступали мы по первому хрупкому ледку. А впереди было Будущее. Оно писалось с большой буквы» [79, №6 с.174].

2.2 Помолвка Н.А. Павлович и Б. Пильняка

Об истории взаимоотношений Бориса Вогау (Бориса Пильняка) и Надежды Павлович сохранилось мало свидетельств. Отрывистые воспоминания редко затрагивающей эту тему Надежды Павлович, совместные письма, стихотворения и отдельные упоминания в дневниках и письмах Бориса Пильняка. Создаётся впечатление, будто об этом периоде было тяжело вспоминать. По словам Гарри Гайлита, из-за романтических отношений с Пильняком Надежда Павлович даже чуть было не погибла. Влюбленная в Пильняка кухарка в порыве ревности набросилась на неё с кухонным ножом. И наверное, зарезала бы, не подоспей во время её изумлённый жених (11).

История личных отношений Н. Павлович и Б. Пильняка изложена в статье К.Б. Андроникашвили-Пильняк[2]. Первое упоминание о Надежде Александровне в записных книжках Б. Пильняка относится к началу мая 1915 года. «Ну, конечно, я никогда не забуду, как у меня живёт Наденька Александровна Павлович. Это так. Но вот с осени будет издаваться журнал, где она примет близкое участие». В письме к А.А. Альвингу от 20 февраля того года он упоминает, что был у него в Москве «с больною головой и мерзки влюблённым». Затем он пишет о ней Альвингу из Кривякино 21 мая 1915 г., как уже живущей с ним по соседству: «Позвоните В.М. Гермаидзе, спросите её, когда она едет к Над. Ал-др. Павлович, и приезжайте вместе с ней, с В.М.Г., ибо Павлович она живёт в сущности у меня: у меня пьёт-ест, сидит весь день и мешает мне, и только ночевать ходит в клеть соседней избы»⁵.

29 мая 1915 года в письме Чернышёву А.М. Б. Пильняк передаёт просьбу Н. Павлович: «...У меня живёт Н.Ал. Павлович, — добавляет Б.

⁵ Здесь и далее цитируются письма представленные из архивов:

ИМЛИ (Институт мировой литературы) — письма Б. Пильняка — А.М. Чернышеву 1915-1918 гг. (Ф. 31, к.1, 30)

ГБЛ (Государственная библиотека) — письмо Б. Пильняка к С.А. Абрамову 16 мая 1917 г. (Ф. 1, к. 4, 38)

ЦГАЛИ (Государственный архив литературы) — письма А.А. Альвингу (Ф. 21, оп. 1, 33)

Пильняк в том же письме Чернышёву. — Я не осмеливаюсь, но она просила написать Вам и передать просьбу приехать к.—ниб. к нам сюда погостить немного. У нас здесь — река, Екатерининская усадьба, парк, пруды, совы, кукушки, соловьи, рыбы, грибы, цветы... приезжайте, если это устраивает Вас. Я буду очень рад, буду водить и показывать Вам местные красоты. Н. Ал. будет читать стихи и бранить меня: она очень строга ко мне. Будет весьма «пейзанно», просто, солнечно и — хорошо». Там же он упоминает о миниатюрах, которые в архиве сохранились за подписью его и Н. Павлович: «На днях я, кажется, напишу штук пять миниатюр, сколь это не скверно: писать миниатюры. Если они будут удовлетворительными, а я на это рассчитываю, ибо их темы вынашивались года три, с тех пор как я бросил писать стихи,— то я пришлю Вам». Эти миниатюры нигде не публиковались, но сохранились в архиве Б. Пильняка за подписью Н. Павлович и Б. Пильняка[2].

Тон письма уже позволяет предположить близость их отношений, сложившуюся к этому времени. Наиболее характерно совместное письмо Пильняка и Павлович А.М. Чернышёву из Кривякино 1 июня 1915 года. «Многоуважаемый Алексей Михайлович, — пишет Н. Павлович, — у меня и Бориса Пильняка большая просьба к Вам. У нас есть один знакомый, старик дьякон, нервный, замученный, жалкий бесконечно. Он пишет стихи, искра Божия в нём есть, творчество глубоко выстраданное, форма слаба. Он мечтает, как ребёнок, о том, чтобы его стихи увидели свет, — у человека будет радость на всю жизнь. Поправив технически его стихотворение, мы посылаем его Вам в надежде, что Вы его прочтёте внимательно и б.м. дадите дьякону свой отзыв, и, если возможно, напечатаете в «Млечном пути». Коломна, Спасская церковь. Фёдору Васильевичу Шумову. М.б. Вы сообщите и нам об участии стихотворения. Борис Андреевич уже приглашал Вас в Кривякино, я присоединяюсь к нему — здесь очень хорошо,

великолепный парк, лес — тишина, если «Млечный путь» уже вышел, будьте добры, пришлите на мою долю три номера. Уваж. Вас Надежда Павлович».

И после приписка Б. Пильняка: «Надежда Александровна, глубоко уважаемый Алексей Михайлович, ставит вопрос, кажется, не так, как следовало бы, ибо в сущности стихотворение, Вам пересылаемое, уже не Ф. В-ча, а Н. Ал-ы» [2].

Надежда Павлович упоминается в письме-приглашении А.А. Альвингу от 10 июня 1915 года (по почтовому штемпелю), в письме к А.М. Чернышёву от 24 июня 1915 года.

Надежда Павлович о своём знакомстве с Пильняком рассказывает в своих мемуарах «Невод памяти». В начале 1916 года Надежда Александровна поселилась в комнате на Земляном валу, соседями её были журналист М.А. Перельман с женой Е.И. Вогау. Родственником Елизаветы Ивановны был Борис Андреевич Вогау (Борис Пильняк), тогда студент коммерческого института. Как вспоминает поэтесса: «Борис был рыж, некрасив, грубоват, но были в нём талантливость и сила, было упорство и умение добиваться своего. Он выделялся из литературной и студенческой молодёжи, окружавшей меня, и остротой высказываний и твёрдой своей поступью в жизни» [80, №1 с.157].

Они начинают встречаться, а потом жить в Коломне отдельно от родителей. Невеста была принята в доме родителей жениха и познакомила его со своим отцом.

Ухаживал Борис Пильняк «странно», по воспоминаниям Павлович, вместо цветов преподнёс секиру 16 века, найденную им во время раскопок. «С некоторым недоумением я смотрела на древнее лезвие и думала о подарке Бориса — к чему бы это. Странное чувство возникало у меня и в самые лирические минуты. Казалось, что говоря о своей любви, он в то же время со стороны наблюдает себя и меня.

Вероятно, это и было то второе зрение, что присуще художникам» [80, №1 с. 157]. Через несколько месяцев сделал предложение, однако Надежда Павлович колебалась, Борис ей нравился, но любви она не чувствовала. В июле они вместе отправились по Волге в Саратов для знакомства с бабушкой жениха. Во время этого путешествия Павлович осознала, что Бориса Пильняка не любит. Не понравилась в нём скупость, расчётливость, ощущение, будто он уже ей распоряжается. Павлович пишет: «На несколько дней раньше условленного срока я уехала в Москву, сославшись на какое-то неотложное дело и порешив вдуше, что замуж за Бориса я не выйду. И не вышла» [80, №1 с. 160].

Пильняк пишет об этой поездке Альвингу А.А.: «С тоски, одиночества, однообразия, безденежья, скуки, забытый всеми, я достал двадцать целковых в долг и уезжаю на Волгу скитаться. <...> Маршрут мой таков: Рязань — поездом. Рязань — Нижний: Ока. В Нижнем — внутренний заём и заработка денег. Если понадобится, зарежу кого-нибудь. Нижний — Саратов: Волга. В Саратове — богатая бабушка и «Саратовский вестник». Там же упоминается Н. Павлович. А 1 июля, в письме с парохода, идущего по Волге, «около Нижнего и Казани», среди деловых вопросов (можно ли написать статью о татарских песнях, которые он набрал в Касимове), спрашивает: «Женюсь на Павлович. Благословляете?»»

Однако поездка закончилась неудачно: «После бурь и всяких гадостей, — пишет он 26 июля А.А. Альвингу, — я — в тишине, покое, одиночестве, с книгами и мыслями, чувствую себя благолепно. Пишу, готовлюсь к экзаменам <...> У меня, знаете ли был оч. скверный «переплёт» в Саратове. Заболела Н. Ал., чем — думаю, догадываетесь. Денег не было ни гроша. Насилу занял, чтобы отправить её в Москву, где есть знакомые врачи. Сам же — неведомо мне, каким чудом

вернулся домой. Теперь это всё уладилось. И я даже вспоминаю об этом с удовольствием, ибо поточил лишний раз и так весьма заточенные нервы и получил несколько поучительных темок для моих творений»(6). Сама Надежда Павлович о своей беременности не упоминает.

Их отношения складывались непросто и осенью того же года они расстались. Пильняк тяжело переживал разрыв. К этому периоду, после юношеских сумбурных лет поиска он довольно точно определял свое будущее, смысл жизни и ее ценности, которые сводились к крепкой семье с любимой женщиной и детьми и занятиям литературным трудом. В письме А.А. Альвингу с Пильнянки 2 октября 1915 года он писал о том, что «в сумерки буду сидеть у камина и мечтать о том времени, когда у меня будет 100-пудовое имя, жена, дети, и свой замок а la Пильнянка» (6).

Новая любовь и свадьба, однако, не заслонили разрыв с Павлович. Все последующие годы Пильняк пытается разобраться в причинах их неудавшихся отношений и делает многочисленные попытки описать историю их любви, обыгрывает в записях сюжеты возможного последующего развития их отношений.

Болезненная история расставания Пильняка и Павлович находит своё подтверждение и в её мемуарах «Невод памяти»: «А он в тот же год стал печататься всерьёз», - пишет она, - «приняла «Русская мысль» его прекрасный рассказ «Филины». Он написал примерно так – «Вот меня уже «Русская мысль» печатает, я буду знаменитым писателем, а ты мне отказала. Может одумаешься? И долго ещё сообщал о своих литературных успехах, подымаясь к славе. А я видеть его не хотела и письма его рвала»[80, №1 с. 160].

«Потом была встреча в Петрограде, в конце 1921 года или зимой 1922 года. Он – знаменитый Пильняк – остановился у Горького и, как мне потом говорил Горький, рассказывал ему обо мне. Я жила тогда в

Доме искусств на Мойке и случайно пришла к Ремизовым. Сидит Алексей Михайлович, горбится, пледом укрывается, и качаются на стене всякие чертяки и твари, а хозяин пишет каллиграфически диплом кавалера Великой обезьяньей палаты⁶. Там встретила Пильняка, он был уже женат на хорошей женщине-враче, и я думала, что жизнь его наладилась» [80, №1 с. 160]. Действительно в 1917 году Б. Пильняк женился на М.А.Соколовой, земском враче: «Я - женился, окончательно, серьёзно, при помощи церковного участка, на некоей врачихе (земской!) Марии Алексеевне Соколовой (которая в данный момент - на обходе в своей больнице), женщине рассудительной (литературу - никакую - не признает), строгой (бранит меня и не особенно охотно позволяет ухаживать за всеми прочими женщинами, кроме неё) и правильной жизни» (6).

Через некоторое время Н. Павлович встречает Пильняка в «Огоньке». Она приехала из Оптиной, где работала сотрудником музея. «Жили мы голодно, жалованье было малое. «Огонёк» кое-что моё печатал, но изредка, и в фаворе я не была...» [80, №1 с. 160]. Пильняк помогает с авансом, подвозит её на машине, рассказывает, что скоро едет в Японию⁷. «Хочешь со мной? Я устрою. Достану визу». – Нет, не хочу. Мрачнеет: «Опять не хочешь?» [80, №1 с. 160]. Это была одна из последних встреч, когда Пильняк уже разошёлся с женой. Жил он хорошо в те дни. «Любил ли он меня – не знаю. Но была какая-то незаживающая ранка, думаю, больше самолюбия, чем любви. Если б поддалась, бросил бы, да ещё посмеялся. Чувствовалось в нём жестокое. Такой бы не пожалел» [80, №1 с. 161]. Дружил тогда с Томским М.П.⁸

⁶ «Обезьянья вольная великая палата» (Обезвельволпал) – кружок литераторов, группировавшихся вокруг А.М. Ремизова и противопоставлявший «ясно-откровенное и смелое обезьянье царство» «гнусному человеческому лицемерию» («Манифест Обезвельволпала» - «Записки мечтателей», 1919, №1 с.144-145)

⁷ очевидно, речь идёт о первой поездке Б.А. Пильняка в Японию и Китай в 1926 году

⁸Томский (Ефремов) Михаил Павлович (1880-1936) видный партийный и профсоюзный деятель, в 20-е годы возглавлял ВЧСПС, в 30-е – Госиздат, был членом ЦИК. В 1936 году его имя прозвучало в процессе Зиновьева-Каменева, после чего, не дожидаясь вероятного ареста, он покончил собой

На вопрос Павлович, что его связывает с Томским, тот ответил : «Я – преторианец» [80, №1 с. 161].

Надежде Павлович пришлось ещё раз обращаться к Б. Пильняку за помощью для арестованного друга. В тот момент он был уже снова женат, хороший дом, достаток, молодая красивая жена. Однако в этот раз Пильняк не помог. «Мы с ним были в двух разных мирах. И ещё через несколько лет я узнала, что для него тот мир, с заграничными поездками, гонорарами, славой, панно из Палеха, - рухнул. Он попал в иной, страшный мир – и погиб» [80, №1 с. 162].

2.3 Брак Н.А. Павлович с Г.Г. Ряжским

В 1917 году Павлович познакомилась с молодым художником Георгием Георгиевичем Ряжским⁹ и вскоре вышла за него замуж. Вместе они прожили недолго, к 1920 году уже развелись, но до его смерти сохранили дружеские отношения.

Они встретились незадолго до Февральской революции. Будущему ужу Надежда Александровна написала стихи, напечатанные в 1917 году в воронежском журнале «Сирена» без посвящения:

Весенние цветы невыразимо хрупки.

Их вазы голубой ласкает водоём;

Не белое крыло примчавшейся голубки

На тёмной бронзе, на старинном кубке -

Моя рука на бархате твоём...

1917

⁹ Ряжский Георгий Георгиевич (*Егор Егорович*; 31 января (12 февраля) 1895 — 20 октября 1952) — советский живописец, педагог, профессор. Секретарь Президиума Академии Художеств СССР с 1949 по 1952 год. Академик АХ СССР (1949; член-корреспондент 1947). Заслуженный деятель искусств РСФСР (1944). Автор известных картин «Делегатка» (1927), «Председательница» (1928), которые в 1937 году были удостоены большой золотой медали на Международной выставке в Париже (сейчас в Государственной Третьяковской галерее).

«Как многие молодые художники того времени, он носил коричневую бархатную блузу; была весна, он дарил мне цветы, и я их ставила в простеньку голубую вазочку. Ни бронзы, ни старинного кубка не было и в помине. Эта декоративность – влияние французской поэзии и ещё не изжитого мной эстетизма», - вспоминает поэтесса [80, №2 с. 168].

Летом 1917 года Ряжского призвали на военную службу. Павлович жила в Москве с его матерью. «Но при общей жизни выявилась полная моя бесхозяйственность и практическая неприспособленность, выявилась и культурная разница между мной и Ксенией Никитичной (прим. - свекровью) – во всём житейском складе, обиходе, воззрениях и интересах». В свекрови всё больше просыпалось классовое чувство. «Как-то через несколько дней после Октябрьской революции, когда с фронта приехал мой жених, мать ему заявила: «Надя – буржуйка, а невестку буржуйку я не желаю. Неподходящая она для нас. Этому браку не бывать» [80, №2 с. 169].

Несмотря на протест матери, они поженились, обвенчались. Павлович пишет: «Подвенечного» традиционного платья у меня не было. В церкви было пусто; кроме нас, - только прислуживающая старушка. Один священник венчал, два пели на клиросе. Это действительно была свадьба на грани двух миров, ещё традиция, но уже без традиций» [80, №2 с. 170]. Семейная жизнь не ладилась, они не ссорились, но молчали, детей не было, к тому же Надежде Павлович нравился другой человек.

«Будучи его женой, - вспоминает Н. Павлович, - я позировала ему для диптиха «Спящая», этюд к которому опубликован в книге «Ряжский». Где теперь эта картина – не знаю. Он тогда увлекался кубизмом, и это сказалось на трактовке» [80, №2 с.161]. «В молодости в облике Ряжского было что-то от нестеровских отроков <...> Позже он

стал лицом походить на Владимира Маяковского, как свидетельствуют его автопортреты <...> К сожалению, в более поздние годы он очерствел, стал равнодушен к чужим бедам и нуждам товарищей, развращался успехами, особенно административными; имя его всё чаще повторялось с именем Александра Герасимова¹⁰. Даже талант его, казалось, угасал, терялась живость, прелесть и соразмерность красок <...> Личная жизнь его сложилась трудно и несчастно. Ещё за год до смерти он с горечью говорил о нашем разрыве, упрекал меня и считал его началом всего тяжёлого в своей жизни. Но когда я предложила ему теперь, на старости, попробовать опять жить вместе и создать настоящий дом, где он мог бы работать и спокойно принимать людей, он отказался. Его жизнь – плохо ли, хорошо ли – была связана с другой женщиной, и он хотел дожить свой век с ней» [80, №2 с. 167].

По возвращении в Москву из Самары, где Павлович занималась организацией отделения Пролеткульт, Надежда Александровна сильно заболела тифом, заразившись в госпитале, где работала сестрой. Её нашла и выходила свекровь. Её она считала единственной «законной» женой Ряжского, протестовала против развода и привечала Павлович до последнего дня своей жизни. Развелись Павлович и Ряжский по обоюдному согласию, однако для впечатлительной души молодой женщины развод стал тяжёлым испытанием.

Позже Павлович и Ряжский сумели наладить отношения. В 1922 году Ряжский сделал обложку для её книги «Золотые ворота»¹¹, но фамилия его не помечена там. Надежда Александровна отмечает: «Когда мы развелись, мы опять подружились, и у нас было, о чём говорить. Мы

¹⁰ Александр Михайлович Герасимов (1881, по другим данным, 1880—1963) - советский живописец, архитектор и теоретик искусства, педагог, профессор. Первый президент Академии художеств СССР в 1947—1957 годах. Народный художник СССР (1943). Лауреат четырёх Сталинских премий (1941, 1943, 1946, 1949). Автор знаменитой картины «И. В. Сталин и К. Е. Ворошилов в Кремле».

¹¹ изд. «Костры», 1923 год

потихоньку назначали друг другу тайные, но вполне невинные свидания, и Георгий во многом советовался со мной...»[80, №2 с. 175].

2.4 Литературная Москва начала XX века

В 1916 году литературная богема стала собираться у педагога Василия Васильевича Васильева, жившего на 10-м этаже высочайшего тогда дома Нирнзее. Кроме самих встреч привлекала и возможность поглядеть с крыши на ночную Москву. Там бывали Николай Асеев, Ефим Зозуля, Лев Бруни, Владимир Татлин, Нина Нис-Гольдан и другие художники, Велимир Хлебников, Константин Большаков, Владимир Маяковский, артисты Борис Глубоковский, Наташа Кастальская.

По воспоминаниям Н. Павлович, на этих собраниях Хлебников невнятно рассказывал о своих числовых изысканиях, на основании которых он предсказывал исторические события и, действительно, в 16-м году предсказал в 17-м «падение великой монархии». «Голубые глаза его были чисты, как у ребёнка, и казались ясновидящими...»[80, №2 с. 167]. У Васильева Николай Асеев читал «Облако в штанах», восстанавливая многоточия в местах, запрещённых цензурой. Асеев подружился с Павлович и её подругой Клавдией Невлениновой, с которой они жили вместе, бывал у них почти ежедневно, и они считали его своим, родным человеком, «Асеичем». В гости с «Асеичем» заходил и Хлебников. «В последний раз видела его (прим. – Хлебникова) в 17-м или 18-м, поздно вечером, на Театральной площади в стеклянной будке на остановке трамвая...Он рассказал, что собирается ехать на Волгу, может быть в Астрахань, что в Москве ему трудно...Уже в 60-х годах прах его перевезли в Новодевичий монастырь, и могила его рядом с могилой Самуила Галкина» [79, №6 с. 175] .

И Галкин там, и Хлебников,

Лежат как с братом брат,

*О смертном и бессмертном
Со мною говорят.
Они рифмуют вечность,
Да с чем – не угадать,
Такая уж даётся
Поэтам благодать.*

С К.Д. Бальмонтом Надежда Александровна лично встретила только один раз, у него на даче. «Он был весел и радушен, позвал меня к ним обедать, потом читал мне свои стихи, слушал и хвалил мои» [79, №6 с. 177]. Несколько раз бывала на его вечерах. «Читал он с большим пафосом, выкрикивая отдельные слова и чеканя ритм, держался не просто, а с аффектацией <...> В зале чувствовалась не любовь к поэту, а «обожание» и «обожение», вызывавшие в другой части публики протест и иронию <...> Мне досталось счастье один раз слышать самого Скрябина на его авторском концерте, и меня поразила нечеловеческая лёгкость его прикосновения к роялю. Казалось, что звуки на тончайшем пределе и что строится мир из невесомых хрустальных пластинок. Так вдруг и в стихах Бальмонта проступало это невесомое, почти бессловесное, на грани музыки, за гранью музыки, - не то звук, не то свет» [79, №6 с. 177].

В 1915-1916 годах в Москве гремел Игорь Северянин. О его выступлениях в Политехническом Музее Павлович рассказывает: «Он выходил: лошадиное лицо, белый цветок в петлице <...> Под всей мишурой и экзотикой третьеразрядного ресторана каким-то чудом жило настоящее поэтическое чувство, даже простодушие» [80, №1 с. 151].

О В. Маяковском Надежда Александровна пишет: «Помню и выступления Маяковского, которые резко делили публику на врагов и почитателей <...> Великолепный голос низвергался водопадом <...>

Стихи его вызывали горячие споры литературной молодёжи того времени. Авторитет его был непререкаемым...» [80, №1 с. 151].

Маяковский

2

*Неторопливо входил он в зал,
Серый снимал пиджак
Под любопытным взором зевак,
И – начинал.
Вспыхивал в зале испуг и смех,
Точен прицел слов.
Видел и слышал он всех,
Вплоть до последних рядов.
Грозная мощь простёртой руки,
Очень внимательный взгляд,
У невесёлого рта желваки
Голоса водопад.
Зал казался мал
Для всего его существа...
Аплодисментов обвал...
Вздыбленная Москва...
...
На улицах снежные горы,
Мороз обжигает огнём...
И юные жаркие споры
О Маяковском – о нём!
1968 Цикл «Современники»*

2.5 Кафе поэтов и II студия стихосложения

В 1918-м году в Москве стали возникать кафе поэтов, или же в обычных кафе регулярно организовывались выступления поэтов, даже таких маститых, как Валерий Брюсов. Эти выступления в кафе возникали спонтанно и были важны, потому что становились некоторой материальной базой в то голодное время. Ужин выступавшему поэту был обеспечен, а иногда за выступление платили продуктами. Главное же, тут происходил непринужденный обмен мнениями и между участниками выступлений и между поэтами и публикой.

К этому времени Павлович стало ясно, что её путь – это путь поэта, а также, что эта профессия требует специфических познаний и навыков, которых она не получила на историко-филологическом факультете. Тогда вместе со студентом Вейцманом они организовали студию стихосложения. В качестве лекторов выбрали Вячеслава Иванова для курса по истории поэзии, Андрея Белого для курса по ритмике, Валерия Брюсова для курса по метрике и семинара по стихосложению. Нашли помещение, однако денег на оплату лекторов не было. Пошли к Вячеславу Иванову. «Он принял нас в пледе и шапочке. Был похож и на Тютчева и в то же время на иезуита. Подробно распросил нас об учебном плане <...> Потом осведомился о наших средствах...». Иванов согласился читать лекции: «Мысль у вас интересная. Если деньги наберутся, вы мне заплатите. Если нет, буду читать даром» [80, №1 с. 154]. Потом пошли к Андрею Белому. «Комната его была увешана диаграммами для каких-то лекций по антропософии <...> Он был великолепным оратором, выразительно жестикулировал. Иногда его жестикуляция почти переходила в танец. Зрачок – буравчиком. Пух вокруг лысины дымился, как ореол. Едва он услышал предложение читать лекции по ритму, он весь взвился <...> Он забегал по комнате <...> Вдохновился. Я смущённо начала говорить о

деньгах. Он оборвал меня. Его это не интересует. Он столько лет думал о ритме и рад, что сейчас он построит стройный курс» [80, №1 с. 155]. Пошли к Брюсову. Тот выслушал с удовольствием, отметил, что такая студия – «мечта его юности», и сказал возвращаться, когда выяснят, смогут ли оплатить его курс.

Студия была организована, начали приходить слушатели. Для эпизодических лекций Павлович и Вейцман смогли пригласить также Михаила Осиповича Гершензона. Однажды как гость зашёл и Алексей Толстой.

Вспоминая своих учителей на литературном поприще, Надежда Александровна пишет: «В 1916 году я в первый раз передала Брюсову тетрадь моих стихов, он написал на ней: «Следует учиться поэзии. Валерий Брюсов» [80, №1 с. 156]. Брюсов требовал технического умения владеть поэзией. «Вы не стихи пишете сейчас, а вы решаете задачу на стихосложение. Техника нужна для того, чтобы владеть всеми своими силами, когда придут к вам настоящие стихи» [80, №1 с. 156]. Он требовал ежедневной тренировки. «Нужно научиться так владеть стихом, что, если даже вас ночью разбудить, вы бы смогли написать стихи любым размером и на любую тему» [80, №1 с. 156]. Во время занятий и вечеров в кафе Брюсов любил импровизировать: «в вазу клали записки присутствующих, он действительно наугад брал одну или три из них, развёртывал, выбирал тему, если брал три; несколько минут думал, а затем, держа в руке чистый листок бумаги, начинал импровизацию, предпочитая сложные формы сонета, триолета или пользуясь октавами. Как-то я спросила его – зачем ему этот чистый лист бумаги. Он ответил: «так я чувствую себя увереннее» [80, №1 с. 152].

ВАЛЕРИЙ БРЮСОВ

Желтеющие проседью усы...

Монгольского лица скуластый треугольник.

И молодой поэт стоит пред ним, как школьник.

- Всегда учитесь!- Смотрит на часы: -

Пора теперь мне в Книжную палату!

Неяркий свет улыбки суховатой...

1968 Цикл «Современники»

Особое отношение у Надежды Павлович было к Андрею Белому, с которым она встречалась довольно часто в 1918 году. В то время все литераторы увлекались его теорией ритма, перевернувшей мир поэзии. В своих «Воспоминаниях об Александре Блоке» поэтесса пишет: «Сам он на одной из своих книжек, подаренных мне, написал о нашей дружбе. Я бы наши отношения дружбой не назвала. Он был нечто вроде «великого посвящённого» от антропософии, я - скромной ученицей, которую он считал способной и заслуживающей доверия <...> Вели мы с ним разговоры и на мистические и на политические темы. Он Октябрьскую революцию принимал со своей символистской и мистической позиции и укреплял меня в этом приятии» [66, с. 468].

1918 год - это было время, когда интеллигенция раскалывалась на два лагеря по поводу позиции в отношении революции и нового строя. Внутренний выбор стал необходим, его пришлось сделать и Надежде Павлович. Однако несмотря на уважение к А. Белому, определяющее значение имело решение Блока, который, по признанию самой Н.Павлович, был её «совестью»: «Я знала, что Белый многие годы был близок с ним; сам Белый, видимо, чувствовал, что для меня он в каком-то смысле является связью с Блоком, и при первом же моем посещении подарил мне не свою книгу, а «Стихи о Прекрасной Даме» [66, с. 468].

II

АНДРЕЙ БЕЛЫЙ

Он туфли проплясал насквозь,

Вприпляску он писал,

*Как бы вакхическую гроздь
И тирс он подымал.*

*Змеились молнии на лбу,
Был вихрь взметён кругом,
Волос дымился лёгкий пух
Вкруг лысины – венцом.*

*В его фарфоровых глазах
Буравились зрачки,
И был похож на орлий взмах
Полёт его руки.*

(из поэмы «Воспоминания о Блоке»)

О феноменальной рассеянности Белого ходили легенды. Павлович была свидетелем одного из таких случаев: «Он на самом деле на моих глазах надел себе на лысину вместо шапки чёрного кота Чубика, лежавшего в передней на вешалке» [66, с. 453].

Благодаря организованной по инициативе Павлович студии стихосложения, в том же 1918 году она часто бывала у Вячеслава Иванова. «Он был настолько внимателен ко мне, что предложил показывать ему каждое новое стихотворение и очень строго разбирал мои стихи, останавливаясь буквально на каждой строчке. При этом он всегда исходил из моих авторских намерений, учитывая своеобразие моего поэтического лица, не навязывая свою манеру» [66, с. 470].

У Вячеслава Иванова жил его приятель, Владимир Николаевич Княжнин (Ивойлов), критик, библиофил, исследователь Аполлона Григорьева, близкий друг А. Блока, о котором написал книгу воспоминаний. В то время он проходил военную службу в Москве.

Павловлович и Княжнин по-настоящему подружились. Позднее именно Владимир Николаевич познакомит её с А. Блоком.

2.6 Пролеткульт

В 1918 году Надежда Павлович работала в Пролеткульте в Москве и в Самаре. Для этой деятельности очень пригодился её предыдущий опыт организации студии стихосложения. Рассказывая об этом периоде своей жизни, поэтесса отмечает, «много было нового и спорного для меня в теории и в практике Пролеткульта, а иногда и горького и смешного» [80, №1 с.162]. Так как она была секретарём литературного отдела, посетители прежде всего попадали к ней. Ей доверялась задача «отделения овец от козлиц», для которой в Пролеткульте была точная инструкция. Первым критерием было происхождение и профессия автора. Вторым – тематика и инвентарь произведения (хорошим тоном считалось воспевание болванок, рубанков и других инструментов). «Мне доверялось определять поэтически-социальное положение приходящего, консультировать, даже признанных пролеткультовцев, но сама я была «буржуйкой», и мне печататься в пролеткультовских органах не полагалось», - вспоминает Павлович [80, №1 с. 162].

По озорству характера Надежда Павлович придумала такой трюк, написала сборник стихов «Железная степь» в соответствии с требованиями к пролеткультовским поэтам и подговорила своего приятеля сказать, будто этот сборник принёс ему один робкий паренёк, слесарь завода. Шефы восхитились и хотели было напечатать эти стихи. Однако тут поэтесса решила сознаться, чтобы не ставить в глупое положение своих приятелей, писателей-пролетариев.

Особенно крепкая дружба связывала Павлович с Михаилом Герасимовым. Герасимов в то время после возвращения из Европы, где несколько лет прожил политэмигрантом, заведовал литературным

отделом Пролеткульта. Жил он там же в бывшей ванной — большой, светлой комнате с декадентской росписью на стенах, в которой ванну прикрыли досками, поставили письменный стол и сложили печурку. Н. Павлович вспоминает: «Это был высокий статный человек, с гордо поставленной головой, с широкими свободными движениями, сильный душевно и физически. Систематического образования он не получил, но много читал и разбирался в искусстве и литературе. При большом добродушии, широте и открытости была в нём и некоторая «твёрдокаменность», которая и привела его к позициям Пролеткульта, в то время казавшимся наиболее революционными и непримиримыми <...> Стихи Герасимова были сложнее и глубже стихов его товарищей, он искал некоего синтеза в космизме, не боясь даже риска впасть в риторичность»[80, №1 с. 164].

Об этом периоде Надежда Александровна говорит: «Каждый день рассматривался в аспекте мировой революции, которая при этом казалась уже на пороге. Это представление о неизбежности почти мгновенного прихода мировой революции было свойственно не только пролеткультовцам, но и вообще нашему поколению» [80, №1 с. 164]. Павлович вспоминает, как однажды болела и пролежала семь суток без сознания. Как только очнулась, спросила у нянечки в больнице: «Где я? — «В больнице». — «А мировая революция уже была?» [80, №1 с. 165]. Революция для поколения молодых писателей была не просто свершившейся реальностью, а подчас и самой жизнью, не только настоящим, но и будущим. «Ведь я не была активной революционеркой, но это было в нашем воздухе, в нашем подсознании» [80, №1 с. 166].

Внимание Михаила Герасимова привлекли произведения Сергея Есенина, близкие ему и настроением и самими поэтически размахом. Скоро и сам Есенин стал частым гостем в комнате Герасимова.

«Однажды пришли в литературный отдел Пролекульта Сергей Есенин и Сергей Клычков. Клычков был похож на «стилизованного былинного молодца». <...> чувствовалось в нём что-то простодушное, а главное, уж очень любил он слово как таковое, и вышивал он свою речь этими народными словами, любуясь ими, а не собой <...> Рядом с кряжистым и даже немного громоздким Клычковым Сергей Есенин казался особенно лёгким и весёлым, с глазами ещё незамутнёнными, с ясным блеском белокурых кудрей.

- Крестьянские поэты пришли. Принимаете?

-Принимаем! – засмеялся Герасимов и пошёл навстречу Есенину.

А через час мы уже сидели в Мишиной комнате, пили кипяток и говорили, говорили так, как можно было говорить только в молодости и в такое невероятное время, как 1918 год» [80, №1 с. 166].

«Все мы были очень разными, но все мы были молодыми, искренними, пламенно и романтически принимали революцию – не жили, а летели, отдаваясь её вихрю. Споря о частностях, все мы сходились на том, что начинается новая мировая эра, которая несёт преобразование (это было любимое слово Есенина) всему: и государственности, и общественной жизни, и семье, и искусству, и литературе» [80, №1 с. 168].

Это было время новых идей и начинаний, нового самоопределения, когда кончалась человеческая обособленность и индивидуализм преодолевался в коллективе. Вместо «я» в человеческом сознании возникало «мы». Также и в литературе того времени шёл сложный процесс отмирания старого и возникновения нового. Было ясно, что по-прежнему писать уже нельзя, что надо искать какие-то иные формы. На фоне этого нового мироощущения и миропорядка, Надежда Павлович со своими коллегами по цеху пробуют написать литературное произведение «коллективного» формата.

2.7 Коллективный сценарий «Зовущие зори»

В 1918 году появляются «коллективные» произведения: киносценарий «Зовущие зори», написанный С. Есениным, М. Герасимовым, С. Клычковым и Н. Павлович, а также «Кантата»¹², первая часть которой была написана М. Герасимовым, вторая, самая знаменитая «Спите, любимые братья...» - С. Есениным, третья – С. Клычковым.

Более объёмным и сложным «коллективным» произведением был киносценарий. В «Зовущих зорях», по словам Н. Павлович, авторам было важно показать преобразование действительности через преобразования в героях. Так, Саховой – деревенский увалень – становится одним из безымянных героев революции, белый офицер Рыбинцев переходит к большевикам, его жена Вера Павловна становится другим человеком и уходит на фронт вместе с женой рабочего Наташей.

«Эти юношеские опыты для сегодняшнего читателя и наивны, и несовершенны, но в них отразилась и эпоха, и наши тогдашние художественные искания, и мы сами, до некоторой степени явившиеся прототипами отдельных персонажей <...> В Назарове, «рабочем, бывшем политэмигранте, с ярко выраженной волей в глазах и складках рта, высокого роста», есть черты Михаила Герасимова. Правда, Герасимов <...> спокойный, сильный и красивый человек, крепко ходящий по земле, - совсем не был похож на «вихревую» птицу, как значится в сценарии <...> некоторые черты Веры Павловны Рыбинцевой навеяны моим тогдашним обликом. Я была романтической интеллигенткой, попавшей в «железный» Пролеткульт <...> Всё развитие образа Рыбинцевой – это попытка показать в художественной форме революционное перевоспитание человека, пусть вышедшего из других социальных слоёв, но ставшего на сторону революции (образ

¹² написана ко дню открытия мемориальной доски на Кремлёвской стене 7 ноября 1918 года

разрабатывал Герасимов) <...> Наташа Молотова в основном разработана мной. Её образ имеет непосредственную связь с образом Тани из моей поэмы «Серафим». Обе они вышивают алое знамя, обе уходят на демонстрацию, а потом в бой. А сцены в Кремле, арест и бегство Рыбинцева должны быть отнесены главным образом к Есенину. Вся эта часть сценария идёт под знаком есенинского «преображения» [80, №1 с. 169].

Прежде всего соавторы вместе придумали сюжет и примерно распределили работу. Далее каждый конспективно набрасывал свою долю, и потом это вместе обсуждалось. При этом у каждого было много и других дел. Как пишет Павлович: «все мы были люди занятые, да ещё разбрасывающиеся. Уж очень интересное было время, и страшно было что-то упустить» [80, №1 с. 170].

Недалеко от Пролеткульта, на Арбате, была столовая, где с карточек срезали талоны на обед, но где можно было уже без карточек после обеда получать морковный чай и сидеть в тепле. Комната была прокуренная, замызганная, на столах на цепочках оловянные ложки, чтоб посетители не забрали. Из еды – пшено и вобла. Тут соавторы и назначали встречи. Как противопоставление этой столовой— «величественный зал, роскошная сервировка и изобилие пищи», как это даётся в картинах будущего в сценарии.

Как признаётся Н. Павлович в своих воспоминаниях: «Жизнь потом разметала нас, но «Зовущие зори» остаются для меня дорогим воспоминанием о товарищах моей молодости» [80, №1 с. 171].

В последующие годы Павлович продолжала встречаться с Сергеем Есениным, не часто, но дружелюбно. Она иногда выступала вместе с ним в «Стойле поэтов» и других кафе: «Он великолепно читал стихи, то мягко и задушевно, то лихо – по-разбойничьи <...> Публика неистово встречала и провожала его. Читать после него было невозможно, и я

всегда говорила: «Серёжа! Сначала я, а потом Вы!» Он ухмылялся, понимая. Он был хорошим, добрым товарищем. Серёжу не опасались. От него никогда не ждали какого-нибудь подвоха, коварства. Он был внутренне чистым человеком, даже в самые тяжкие, пьяные свои годы...» [80, №1 с. 171].

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН

З

«Стойло Пегаса»...Кабацкий уют:

Здесь спекулянты, отчаявшись, пьют,

Дамы накрашены дочерна,

А за окном – снег и луна;

Мчатся последние лихачи ...

Выстрел далёкий ... Молчи! Молчи!

Вот он - рязанский родной паренёк

Комкает белый смятый платок,

Голос срывается, как струна...

Эти стихи покрепче вина!

Тесной Тверской идём вдвоём,

Каждый думает о своём...

«Волос кудрявый, глаз голубой!..

Что за беда случилась с тобой?»

1968 Цикл «Современники»

Однажды Сергей Есенин провожал Павлович по Тверской и делился своими мыслями по поводу создаваемой и тогда статьи «Ключи Марии»¹³. «Меня тогда поразило, каким сложным и образным путём, не понятий, а именно образов и ассоциаций, развивалась его мысль. Это

¹³ Написана в 1918 году

было органическое, интуитивно-ассоциативное, а не логическое мышление <...> смерть его была особенным горем для нашего поколения – его сверстников» [80, №1 с. 171].

2.8 Работа в Наркомпросе. Н.К.Крупская

Постепенно Надежда Павлович начинает разочаровываться в Пролеткульте и в своей функции внутри этой организации. Её больше интересуют общие вопросы внешкольного образования, избы-читальни и всё то, «что подлинно хлынуло в народные массы, а не выращивалось несколько оранжерейно в Пролеткульте» [80, №4 с. 170]. О своём желании она рассказывает члену ЦК Ф. И. Калинин, от которого получает рекомендательное письмо к Надежде Константиновне Крупской. Перед этой встречей Павлович волнуется: «Жена Ленина, какая она? Верно, важная?» Однако её опасения не оправдываются: «...ко мне подошла невысокая, очень просто одетая женщина. Она была похожа на пожилую учительницу гимназии, пожалуй, даже на классную даму...Только у этой «классной дамы» были ясные, добрые, очень выпуклые глаза...» [80, №4 с. 170].

Н.К. Крупская предложила Павлович работу секретарём в подотделе народных домов Наркомпроса, где она получила возможность познакомиться с принципами советского внешкольного образования и с результатами первых опытов в этой области.

Шёл 1920 год, прибывали раненые, и Надежда Павлович, имевшая образование медицинской сестры военного времени, решила уйти из Наркомпроса в госпиталь. Однако связи с Крупской не теряла, передавала о себе новости через коллег или сама заходила. Через некоторое время во время сильнейшей эпидемии тифа Павлович тяжело заболела. «Когда я поправилась, старшие писатели (Вячеслав Иванов, Валерий Брюсов) настаивали на том, что мне нельзя больше работать

сестрой, обо мне говорили с Луначарским» [80, №4 с. 171]. Таким образом, Павлович снова возвращается к Надежде Крупской, в этот раз на место секретаря Президиума внешкольного отдела. Начинается новая работа, уже под непосредственным руководством Крупской, о которой Надежда Павлович вспоминает с искренней добротой и благодарностью за её доброе отношение: «Я была плохим секретарём, думаю, что такого секретаря Надежда Константиновна не имела за всю свою жизнь. Я путала бумаги, опаздывала, даже забывала про заседания <...> меня Надежда Константиновна очень жалела, так как я была слаба после тифа, относилась с материнской заботливостью, звала «Надя» и «Дитя моё» [80, №4 с. 171].

«Скромность и непритязательность во всём Надежды Константиновны были безграничны. За два года общения с ней (1919 и 1920 я видела на ней только это синее, закрытое «классно-дамское» платье, тёмный сарафан со светлой блузкой, серый шерстяной платок на плечах и единственное лиловое шёлковое платье для каких-то парадных случаев. Я видела её в нём только раз. Единственная «роскошь» - хорошая по тому времени машина, которой пользовались Ленин и Крупская и которую водил товарищ Гиль, бывший шофёр-любитель» [80, №4 с. 173]. Иногда на этой машине водитель подвозил и Павлович по особому распоряжению Н.Крупской.

Через некоторое время Павлович поручается секретарство по приёму к Н. К. Крупской. «Здесь я увидела людей со всей России, из городов и деревень, здесь были и старики, и молодёжь, с нуждами всего перемолотого общества и поднявшейся опары нового, а месила и перемалывала это сама революция. Как страшно, как трудно, как радостно и как интересно!» [80, №4 с. 174].

«Надежда Константиновна была безмерно добра и отзывчива, помощь людям была её душевной потребностью. Чтобы это

почувствовать, надо было только взглянуть в эти кроткие внимательные глаза, выпуклые от болезни щитовидной железы» [80, №4 с. 175].

То, чего ей не хватало в Пролеткульте, Павлович получала, работая у Н. Крупской в Наркомпросе. Там она видела интенсивность и широту культурного процесса и искреннее стремление народа к знаниям, которые так долго были доступны лишь избранным. Эти первые постреволюционные годы были, по словам Павлович, высоким и безкарьерным временем, бюрократизма ещё не было или он только зарождался, это было время стихийно-поэтическое, время «Двенадцати» Блока. «Ритмы «Двенадцати» действительно передавали ритм времени, когда из вольной сумятицы частушки и песни, местечковой речи и разгоревшихся страстей, из радостного и грозного вихря уже проступал, уже выковывался державный и мощный шаг новой государственности и новой народной культуры.

На наших глазах рождался новый качественный мир, и от нас зависело, каким он будет, от каждого из нас, и впервые наше поколение стало говорить «мы», а не «я» [80, №4 с. 175].

2.9 Воспоминания о Б. Пастернаке

В 1918 году Павлович знакомится с Борисом Пастернаком. Оба они входили в так называемый Брюсовский президиум Всероссийского союза поэтов¹⁴. По её словам, настоящей дружбы между ними не было, но встречались они часто, иногда вместе гуляли по Москве. «Борис был очень красив, по меткому слову Виктора Шкловского, был похож сразу и на араба, и на его коня» [80, №2 с. 175]. Павлович не раз выступала на вечерах Союза, которые проводились обычно в помещении бывшего кафе «Домино» на Тверской, 18. Там часто бывал и Борис Пастернак, нередкий в те годы участник подобных мероприятий. Сохранилось

¹⁴ Всероссийский союз поэтов (далее ВСП) – литературное объединение поэтов разных направлений и школ, возникшее в 1918 году в Москве, в 1920 в Петрограде (отделение)

письмо Пастернака Н. Павлович от 28 июня 1920 года, когда Павлович была послана в Петроград для создания там отделения Союза поэтов [88]. Данное письмо отражает не только подавленное настроение Пастернака в послереволюционные годы, но и характер доверительных отношений между ним и Надеждой Павлович.

<Москва>, 28 июня 1920

Милая Надежда Александровна!

Спасибо за письмо. Я получил его вчера, 27-го. Спешу ответить, хотя ваших просьб исполнить ещё не успел, а постараюсь сегодня.

Радуют меня Ваши сообщения, радует доверье, радует тепло. Спасибо за всё. Всё больше и больше крепнет во мне решение переехать в Петроград. А здесь всё продолжается московская бестолочь, наперекор природе укрепляемая принципом: «Кто трудится, тот не ест». Два раза выступал в кафе и второй раз особенно хорошо, т. е. особенно неудачно. Это был «доклад», я им дело говорил, а они ждали «теории», «научности» и, что всего важнее, - полуторачасового цеженья сквозь зубы. Я же отрапортовал им в пять минут. А люди деньги платили. Всего замечательнее было то, что они моими же книгами старались побить; задавали вопросы; что я чувствовал, написав то-то; как я писал, писав это-то, люблю ли я прозу А. Белого; какова будет та проза, которую я напишу? и т. д. и т. д. - Всё это мне порядком надоело. На днях закончу я это всё: выступления и работу в Союзе. Надо что-то настоящее сделать, а пока этого нет, тошнит от этой «круговой профессиональной поруки». Вы знаете, как я смотрю на всё происходящее кругом. Помните, я говорил Вам, как и когда я оживу опять. А жить на счёт какого-то создавшегося кредита, жить вообще в кредит не могу, не хочу, не умею. Вот скоро уеду.

Страшно только то, что время так быстро идёт, пустое, негружёное. Так вагоны возвращают на ст(анцию) отправленья, сплошными

составами. Получается впечатление, будто время это не поступает, а отливает назад. Хорошо, когда бы так. Ну да что меня слушать! Из пяти возможностей издать «Сестру м(ою) Ж(изнь)» не использовал ни одной и, кажется, на время брошу. Она не пропадёт. Я, вероятно, pošлю Вам кое-какие рукописи - рассказ, статью (вчерашний «доклад»), ещё что-нибудь, ещё не надумал. Может, пригодятся там. Борису Николаевичу¹⁵ большое спасибо за память. Пока он жил тут, я сильно сдерживал себя, чтобы не увеличить числа звонков и стуков, и посещений в его доме ещё одним - тяжёлым. Вот так всегда. А теперь его тут нет.

Ваш Б. Пастернак

Вспоминая характер и особенность творческой натуры Пастернака, Надежда Александровна отмечала: «Он действительно думал так – кругами, зигзагами, повторениями, а не прямым логическим развитием мысли, но именно это и придавало особую, почти иррациональную прелесть общению с ним <...> Встречались редко, но я знала, что в беде Боря всегда поможет и что никогда никакого лукавства и двоедушия с его стороны не будет» [80, №2 с. 176].

Пастернак хорошо отзывался о поэме Павлович «Воспоминания об Александре Блоке», напечатанной в 1946-м году в «Новом мире». В свою очередь Павлович одной из первых прочла рукопись романа «Доктор Живаго». «Я тоже захотела прочесть <...> (Пастернак) охотно согласился и потом сказал мне, что ему хотелось, чтобы я прочла, потому что тут есть кое-что даже из наших давних бесед – начала революции» [80, №4 с. 177]. Рукопись включала часть романа до приезда на Урал и тетрадь стихов, некоторые из которых были на

¹⁵ Имеется в виду Андрей Белый (Борис Николаевич Бугаев).

христианские темы. Благодаря этой рукописи общение между Павлович и Пастернаком возобновилось. Надежда Александровна высказывала свои возражения по поводу прозы и стихов в романе. В своих воспоминаниях «Невод памяти» она так описывает этот эпизод: «Я представляю себе возможность гениального революционного романа, одушевлённого высокой идеей преобразования человечества, но я представляю себе возможность создания и великолепного контрреволюционного романа о русской Вандее, если опять-таки будет поднята большая тема противопоставления старой нашей культуры тому вихрю, который поднял и перемешал вековые культурные пласты. Мы знаем, что и Пушкин страшился бунта, и Горький первое время после Октябрьской революции ужасался возможности гибели культуры. Но в обоих случаях большая, мировая идея должна быть движущей силой и осью героического романа.

Можно представить себе великое произведение, где та же революция была бы показана с точки зрения обывателя, но тогда нужно, чтобы всё время ощущался суд автора. Никто Гоголя не смешает с Чичиковым, а в рукописи Пастернака я этого верховного авторского суда не чувствовала, и Бориса часто можно было как бы отождествлять с доктором Живаго.

Были у меня возражения и композиционного порядка: в романе сменялись картины русской жизни 1918 года, их было очень много, полотно было широчайшее, и отъезд героев романа на Урал давал простор и обоснование этому показу. Но я опять-таки вспомнила «Мёртвые души». Если их композицию представить себе архитектурно, как большое здание с колоннами, то сцены у Плюшкина, у Коробочки будут именно как бы колоннами. Если их вынуть, здание не рухнет, но фасад будет нарушен, а эпизоды путешествия Живаго можно и тасовать и даже вынимать, в них нет устойчивости и необходимой

композиционной закономерности при всей красоте и выразительности, когда они взяты сами по себе. Я говорила Борису об отдельных прекрасных образах, о русском пейзаже, дивно запечатлённом, но упрекала за отношение к интеллигенции, которая в романе идёт работать к большевикам в основном из-за нужды, из-за пайка, а не от сердца. И написала ему, что мой старик отец был бы внутренне оскорблён такой постановкой вопроса» [80, №2 С.178].

Как известно, Павлович была не одинока в своём неоднозначном отношении к роману, подобной критике роман подвергался со стороны многих литераторов. Так, например, Корней Чуковский писал в своём дневнике: «... при всей прелести отдельных кусков, главным образом относящихся к детству и к описаниям природы, он (прим. – роман) показался мне посторонним, сбивчивым, далёким от моего бытия — и слишком многое в нём не вызывало во мне никакого участия» [94]. Анна Ахматова отмечает: «Встречаются страницы совершенно непрофессиональные. Полагаю, их писала Ольга. Не смейтесь. Я говорю серьёзно. У меня... никогда не было никаких редакторских поползновений, но тут мне хотелось схватить карандаш и перечёркивать страницу за страницей крест-накрест. И в этом же романе есть пейзажи... я ответственно утверждаю, равных им в русской литературе нет. Ни у Тургенева, ни у Толстого, ни у кого. Они гениальны, как «рос орешник» [93].

В ответ на возражения Павлович, Борис Пастернак пишет письмо:

24 фев. 1954

Дорогая Надя!

Дёрнула меня нелёгкая давать Вам эту рукопись! Горе не в том, что она Вам не понравилась, а в том, что в каждом моём шаге по отношению к Вам Вы будете теперь видеть следствия Вашего правдиво выраженного мнения и в каждом слове читать затаённую заднюю мысль.

Например, на письмо Ваше я в другое время за страшным недосугом бы не ответил, а теперь я не располагаю этой свободой, я в ловушке, я должен Вам поскорее ответить, чтобы успокоить Вас...Вы послали мне интересное и очень хорошо написанное письмо, но я не могу Вам этого сказать, потому что в моих словах Вам почудится скрытая язвительность в отместку за безоговорочность и строгость Вашего разбора...Когда я закончу эту вещь, я буду, может быть, немного свободнее. Тогда мы поговорим обо всём остальном, чего я второпях не могу касаться. Будьте здоровы, всего лучшего. Не затеряйте рукопись.

Ваш Б.П.

Письмо было чудесное по своей правдивости, по какому-то современному выражению в нём личности Бориса Пастернака, высокой и чистой.

В нём было и то стремительное, что характерно для всего творчества Пастернака, вечное «поверх барьеров»¹⁶. <...> я была против этого романа и до сих пор во многом с ним не согласна, но трагическая судьба поэта и моё расхождение с ним – одно из самых тяжёлых моих воспоминаний» [80, №2 С.179].

¹⁶ Название сборника стихотворений 1914-1916гг.

3. ПЕТРОГРАД. А. БЛОК В ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВЕ Н.А.

ПАВЛОВИЧ

3.1. Встреча с А. Блоком в Москве

В Москве Павлович зачитывалась стихами Блока и, как многие его поклонницы, хранила портрет своего кумира. И вот в мае 1920 года она видит афишу о выступлении Блока в Большой аудитории Политехнического музея и во Дворце искусств, на Поварской, а потом опять в Политехническом. Вот она, долгожданная встреча, Надежда Павлович идёт на выступление Блока.

«Блок вышел — очень простой, обыкновенный, в первую минуту даже некрасивый. Серый костюм. Усталое лицо, крепко сжатый рот. Зал дрогнул волнением первой встречи ... Потом аплодисменты без конца. Его очень любили и чтили, как первого русского поэта нашего времени. Блок стоял, наклонив голову, — ждал. Потом стал читать. Вся красота и строгость этого лица просияли перед нами: он весь был такой, как его стихи.

Читая, он стоял, немного нагнувшись вперёд, опираясь о стол кончиками пальцев. Жестов он почти не делал. В выговоре его был некоторый дефект (звуки «д» и «т» особенно выделялись), он очень точно и отчётливо произносил окончания слов, при этом разделял слова небольшими паузами <...> Читая, Блок шёл от смысла стихов, но самая музыка стихов, их ритм и смысл были слиты нераздельно и органично, поэтому его чтение так потрясало слушателей. При этом в чтение своё он вкладывал глубоко-личный оттенок, его стихи воспринимались как запись дневника, и единственной внутренней защитой их была только высокая гармония» [66, с. 457].

Весь день 12 мая 1920 года — день первого выступления Блока в Москве — глухо раздавались взрывы. Осенью 1920 года Блок признавался Павлович, что в эти майские дни он уже думал о близости

смерти. Особенным был и выбор стихов, которые Блок читал на выступлениях в Москве и Петрограде в последний год своей жизни. По воспоминаниям Павлович, «он всегда читал «Голос из хора», «Перед судом», «Унижение», «Есть игра: осторожно войти...», «Пляски смерти», «Ты твердишь, что я холоден, замкнут и сух...». Только однажды в Петрограде я упросила его прочесть «Заклятие огнём и мраком», но строчка «Узнаю тебя, жизнь, принимаю» прозвучала не радостно и открыто, а как-то горько и хрипло. Проходя мимо меня по эстраде, он мне сказал: «Это я прочёл только для вас» <...> Стихи, которые Блок читал в свой последний год, звучали предостерегающе и все время обращались к совести слушающих. Его чтение было действительно «испытанием сердец» и страшным судом: бесстрастный, глухой, горький голос был неподкупен» [66, с.459].

Это первое увиденное ею выступление Блока произвело на молодую поэтессу колоссальное впечатление: «Я была потрясена и стихами Александра Александровича, и всем его обликом, и тем страданием, которое было за этими чудесными стихами...»[66, с.459].

В следующий раз Павлович слушала Блока во Дворце искусств: «Мы сидели вместе: Вячеслав Иванов, Княжнин и я. В антракте мы гуляли в вестибюле, а потом они повели меня в комнату, которая служила артистической. Я была так взволнована чтением Блока, что даже не сообразила сразу, куда они меня ведут, а расположения комнат я не знала. Неожиданно увидев Александра Александровича перед собой, я убежала. Это было для меня примерно то же, что увидеть рядом с собой ожившего Лермонтова» [66, с.460].

Павлович просит Княжнина показать её стихи Блоку. В одном из них была строка: «Узкий переулок — кинутый ятаган». После следующего выступления в Политехническом музее Павлович и Княжнин проходят в артистическую поэта.

«Блок стоял у окна побледневший, с холодным, отчуждённым лицом. Он явно был не здесь, к нему обращались, заговаривали, он едва отвечал. Увидев Княжнина, он улыбнулся и двинулся к нам навстречу. Он сразу сказал мне: «Я прочёл ваши стихи. Что вы хотите от меня услышать?» Я смутилась. Он сказал: «Мне ваши стихи понравились, я в них узнаю своё, какие-то отзвуки родного» [66, с.461].

Окрылённая словами Блока, Надежда Павлович однако просит указать на недостатки: «Для меня это большая радость, но мне важнее, чтобы вы показали мне мои недостатки. Что мне надо делать? Ведь я начинающий поэт. А вас я, может быть, больше никогда не увижу».

Тогда его лицо потеплело: «Теперь я вам скажу только одно. Мне больше всего понравилась строка: «Узкий переулок — кинутый ятаган». Это передает Москву: её видишь. А вашего плохого я сейчас не помню». И засмеялся. Потом помолчал, задумался: «Приезжайте в Петроград! Я сам, хочу с вами говорить, но здесь сейчас не могу. Вы приедете?» — «Да, я приеду» [66, с.461].

3.2 Петроградское отделение Союза поэтов

Через несколько дней Надежда Павлович начала подготавливать свою поездку в Петроград. Неожиданно для поездки нашёлся и предлог. В 1918 году Москве организовался Всероссийский Союз Поэтов (далее ВСП), Павлович была членом президиума, председателем был Валерий Яковлевич Брюсов. В президиум входили также Вячеслав Иванов, Борис Пастернак, Екатерина Волчанецкая-Ровинская, и Захаров-Мэнский и другие. Целью союза была организация и учёт русских поэтов, материальная помощь, предоставление полиграфической базы. Помимо этого ВСП занимался проведением докладов, диспутов, вечеров поэзии, литературных судов и конкурсов, устройством вечеров импровизаций.

Во времена трудностей с книгопечатанием, в начале 1920-х годов, Союз устраивал выступления поэтов с эстрады, поддерживал деятельность литературных кафе, таких как «Стойло Пегаса», «Домино» и других.

Как пишет в «Воспоминаниях об Александре Блоке» Надежда Александровна: «Недаром Белый сравнивал Брюсова с Иваном Калитой. Брюсов хотел взять на учёт и организовать всех русских поэтов <...> В то голодное время первым вопросом был попросту вопрос физического сохранения в живых существующих поэтов — как не дать им умереть, как мало-мальски их обеспечить материально и добиться хотя бы элементарных условий для работы (топливо, одежда, бумага, пайки). Дальше стоял вопрос о создании как бы единого поэтического фронта — новой, революционной поэзии, принявшей советскую жизнь и связанной с массами. Мы ждали новых людей не только из Москвы, но и из Петрограда и провинции» [66, с.463].

Брюсов планировал создание Петроградского отделения ВСП и, оценив организаторские способности Павлович во время совместной работы в студии стихосложения, предложил ей поехать в Петроград оценить обстановку: «Поезжайте в Петроград и предварительно переговорите с Блоком. Если он согласится встать во главе Петроградского отделения, это даст делу нужное направление» [66, с.464].

Сохранилось сопроводительное письмо, адресованное Блоку, которое дал Надежде Павлович В.Н. Княжнин:

«Дорогой Александр Александрович. Не могу всё уехать из города стольного — Москвы. Пришла оказия, надо Вам написать. Но, конечно, по нынешним временам не одни лирические чувства, а две целых просьбы.

Первая просьбишка обо мне самом.

Письмо это передаст Вам с рук на руки Надежда Александровна Павлович — стихотворица. Её стихи, помните, давал вам читать для судьбища на бумажках в квартире Коганши 3.

Ей Вы и соблаговолите отдать те три тысячи рублей (3000 р.), которые я передал Вам при Вашем отъезде. Она деньги переправит моим.

А вторая моя просьбишка о самой Надежде — свет Александровне. Окажите — мне не в службу, а в дружбу — всякое ей содействие, такое, как бы мне самому.

Она очень хороший, мой первый друг в Москве, хороший, но «поэтический» человек, то есть рассеянный и неумелый.

Потолкуйте с ней по душам.

Это не прихоть женская — смотреть в рот великого человека, «что он говорит».

У неё есть к Вам всякие и деловые разговоры. Но, конечно, не в них суть.

Хочется мне, чтобы Вы этого человека, то есть Надежду Александровну, приветили по-человечески, поговорили не на скорую руку, а во всю мочь. Хочется мне этого, и я прошу — сделайте по-написанному.

Кланяюсь еще Самуилу Миронову Алянскому, Самуилу Мироновичу, изд[ате]лю.

Скоро надеюсь (надеюсь всё ещё!) сам нагрянуть в Питер.

В л а д. Княжнин».

На письме есть пометка Блока: «19/Ш Горький дал 10 000. Дом искусств 6000» [66, с.465].

Александр Блок запомнил выражение «Надежда — свет Александровна» и впоследствии часто звал Надежду Павлович именно так.

19 июня 1920 года Надежда Павлович приезжает в Петроград и в тот же день идёт к Блоку. «Надела я своё лучшее платье из тёмно-синей выкрашенной полотняной занавески, с белым воротником, и белую шляпу-панаму с широкими полями. Волосы после тифа у меня, были острижены и вились крупными локонами. Я решила, что вид у меня вполне приличествующий случаю и даже «поэтический» [66, с.465].

Блок заинтересовался планами Брюсова создать Петроградское отделение Союза поэтов и согласился собрать инициативную группу. Он говорил: «Не знаю, выйдет ли из этого что-нибудь. Мы все тут разные, может быть, и общего языка не будет. Но материальная помощь нужна многим, нужны гайки, нужна книжная лавка писателей. Союз может это организовать. А потом, может быть, придут и новые люди, как и Брюсов надеется. Мы сами не знаем, кого можно ждать. Начнём с материальной заботы о наших поэтах, а может быть, выйдет и что-нибудь большее» [66, с.466].

С чувством трепета Павлович вспоминает эту первую встречу в Петрограде: «Помню зимой стоячую лампу на обеденном столе. Блок почему-то держит руку на свету, чуть ниже абажура. Она чётко обрисовывается, просвечивает. Это рука человека, не боящегося физического труда, крепкая, сильная, не утонченная, но благородная по очертаниям. Я смотрю на неё и думаю: «Эта рука написала всё, что я так люблю» <...> Блок сел в кресло перед столом. «Читайте стихи!» Я стала читать. Он слушал очень внимательно, иногда говорил: «Да, знаю. Всё знаю». Потом я стала читать свою поэму «Серафим», написанную под влиянием его «Двенадцати». Блок насторожился. Временами я видела по его лицу, что она ему не нравится. Когда я дошла до строк:

На куртке, на клеёнчатой, Солёной влаги след. Идёт корвет
знамёнчатый, Алеющий корвет, — вдруг Блок переспросил меня: «Что, корвет?» — и засмеялся: «Ну, если корвет, то всё в порядке! Не имею

возражений» [66, с.467]. А. Блок сначала воспринял поэму в бытовом, в реалистическом плане, а «корвет» вскрывал весь её наивный романтизм.

Впоследствии Блок полюбил эту поэму и хотел, чтобы она вышла отдельным изданием в «Алконосте». Поэма отмечается в проспектах издательства «готовящейся к печати». В первый же вечер Блок обещал взять стихи Надежды Павлович для «Записок мечтателей»¹⁷. Всё это: встреча с кумиром, участие в «Записках мечтателей», возможность печати поэмы «Серафим» было большой честью и радостью для молодой поэтессы. В Москве она и не мечтала об этом.

Однажды Блок сказал о глубокой родственности стихов его и Павлович: «Здесь есть и подражание мне, но я вижу большее. Это идёт действительно из одного источника. Подражание пройдёт, а это останется» [66, с.469].

В тот вечер Павлович просидела в гостях у Блоков до двух ночи и, возвращаясь домой, не чувствовала земли под ногами.

Начинался самый счастливый и творческий период жизни поэтессы. Сначала она жила на Бассейной, в Доме литераторов. В то время там останавливался и Георгий Иванович Чулков, который отнёсся к ней с большим вниманием и напечатал летом 1920 года в газете «Жизнь искусства» большую статью о её стихах «Новь». Павлович начала сотрудничать с «Записками мечтателей», полным ходом шла работа и по организации Петроградского отделения ВСП. Вскоре в старинном доме у Чернышёва моста состоялось первое собрание поэтов, на котором присутствовали А. Блок, А. Белый, Н. Гумилёв, М. Лозинский, Н. Оцуп, В. Рождественский - ядро будущего петроградского Союза поэтов.

Председателем Петроградского отделения ВСП был избран Блок, секретарями — Рождественский и Павлович, членами президиума были

¹⁷ Альманах издательства «Алконост» 1919-1922гг

Оцуп, Лозинский, Эрберг, Зоргенфрей. Одной из первых подала заявление о приёме Мария Михайловна Шкапская, подруга Н. Павлович. Сохранилось её заявление и отзыв членов комиссии, которые интересны как пример работы в ВСП:

«Заявление.

Прошу принять меня в число членов Союза поэтов. Первая книга моих стихов — «Mater dolorosa» — находится в наборе. Прилагаю несколько стихотворений для ознакомления.

М. Шкапская

Петроград 20.VII.1920 г.».

На обороте: «Стихи живые и своеобразные. Нахожу, что автора можно принять в действительные члены С. П. Ал. Блок».

«Автор, по-моему, может быть принят в члены, хотя стихи, при однообразии своей, чисто физиологической темы, часто неприятно натуралистически грубы и от неточности выражений местами непристойны, но поэтическое чувство и движение в них безусловно есть.

М. Кузмин».

«Полагаю, что автора следует принять в члены союза.

М. Лозинский» [66, с. 471]

5 октября 1920 года открылся клуб поэтов в помещении на Литейном, в бывшем доме Мурузи. Надежда Павлович вспоминает вечер, на котором впервые после своего возвращения в Петроград выступал О. Э. Мандельштам: «С первого взгляда лицо Мандельштама не поражало. Худой, с мелкими неправильными чертами... Но вот он начал читать, нараспев и слегка ритмически покачиваясь. Мы с Блоком сидели рядом. Вдруг он тихонько тронул меня за рукав и показал глазами на лицо Осипа Эмильевича. Я никогда не видела, чтобы человеческое лицо так изменилось от вдохновения и самозабвения. Это поразило и Александра Александровича» [66, с. 474].

Практически сразу отмечается своеобразие Петроградского отделения ВСП. «Если в Москве Союз Поэтов определялся Маяковским, Есениным, Брюсовым, Пастернаком, то здесь — Блоком, Гумилевым, Ахматовой, Лозинским, Кузминым... Чувствовались и разные традиции, и совершенно иной ритм жизни, иной характер взаимоотношений. Это противопоставление петербургских традиций московским достаточно остро выражено в заметке «Союз поэтов» в хронике сборника «Дом искусств», 1921 (на обложке — «1920»), № 1: «Мысль о Союзе поэтов, о своевременности и необходимости профессионального объединения возникла уже давно, но петербургские поэты решили осуществить это объединение, конечно, не по шумному примеру московской «эстрады», а на новых петербургских началах. Учредители хотели, помимо «защиты профессиональных интересов, найти в стенах союза возможность говорить о стихах и читать стихи, чувствуя себя при этом свободными от требований литературной улицы¹⁸» [66, с.475].

Сама же Павлович пишет об атмосфере внутри Петроградского Союза писателей: «Я привыкла к шумным московским литературным собраниям, к их простой, товарищеской атмосфере. Даже присутствие Брюсова или Вячеслава Иванова не сдерживало молодёжи. Кипели споры, и бурно высказывались мнения. Помню вечера, на которых мне приходилось выступать в кафе поэтов «Савойя» с Есениным и Брюсовым, казалось бы, такими разными поэтами, но связанными одним дыханием эпохи. И публика эти общие выступления встречала как нечто закономерное. Там дышалось легко.

А здесь — в Петроградском клубе поэтов — как всё было холодно, чопорно и чинно! Переговаривались друг с другом, а общего разговора не получалось. Он даже и не начинался» [66, с.475].

¹⁸ под «улицей» имеется ввиду московский отдел ВСП: Брюсов, Есенин, Хлебников, Маяковский, Пастернак и литературная молодёжь Москвы, действительно часто выступавшая на «эстраде» в «Кафе поэтов», «Стойле Пегаса» и других кафе

Блок относился добросовестно к своим обязанностям в Союзе поэтов, не пропускал заседаний, вникал во все мелочи. Надежда Павлович пишет: «Я помню, как Корней Иванович Чуковский с великим изумлением говорил о Блоке: «Я поражён, слыша от Александра Александровича не «я», но «мы» [66, с.476].

Однако довольно скоро внутри Петроградского отделения ВСП проявились разногласия, причиной которых было соперничество двух поэтических «школ»: блоковской и гумилёвской. Блока поддерживали Рождественский, Эрберг, Шкапская и Павлович; Лозинский, Грушко, Кузмин, Ахматова держались нейтрально. Группа молодёжи объединялась вокруг Гумилёва. Позже приехали Сергей Митрофанович Городецкий и Лариса Михайловна Рейснер, которые встали на сторону Блока» [66, с.475]. Несколько строк в своих воспоминаниях Надежда Александровна выделяет для Л. Рейснер: «Отважный комиссар гражданской войны, Лариса Рейснер была красавицей с точёным холодным лицом. Очень умна, обворожительна, дивно танцевала. Напоминала она женщин эпохи Возрождения. С Ларисой Рейснер Блок одно время встречался и катался с ней верхом, но, ценя её красоту и ум, относился к ней с несколько опасливым интересом. В ней чувствовалось что-то неверное, ускользающее» [66, с.476].

В поэме «Воспоминания об Александре Блоке» Н. Павлович описывает противостояние, сложившееся внутри Петроградского отделения ВСП:

Как два клинка, как два меча

Стихи скрестились к бою.

Два мира бьются и молчат

Два мира пред тобою.

«Гумилёв и «гумилята» держались особым кланом, чувствуя свою связь с акмеизмом и старым «Цехом поэтов» <...> Для этой группы

было характерно неприятие Октябрьской революции и презрительное отношение к окружающему <...> Гумилёв держал себя метром. Мелкие черты лица — действительно словно с «персидской миниатюры», осанка и движения офицера. Он вёл занятия в студии поэтов при Доме Искусств, где культивировался формализм. Образовался кружок молодёжи «Звучащая раковина»: корни его уходили в акмеизм и «Цех поэтов».

Николай Гумилёв яростно боролся за председательство в Союзе поэтов, чтобы искоренить блоковский дух и «вредные» революционные и демократические тенденции. Он презрительно фыркал, когда Блок заговаривал о выступлениях в районах или о новых поэтах, которые придут из народных масс. Он прямо говорил: «Это блоковское безумие». Поэма «Двенадцать» для него была принципиально неприемлема. Думаю, что и сама форма поэмы шокировала его» [66, с.476].

В свою очередь Блока раздражало пагубное, как он считал, влияние Гумилёва на молодёжь, уводящее от «музыки революции», которую тот призывал неустанно слушать. Искусство для искусства, оторванное от самого смысла жизни, от развития или потрясений, для Блока было глубоко враждебно. О молодёжи, которая тянулась к «Цеху поэтов», он говорил, что стихи у них «фабричные», то есть у них фабричное производство стихов.

Всё его принципиальное расхождение с Гумилёвым выражено в последней предсмертной статье А. Блока «Без божества, без вдохновенья». В ней поэт пишет: «...становится грустно; ибо Н. Гумилев и некоторые другие «акмеисты», несомненно даровитые, топят самих себя в холодном болоте бездушных теорий и всяческого формализма; они спят непробудным сном без сновидений; они не имеют и не желают иметь тени представления о русской жизни и о жизни мира

вообще; в своей поэзии (а следовательно, и в себе самих) они замалчивают самое главное, единственно ценное: *душу*.

Если бы они все развязали себе руки, стали хоть на минуту корявыми, неотёсанными, даже уродливыми, и оттого больше похожими на свою родную, искаленную, сожжённую смутой, развороченную разрухой страну! Да нет, не захотят и не сумеют; они хотят быть знатными иностранцами, цеховыми и гильдейскими; во всяком случае, говорить с каждым и о каждом из них серьёзно можно будет лишь тогда, когда они оставят свои «цехи», отрекутся от формализма, проклянут все «эйдолологии» и станут самими собой» [7, с. 176].

Осень 1920 года. Нет хлеба. Нет дров. Поэты голодают...

Меняем золото на соль,

На воду крепкое вино.

Так повелел суровый век,

А жить в другом нам не дано.

Мы знаем хлеба чёрствый вкус

И сколько метров полотна

(Хозяйка, только шей в обрез!)

Рубашка смертная возьмёт.

На крыше снега белизна

И у виска,

Мы юными встречаем век

Огня, железа и кислот,

И в ночи этой человек

Сгорел до костяка.

20-е годы

Для того, чтобы хоть как-то прокормиться, организаторы Союза поэтов вынуждены просить у различных учреждений материальную помощь. В то время в тяжёлом положении находился и Алексей Михайлович Ремизов. Хотя формально Ремизов и не подходил для членства в Союзе поэтов, но Блок, думая о лавке поэтов, поставил в письме к Павлович вопрос о приёме Ремизова в Союз:

«Надежда Александровна, сейчас Алянский рассказал мне о лавке Дома Искусств и о возможности нашей лавки. Вы уже об этом знаете. Нам надо поскорее, (на той неделе) отправиться к Федину в отдел печати просить о лавке Союза. Надо написать бумагу, напирая на то, что мы должны быть отдельными от дома Искусств, ибо: 1) нам нужны средства для Союза; 2) мы никому не подчинены здесь — центр в Москве. Думаю, что хорошо бы пойти к Федину (который очень мил) Вам или Вам с М. М. Шкапской. Как Вы смотрите на то, чтобы пайщиком был Ремизов? Я лично не имею против, но его надо выбрать в Союз. По-моему, основания есть, а ему было бы это материально важно. Сейчас звонил Рождественский, я дал ему Ваш адрес.

Ваш Ал. Блок» [66, с.478].

Павлович со Шкапской к Федину сходили, но из этой затеи ничего не получилось. Отдельной книжной лавки поэтов не разрешили организовать.

Кроме деятельности в Союзе поэтов Павлович читает свои стихи на различных выступлениях. Однажды её позвали выступать с петроградскими пролеткультовцами на броненосце «Петропавловск». Н. Павлович вспоминает: «Нас радостно встречали. Читали мы с приступки орудийной башни. Сама я туда подняться не могла, и один моряк просто взял меня в охапку и поставил. Волновалась я очень, но моряки встретили меня и улыбками и аплодисментами, что в большей степени относилось к моей молодости и к тому, что я была единственной

женщиной среди выступающих. Слушали замечательно. Читала я им отрывки из своей поэмы «Серафим» и вглядывалась в их лица <...> Было это по старому стилю 30 августа — день именин Александра Александровича, и я прямо с корабля пошла к Блокам. Там, собралось несколько близких знакомых. Был испечён пирог — редкость для того времени. Одна приятельница прислала муку. Я была так захвачена впечатлениями от броненосца, от выступления, от этого матроса, что Блок улыбнулся и сказал: «Я знаю, что сегодня ночью вы будете об этом писать стихи». Так оно и было» [66, с.478].

Со временем Блок всё больше разочаровывался в идее Союза поэтов, убеждался, что ничего «настоящего» из него не выйдет. К тому же в союзе началось внутреннее обострение отношений. Гумилёвский «клан» всё громче высказывал своё недовольство действиями блоковского президиума и характером публичных выступлений.

При перевыборах в Союзе поэтов забаллотировали Н. Павлович и М. Шкапскую. Блок хотел тоже уйти, но его всем союзом упростили остаться, формально оставаясь председателем, он фактически отстранился от дел. Описание этих событий мы находим и в дневнике Александра Блока:

«Вечер в клубе поэтов на Литейной, 21 октября, - первый после того, как выперли Павлович, Шкапскую, Оцу, Сюннерберга и Рождественского и просили меня остаться.

Моё самочувствие совершенно другое. Никто не пристаёт с бумагами и властью.

Верховодит Гумилёв - довольно интересно и искусно. Акмеисты, чувствуется, в некотором заговоре, у них особое друг с другом обращение. Все под Гумилёвым.

Гвоздь вечера - И. Мандельштам, который приехал, побывав во врангелевской тюрьме. Он очень вырос. Сначала невыносимо

слушать общегумилёвское распевание. Постепенно привыкаешь <...> виден артист. Его стихи возникают из снов - очень своеобразных, лежащих в областях искусства только. Гумилёв определяет его путь: от иррационального к рациональному (противуположность моему). Его «Венеция». По Гумилёву - рационально всё (и любовь и влюбленность в том числе), иррациональное лежит только в языке, в его корнях, невыразимое <... >

Пяст, топорщащийся в углах (мы не здороваемся по-прежнему). Анна Радлова невпопад вращает глазами. Грушко подшлëпнутая. У Нади Павлович больные глаза от зубной боли. Она и Рождественский молчат. Крепкое впечатление производят одни акмеисты» [8, с. 571].

В своих мемуарах Надежда Павлович пишет об одиночестве Блока в литературной среде того времени, которое её поражало. С подавляющим большинством петроградских поэтов у него не было не только дружбы, но даже близкого знакомства и приятельства: «С М. Л. Лозинским у него были корректные, взаимно уважительные отношения. Блок высоко ценил его переводы, говорил об их благородном мраморе. Лозинский не только любил Блока, но и уважал и понимал его принципиальность <...> Кузмин был поглощён собственными переживаниями и стихами, да и был Блоку чужд, хотя ему нравились «Александрийские песни» и Кузмина он считал настоящим поэтом. Блок был в хороших отношениях с Зоргенфреем и Сьонненбергом, но это были второстепенные поэты, значения не имевшие. Думаю, что Александр Александрович глубоко ценил их за порядочность и понимание его поэзии, его устремлений. Пролетарские поэты держались особняком. В Союз поэтов они тогда или совсем не входили, или входили только формально, активного участия не принимая. Блок с ними не общался. Оставался Белый («брат», как о нём отзывался Блок,

но и враг). Братья могут быть и врагами. Они мало встречались, в то время больше на заседаниях Вольфины. Отношения их были сложны, но Блок и его мать находили у Белого черты гениальные. Пяст, с ранней молодости связанный с Блоком, разделявший с ним увлечение Стриндбергом, Пяст, к которому Блок всегда относился с терпением и заботой, летом 1920 года ещё не подавал ему руки за «Двенадцать». Блок принимал это с грустной усмешкой, но ему было больно» [66, с. 476].

На следующих выборах Блока «за неспособность» забаллотировали как председателя и выбрали Гумилева. Когда он ушёл, с ним ушли некоторые члены союза, в том числе В. Рождественский и М. Лозинский. Бразды правления Блок передал Гумилёву не без чувства облегчения. Когда через некоторое время к нему явилась делегация союза во главе с Гумилёвым, Блок наотрез отказался вернуться. О смещении Блока и его причинах пишет и В.Ф. Ходасевич в «Некрополе»: «Ещё до моего переезда в Петербург, там образовалось отделение Всероссийского Союза Поэтов, правление которого находилось в Москве и возглавлялось чуть ли не самим Луначарским. Не помню, из кого состояло правление, председателем же его был Блок. Однажды ночью пришёл ко мне Мандельштам и сообщил, что «блоковское» правление Союза час тому назад свергнуто и заменено другим, в состав которого вошли исключительно члены «Цеха» - в том числе я. Председателем избран Гумилёв. Переворот совершился как-то странно - повестки были разосланы чуть ли не за час до собрания, и далеко не все их получили. Всё это мне не понравилось, и я сказал, что напрасно меня выбрали, меня не спросив. Мандельштам стал меня уговаривать «не подымать истории», чтобы не обижать Гумилёва. Из его слов я понял, что «перевыборы» были подстроены некоторыми членами «Цеха», которым надобно было завладеть печатью Союза, чтобы при

помощи ее обдeldывать дела мошеннического и коммерческого свойства. Для этого они и прикрылись именем и положением Гумилёва. Гумилёва же, как ребёнка, соблазнили титулом председателя» [92, с.114].

Надежда Павлович посвятила этому эпизоду отдельное стихотворение в своей поэме «Воспоминания об Александре Блоке»:

“Без божества, без вдохновенья”

*Союз поэтов выбрал Гумилева,
А Блок за неспособность был смещён.
И Гумилёв спокойно и толково
Внедрял свой поэтический канон.*

*А Блок иное слушал: там, на Пряжке,
Стирали прачки, пели под окном
О миленьком в сатиновой рубашке
И “Яблочко”, гремя, катилось в дом.*

*Блок о рабочих говорил поэтах:
“Пусть нет у них большого мастерства,
Но это люди новой части света,
А будут люди — будут и слова”.*

*Он спрашивал с волненьем затаённым:
“Они какие? Что в них от земли?
О чём тоскуют по ночам бессонным
И любят ли снега и корабли?”*

*Три гостя утром посетили Блока.
Хозяин встал и не просил их сесть. —
Союз поэтов виноват глубоко,*

Вернитесь к нам и окажите честь

Быть снова председателем Союза!

Кругом враги! Они вас не поймут!

У вас, у нас одно служенье музам,

Один язык и величавый труд.

Сомкнём ряды! За нами вся культура,

А что у них, у этих пришедших, есть? —

Но Блок смотрел внимательно и хмуро,

Но Блок молчал, не предлагая сесть;

Молчал и слушал он гостей неожиданных.

— Ошиблись вы! На месте вы своём!

Мы разных вер, мы люди разных станов,

И никуда мы вместе не пойдём.

От жизни отвернулись вы с презреньем,

Давно пустой вы стережете храм,

Без божества, без вдохновенья!

Скажите, что мне делать там?

3.3 Семья Блока в воспоминаниях Н.А. Павлович

В своих мемуарах Павлович большое внимание уделяет семье А.А. Блока. Многие факты из собственной биографии были рассказаны ей Блоком лично, некоторые события последних лет его жизни происходили на глазах Павлович, и она выступала их непосредственным свидетелем или участником.

О матери Блока Александре Андреевне Кублицкой-Пиоттук Надежда Павлович отзывается как о близком, родном человеке. Их объединяла безмерная любовь и восхищение их общим кумиром, Александром Блоком. «Она могла без конца рассказывать о сыне, а я была неугомонной и жадной слушательницей» [66, с. 464].

Вспоминая их первую встречу, Павлович пишет: «Вот она стоит, хрупкая, невысокая. В ней было удивительное сочетание нежности и строгости, а строгость эта была у неё по отношению к самой себе. Других она прощала и, даже судя, умела не осуждать, а себе она не прощала ничего...» [66, с. 462].

По словам Павлович, Александра Андреевна была настоящей «матерью поэта». Своим почерком мать переписывала почти все его рукописи. «В этом для неё была настоящая радость. Она вновь и вновь переживала каждую его мысль, каждый звук стиха... Она знала сына до конца, во всех его слабостях и страстях, но и во всей его душевной высоте» [66, с. 463].

Матери Блока Н. Павлович посвящает стихотворение в поэме «Воспоминания об Александре Блоке» (отрывок):

VIII

*Мать думает с тревогой о простуде,
О том, что не простился в торопях
А он уйдёт и обо всём забудет,
И свет не наш в его больших глазах.*

*Но мать всё мать, и смотрит на дорогу,
Когда на заседание он идёт:
Вернётся весел – вот и слава богу,
Вернётся грустен – и она вздохнёт.*

Кругом потоп. А мать хранит порядок:

Прибор и скатерть. Ждёт его обед...

Торцами топят печи Петрограда,

Как хлеб бесценный отпускают свет...

Павлович отмечает, что у матери Блока были сложные отношения с невесткой: «Любовь Дмитриевну она и любила, и ненавидела: она была как бы загипнотизирована отношением к той Александра Александровича, верила его «видениям», связанным с Любовью Дмитриевной, как с воплощением вечной женственности, и подчинялась ее стихийному жизнеутверждению, но не любила её так, как свекровь может не любить невестку, испортившую сыну жизнь, да и страдала от её грубости и резкости, доходивших до жестокости...»[66, с. 464].

О смерти Александры Андреевны Павлович узнала из письма Ольги Дмитриевны Форш в феврале 1923 года: «Дорогая Надежда Александровна, в воскресенье, в 3 часа дня, умерла Александра Андреевна от грудной жабы. Она очень мучилась сутки (закупорка в лёгких), ей впрыснули морфий. Скончалась тихо, лежит с очень спокойным, добрым лицом. Похороны в среду на Смоленском, через дорожку против могилы сына. Я была у неё очень незадолго до кончины. Она очень была рада, говорила о том, что хочет умереть, только этого и ждёт. О Вас очень вспоминала, она любила Вас» ...»[66, с. 466].

Личные отношения с женой Александра Блок Любовью Дмитриевной Менделеевой у Надежды Павлович не сложились, что не удивительно, учитывая близкую дружбу молодой поэтессы и её кумира.

«Я с любопытством смотрела на жену Александра Александровича — Любовь Дмитриевну. Я знала, что ей посвящены «Стихи о Прекрасной Даме» и много других стихов. Передо мной была довольно

высокая, полная сорокалетняя женщина, с лицом маловыразительным, несмотря на некоторое сходство её с отцом, знаменитым Менделеевым. Красота, если она и была раньше, поблекла. Говорят, что в юности у неё были чудесные тициановские краски. Сейчас кожа её была испорчена гримом, так как Любовь Дмитриевна долго играла в разных театрах, а волосы потемнели. «Золотистых прядей на лбу», воспетых Блоком, не было. Голос её также не имел звучности и приятного тембра <...> Глаза обычно были сонными. Во всей мировой поэзии никогда ещё не говорилось о возлюбленной — «ты без мысли смотрела», «сонливые очи». Но временами в этих «сонливых очах» вспыхивала какая-то сила, стихийная и непосредственная, всегда неожиданная. При моём дальнейшем знакомстве с Любовью Дмитриевной я никогда не могла предугадать, что она сделает, как будет реагировать на то или другое. В ней была очень нужная Блоку бездумная непосредственность» [66, с. 458]. Несмотря на сложность отношений А.Блока с женой, поэт не раз высказывал восхищение ею в разговорах с Павлович: «Я — что! Вот Люба-то гениальна»: не как артистка, конечно, и не как поэтесса (он знал цену её искусству!), а гениальна, как носительница мировой души в соловьёвском смысле и просто как воплощение жизненности, органической и самодовлеющей» [66, с. 458].

Что касается отца Блока, как известно, поэт не был с ним близок, он несколько раз говорил о том, что не чувствует родственных связей. 16 января 1916 года он пишет своей двоюродной сестре Софье Николаевне Тутолминой, с которой дружил в юности: «Я не чувствую связей родственных... Вот ты говоришь «брат», а я не умею ответить тебе так же горячо и искренно, потому что не чувствую этого слова» [66, с. 487]. Единственный раз, когда он ощущает это кровное родство - на похоронах его отца, что отражено в поэме «Возмездие» [6]:

*Да, сын любил тогда отца
Впервой - и, может быть, в последний,
Сквозь скуку панихид, обедней,
Сквозь пошлость жизни без конца...*

В 50-х годах Павлович встречалась с некоторыми членами семьи Беляевых, родственниками второй жены отца Блока, которые поделились с ней воспоминаниями и фотографиями Марии Тимофеевны Беляевой и Ангелины¹⁹.

Известно, что Александр Львович Блок проявлял болезненную жестокость, подозрительность по отношению к своим близким. Согласно рассказам Беляевых, А.Л. Блок поднимает руку и на свою вторую жену, четырёхлетняя Ангелина бросается спасать мать и после этого инцидента начинает заикаться от страха и нервного потрясения. Не выдержав вспышек ревности и гнева, Мария Тимофеевна уходит от мужа, спасая дочь, как ушла Александра Андреевна — мать А. Блока, спасая сына.

Однако Александра Блока связывали тёплые чувства с его сводной сестрой Ангелиной. Может быть, потому, что здесь кровное родство перекрещивалось с тайной внутренней близостью. Он писал ей: «Когда мы встретились с тобой, Я был больной, с душою ржавой, Сестра, суждённая судьбой, Весь мир казался мне Варшавой!

Лишь ты, сестра, твердила мне Своей волнующей тревогой О том, что мир — жилище Бога, О холоде и об огне» [66, с. 459].

Блок тяжело переживал раннюю смерть сводной сестры, посвятил её памяти свой цикл стихов «Ямбы». Ей же была посвящена первая редакция поэмы «Возмездие».

¹⁹ Мария Тимофеевна Беляева – вторая жена Александра Львовича Блока, отца Александра Блока, Ангелина Александровна Блок – их дочь

3.4 Миф о «сыне» А. Блока

Как многие яркие, знаменитые личности, Александр Блок и при жизни, и после смерти обрастал мифами. Реальный Блок — человек и поэт — неотделим от его мифопоэтического образа, запечатлённого в памяти современников и потомков. Один из аспектов блоковского мифа, возникшего *post mortem*, — легенда о его «сыне»²⁰. В развитии этого мифа не последняя роль принадлежит Надежде Павлович.

В «Воспоминаниях об Александре Блоке» Павлович приводит следующий разговор с поэтом, состоявшийся в октябре 1920 года: «Он говорил о конце рода, о справедливом возмездии, о том, что у него никогда не будет ребёнка. Я спросила:

— А был?

— Был. в Польше. Она была простой девушкой, осталась беременной, но я её потерял. И уже никогда не смогу найти. Может быть, там растёт мой сын, но он меня не знает, и я его никогда не узнаю» [66, с.484].

Предположение о том, что у Блока есть сын, основывалось на строках прозаического предисловия к поэме «Возмездие»:

«Тут над свежей могилой отца, заканчивается развитие и жизненный путь сына, который уступает место собственному отпрыску (...) В эпилоге должен быть изображён младенец, которого держит и баюкает на коленях простая мать, затерянная где-то в широких польских клеверных полях» [6].

Образ простой девушки по имени Мария прозвучало в черновике продолжения третьей главы поэмы Блока «Возмездие»:

Простая девушка пред ним

Как звать тебя? – Мария.

²⁰ Согласно официальной версии, А. Блок не мог иметь детей по медицинским причинам

*Откуда родом ты? – С Карпат*²¹.

Надежда Павлович предполагает, что скорее всего встреча с этой девушкой, относится не к пребыванию в Варшаве в 1909 году после смерти отца, а ко времени работы в инженерно-строительной дружине с июля 1916 года по март 1917 года.

Ещё один предполагаемый сын А.Блока - это сын жены известного критика-марксиста П. С. Когана – Надежды Александровны Нолле-Коган, с которой у поэта был роман. Впервые Н.А. Нолле-Коган увидела Блока на литературном вечере в 1912 году, весной 1913 в письме призналась ему в любви и попросила разрешения присылать ему розы. Знакомство их состоялось 28 ноября 1913 года, и с тех пор любовь и забота Надежды Александровны сопровождала Блока до конца его жизни (5).

Разговоры и слухи о том, что сын Н. А. Нолле-Коган — от Блока, появились, видимо, ещё до рождения ребёнка (9 июня 1921 года). Причём источником этих слухов была не в последнюю очередь сама Нолле-Коган, которая, во всяком случае, в определённый период, их не опровергала. Так, в одной из сводных тетрадей Марины Цветаевой приводятся слова В. А. Зайцевой (жены писателя Б. К. Зайцева): «Н. А. К. ждёт ребёнка от Блока...» Цветаева пишет, что Нолле-Коган показывала ей письма Блока, его подарки «сыну» (перламутровый крест с розами и икону, подаренные Блоком сыну Нолле-Коган) и при этом «растравляла меня невозможной мечтой: себя — матерью этого сына, обожествляемого мною до его рождения...» (5).

В приведённом ниже письме Надежды Павлович есть слова о том, что Нолле-Коган воспитывает ребёнка «в таком сознании» (то есть в сознании того, что А. Блок его отец).

²¹ А. Блок. Полное собрание сочинений т.5 стр.72

«В мае 1922 года Цветаева встретила в Берлине с С. М. Алянским, основателем издательства «Алконост», близким к Блоку в последние годы его жизни. Между Цветаевой и Алянским, если верить её записи, произошел следующий разговор:

- Как блоковский сын?

- У Блока не было сына.

- Как не было, когда... сын Н. А. Коган?

- Кажется, здоров. Но он никогда не был сыном Блока. У Блока вообще не могло быть детей. Да и романа никакого с ней не было.

- Позвольте, а сходство?

- Сходство, действительно, есть. Его видела (женское имя, каж^ется), поэтесса, секретарша какого-то петербургского Союза писателей или поэтов - м. б., Гуревич) и говорит, что действительно - таинственно - похож» (5).

Имя поэтессы, которое не знала или не разобрала Марина Цветаева, конечно, Надежда Павлович.

Глубокое чувство к Блоку, преклонение перед ним, желание видеть его «продолжение» в другом человеке (цветаевское «Не дам тебе - умереть совсем!») - всё это было свойственно и Надежде Павлович, искренне и безоглядно поверившей в легенду.

Письмо Н. А. Павлович — В. Н. Княжнину (отрывок)

<Москва, 15 ноября 1940 >

Дорогой Владимир Николаевич, Вы справедливо изволили отметить медленный темп нашей переписки.

Посылаю Вам 2-ю гл^аву поэмы²² и прошу написать свое мнение и об этой, и о той гл^аве. Боюсь, что та Вам не понравилась.

Две главы будут 28/XI передавать по радио — эту и III, т^ак ч^то и Ваше имя будет произнесено, если Вы не протестуете.

²² Имеется ввиду поэма «Воспоминания о Блоке»

Пока ни один журнал не берёт поэмы (отказали «Кр<асная> Новь» и «Новый мир». Груздев без особого энтузиазма обещает две гл<авы> напечатать в августовском № «Звезды»). Но сейчас я буду неск<олько> раз читать её на вечерах.

Напишу Вам о самом важном. Расскажите это Евг<ению> Павл<овичу>. У Алекс<андра> Алекс<андровича> - сын от Над<ежды> Ал<ександровны> Нолле-Коган, вдовы Петра Семен<овича>.

Я в это дело не верила, т<ак> к<ак> Александра Андреевна²³ внука не признавала и даже прекратила переписку с Над<еждой> Ал<ександровной>, когда узнала, что в Москве говорят об этом ребёнке.

Я его видела, когда ему было около года, и она меня расспрашивала о нём. Я сказала, что некоторое сходство есть, но она возразила, что об этом не может быть и речи. Ещё зимой (при его жизни) она с недоуменной улыбкой рассказывала мне, что Н<адежда> А<лександровна> написала ей о своей беременности и просила не отвёртываться от неё ради её многолетней любви к А<лександру> А<лександровичу>. Сейчас я понимаю, что из-за этого неправильного толкования письма она и не признала внука.

Восемнадцать лет я не желала видеть этого «самозванца», которому Цветаева посвятила стихи как сыну Блока. Когда мне о нём говорили, я зло отмахивалась. Последние десять лет я жила с ними рядом; у нас смежные, с проходом, дворы, и я не желала даже взглянуть на него, хотя в доме говорили, что вот там живёт сын Блока.

Дней двенадцать тому назад один писатель спрашивает меня, видела ли я этого юношу — он очень похож на А<лександра> А<лександровича>.

²³ Александра Андреевна Кублицкая-Пиоттух, мать А. Блока

Тогда я не выдержала. Я позвонила ей, рассказала о поэме и попросила рассказать мне (для поэмы) о последнем приезде Блока в Москву. Она показала мне все фотографии мальчика от младенчества до этого года. Это потрясающее сходство. Это его лоб, его глаза (рисунок век, форма и выражение), но рот слабовольный, женственный. Его осанка, посадка головы. Под карточкой пятилетнего можно попросту подписать — Бл<ок>. Это почти двойник. Мальчик пишет стихи (по словам матери, подражая Бл<оку> и Есенину). Родился здоровым, в шесть лет у него сделалась пляска св. Вита. (Вспомните эпилепсию Ал<ександры> Анд<реевны>, всю наследственность деда и отца.) Сейчас он выздоровел. У Н<адежды> Ал<ександровны> 147 писем Бл<ока>, его карточки с надписями и книги. Я видела её архив, надписи. Кое-что она мне показала и прочла. Он ей написал последнее в жизни письмо за две недели до смерти, где он говорит о смерти, о том, что он тянется к церкви и не может дотянуться, и о ребёнке. Она мне читала с купюрами. Цитата о церкви точна. О ребёнке *не сказано*: «Моему сыну». Сказано: «Берегите и жалеите ребёнка». Дальше передаю своими словами, но отвечаю за точность смысла. Пусть он будет «человеком мира, а не человеком войны» (цитата), пусть он испытывает душевный покой, если же ему суждено беспокойство, пусть это будет «беспокойство совести».

Это можно сказать и о ребёнке друга, но здесь я поверила матери. В одном меня обмануть нельзя - эта женщина любит и любила Блока. Сам Ал<ександр> Ал<ександрович> говорил мне о её любви к нему, о том, что раньше он относился к ней плохо, но после стольких лет верности в любви, он стал относиться к ней хорошо <...>

Потрясена я очень. Хотела бы я, чтобы Вы или Евг<ений> Павл<ович> увидели «ребёнка». Хорош ребёнок — в 19 лет! На воен<ную> службу его не взяли из-за остатков тика — непроизвольного

жеста — проводит по воздуху рукой. Его испытывали в воен<ном> госпитале. Он — студент 1-го курса ИФЛИ. Мальчик горячий, замкнутый, печальный, слабохарактерный, но считающий себя сильным, умный и способный, по словам матери. Свободно говорит по-французски. Воспитывали его тщательно, матер<иально> обеспечен. Вот всё, что я знаю.

Я мучаюсь тем, что столько лет он был рядом, он болел, и я никогда его не приласкала.

Сейчас я думаю о нём с такой грустью и любовью.

Если Вы будете на могиле А<лександра> А<лександровича>, поклонитесь земно ей от меня. Всё, что я не смогла и не умела по глупости и младости дать ему, путала и не помогала, я сделаю для Саши. Женя Книпович хороша с Н<адеждой> Ал<ександровной>. Как она относится к мальчику, - не знаю; со мной Женя не встречается, лишь случайно на заседаниях, у нас давно серьёзно порвались отношения. Я не хотела бы, чтобы как-то связать моё письмо с ней. Её можно спросить *независимо от моего письма*, что она думает об этом мальчике. Сходство настолько страшно и разительно, что оно сильнее документов <...>

Ваша

Над<ежда> Павлович(5).

Размышляя над письмом Н. А. Павлович, можно лишний раз увидеть, как создаются и бытуют легенды и как они вновь оживают — вопреки фактам, логике и здравому смыслу.

3.5 «Страшный» 1921 год. Смерть А. Блока

В начале зимы 1921 года Павлович переезжает из своей комнаты на Офицерской в Дом искусств, на углу Невского проспекта и Мойки. Её соседями были Мариэтта Шагинян с семьёй, Шкловские, Аким

Волынский (Хаим Флексер), Владимир Пяст, Всеволод Рождественский, Александр Грин, сестра Врубеля, Султанова, Осип Мандельштам, позже Ольга Форш с детьми и художница Щекотихина. Павлович вспоминает: «Сначала меня поселили в маленькой и узкой, похожей на пенал или гроб, комнате, в так называемом «коридоре Пяста», или «обезьяннике». Соседями моими были В. Рождественский и Грин, писавший в то время «Алые паруса» <...> Грин был мрачен, в длинном своём чёрном сюртуке смахивал на факельщика. В быту он был хозяйственен и всё умел. Как великую милость я принимала от него обычное полено, так им подсушенное, что мне оно шло на растопку «буржуйки», а об его растопке я и мечтать не дерзала. Разговаривать о литературе он не любил. В обращении был несколько суров» [66, с. 493].

С Акимом Волынским Надежда Павлович вела религиозно-философские разговоры, и он говорил, что приятно поражен её интересом к этой области, — ведь она ещё очень молода. «Он сидит, старый, голодный, сгорбленный, с каким-то голым лицом, но весь поглощённый философскими вопросами, которые для него важнее бренного его существования: мир его памяти!» [66, с. 493].

Павлович отмечает, что этот период и сам Дом искусств талантливо описан О. Форш в «Сумасшедшем корабле»²⁴ и в воспоминаниях В. Рождественского «Страницы жизни»²⁵. Сама же Надежда Александровна в статье «С берегов Невы» в «Рупоре» пишет о «ДИСКе»: «На углу Невского и Мойки есть красный дом с колоннами — это Дом искусств, где живут писатели и художники. Его и много, заслуженно, и незаслуженно бранят... Но делается там большое дело — сберегается творческая энергия, даются необходимые жизненные

²⁴ Роман «Сумасшедший Корабль» был написан Ольгой Форш в 1930 году, тогда же напечатан в журнале и долго не переиздавался. В основе романа — жизнь петроградского Дома искусств (Диска), созданного в 1919 году по инициативе Чуковского и при ближайшем участии Горького, где жили и работали писатели и художники — Александр Блок (Газтан), Андрей Белый (Инопланетный Гастролер), Евгений Замятин (Сохатый), Михаил Слонимский (Копильский). Имена легко разгадываются, истории жизни почти подлинны, но главное — Форш удалось описать судьбу Художника во время Революции.

²⁵ 1962 г

удобства многим деятелям культуры или семьям покойных художников» [32].

4 января 1921 года Надежда Александровна справляла второе в Петрограде новоселье. В качестве подарка Александр Блок принёс ей издание «Двенадцати» с рисунками Анненкова и дарственной надписью: «Надежде Павлович, запоздалый подарок на новоселье. Александр Блок. Январь 1921»²⁶.

Ещё одним, самым дорогим для Павлович подарком Блока была книга «Добротолубие»: «Интересно, что у меня есть его драгоценный дар. Это «Добротолубие»²⁷, первый том. С его примечаниями на полях. В планах была статья с анализом его комментариев для университета Тарту к «Добротолубию» Блока. «Добротолубие - это двусмысленное название. С одной стороны, это книга, которая действительно принадлежала Блоку. С другой стороны, это система этики Блока. Там есть почти в конце книги Евагрий²⁸, который очень по характеру самого Блока напоминает...А вообще чудные примечания там: Знаю. Всё знаю». Или: «Такой-то демон необходим для художника» [66, с. 493].

По воспоминаниям Надежды Павлович, в 1920-1921 годах «всё чаще Блок повторял о душевной глухоте и слепоте, надвигающихся на него, и говорил о смерти. У них в доме было нехорошо. Он перестал говорить: «У нас». Всё чаще слышалось горькое: «В этом доме». «В этом доме всегда темно и холодно», — говорил он» [66, с. 495]. Мысль о том, что он «оглох» и кончен как поэт, чрезвычайно угнетала Блока. В самые тяжёлые минуты он отталкивал саму возможность возвращения к творчеству, такие разговоры только бередили рану.

Они встречались всё реже и в марте 1921 года их отношения прервались. Однако Павлович сохранила близкие отношения с матерью

²⁶ Ал. Блок, Двенадцать. Рисунки Ю. Анненкова. Петроград, «Алконост», 1918

²⁷ собрание святоотеческих наставлений и сочинений церковных деятелей ранних веков христианства.

²⁸ Евагрий Понтийский (IV век) – монах, церковный писатель

Блока с Александрой Андреевной, «непоколебимо верной в своей любви и дружбе» [66, с. 495]. Надежда Александровна сильно переживала разлуку. Последнюю с ним встречу поэтесса описывает в своих «Воспоминаниях об Александре Блоке»: «С Александром Александровичем мы увиделись только раз в Доме учёных, где выдавались пайки. И он и я стояли в очереди, с мешками в руках. Было полутемно и холодно. И было мне очень горько. Он, видимо, увидел боль в моих глазах, подошёл и молча крепко пожал мне руку. Это была моя последняя встреча с Блоком» [66, с. 496].

Болезнь и скоропостижная смерть Александра Блока стала неожиданностью и шоком для его современников. Не дожив до 41 года, он сгорел за пару месяцев на глазах у близких и друзей - а они гадали, чем же он болен. Никаких «историй болезни» или свидетельств о «дурной наследственности» не было, скорее наоборот, – поэт крайне редко обращался к докторам. К началу весны 1921-го, после пережитой зимы с её «ежесекундным безденежьем, бесхлебьем, бездровьем», Блок чувствовал себя неважно, страдал от цинги и астмы. Но работал по-прежнему. Доктор Пекелис, живший с ним в одном доме, ничего уж смертельно опасного в его состоянии не находил. Однако в апреле 1921 года Блок почувствовал себя неважно, 17 мая слёг с температурой и через 78 дней, 7 августа скончался, оставив в недоумении и родных, и врачей. О тех днях поэт Георгий Иванов пишет в своей книге воспоминаний «Петербургские зимы»: «Врачи, лечившие Блока, так и не смогли определить, чем он, собственно, был болен. Сначала они старались подкрепить его быстро падавшие без явной причины силы, потом, когда он стал, неизвестно от чего, невыносимо страдать, ему стали впрыскивать морфий... Но отчего он умер?» [15, с. 198]

По официальной версии Александр Блок умер «от цинги, голода и истощения». Такой диагноз был универсальным для тех лет - от голода,

цинги и истощения люди умирали тысячами. Однако в случае с поэтом, кумиром, такого диагноза казалось недостаточно, поэтому сразу же появились различные мнения по поводу вероятных причин смерти Блока. Своё мнение было и у Надежды Павлович: «Разговоры о смерти от голода — вздор. Было старое истощение, вызванное нехваткой мяса и недоеданием в годы революции.

Я считаю, что основным фактором последнего заболевания было его тяжелое психическое состояние, вызванное трагическим разладом в их семейной жизни, обострёнными отношениями между матерью и женой, творческим кризисом, ощущением своей кончености как поэта, отсутствием того «покоя и воли», о которых тосковал Пушкин, утратой сопротивляемости к болезни» [66, с. 497].

О предсмертных часах Александра Блока Павлович пишет: «Он очень страдал, стонал и вскрикивал от болей в сердце. А мать не решалась войти. В последние дни он часто повторял: «Прости меня, боже». Это его матери потом рассказывала Любовь Дмитриевна. Утром он закричал: «Мама!» Она вбежала. Он сказал ей: «Ты стань сюда!» Просил жену стать с другой стороны, вытянулся и умер»²⁹ [66, с. 497].

Сама Павлович узнала о смерти Блока от Евгении Книпович. «Мы побежали к ним. Белый дождливый петербургский свет в окне и косо поставленный длинный стол. Мёртвый Блок, полузакрытый белым кисейным покрывалом (ещё не принесли гробового покрывала): ещё нет смертного холода. Прекрасное, суровое лицо. Скрещены руки, а на бледных желтоватых пальцах образ богоматери» [66, с. 498].

Памяти Александра Блока

Вот он в гробу, в георгинах и розах

Так спокойно и грустно спит;

В золотых георгинах и красных розах

²⁹ А.Блок умер утром 7 августа 1921 года

Над ним тоска неотступно стоит.

*И детской улыбки, лукавой и мудрой,
Больше не будет на бледных устах;
Статный, красивый, золотокудрый
Лежит, не дышит в огнях и в цветах.*

*Только тревожить его не надо...
Поклонись, поцелуй, отойди!..
Свете тихий Святая лампады,
Святая София на мёртвой груди...
август-сентябрь 1921*

Среди многих поэтов, откликнувшихся на смерть Александра Блока, была и Анна Ахматова:

*А Смоленская нынче именинница,
Синий ладан над травой стелется.
И струится пенье панихидное,
Не печальное нынче, а светлое.
И приводят румяные вдовушки
На кладбище мальчиков и девочек
Поглядеть на могилы отцовские,
А кладбище — роща соловьиная,
От сиянья солнечного замерло.
Принесли мы Смоленской заступнице,
Принесли Пресвятой Богородице
На руках во гробе серебряном
Наше солнце, в муке погасшее, —
Александра, лебедя чистого.
Август 1921*

Позднее Анна Андреевна подарила это стихотворение Надежде Павлович. «Соловьиную рощу» из поэзии Ахматовой встречаем мы и в стихотворении Павлович 1922 года:

*И опять поют соловьи, -
Соловьиный твой смертный сад
И опять глаза мои
На безмолвный холмик глядят.*

*Но теперь легко и светло
На могиле и в сердце моём
Словно горе моё унесло
Захлестнуло весенним дождём.*

*За ночь тихо трава проросла
От истлевших рук дорогих,
И летит золотая пчела,
Замыкая умолкший стих.*
1922

Вскоре после смерти Блока Надежда Павлович пришла к нему на могилу и встретила там с Александрой Андреевной. На могиле она увидела большое количество пышных венков и цветов, которые приносили каждый день. Вспомнив её разговор с Блоком осенью 1920 года, Павлович «с грустью посмотрела на всё это и сказала: «А ему хотелось самой простой могилы. Посеять бы здесь клевер!» [66, с. 498]. Когда убрали нарядные венки, могила на Смоленском и была такой «простой могилой», как хотел Блок, с высоким белым крестом и древней медной иконкой на нём.

В своих «Воспоминаниях об Александре Блоке» Павлович пишет: «Теперь Блока перенесли на Волково, для «почётного погребения»,

положили в чужой склеп, выселив прежних «жильцов», поставили тяжёлый гранитный памятник с плохим барельефом поэта, посадили в аккуратной каменной ограде приличные, мелкие кладбищенские цветы, сделали всё, что Блок не любил, чего не хотел. Мне мучительно тяжело бывать у этой холодной, парадной могилы. Гораздо лучше была могила Блока на Смоленском, под старым клёном, который корнями обвивал белый глазетовый гроб и шумел над ним» [66, с. 498].

3.6 Влияние Блока на творчество Н.А. Павлович

В своих воспоминаниях и записях Надежда Павлович старательно обходит тему личных романтических отношений с Блоком, описывая Александра Александровича, как великого поэта, кумира, учителя, друга. Однако её стихи говорят нам о глубоком чувстве к поэту, которое Надежда Александровна пронесла через всю жизнь.

Любовь моя

*По силам мне любовь моя! Другой,
Счастливой хоть и нежной, - мне не надо!
Любовь моя сурова, как суров
Мой север обнищальный и голодный,
Как серая косматая река,
Что под мосты волчицей убегает.*

*И просто я смотрю в твои большие,
Угрюмые и страстные глаза,
И две судьбы за нашими плечами
Перекликаются как сосны на горе.*
1920

Эти стихи, посвящённые Александру Блоку, она отдала ему 24 августа 1920 года. Они были напечатаны в «Записках мечтателей», но без посвящения.

Лето и осень 1920 года Павлович называет самым счастливым и творческим периодом своей жизни. В. Ходасевич вспоминает: «Надежда Павлович, общая наша с Блоком приятельница, круглолицая, чёрненькая, непрестанно занятая своими туалетами, которые собственноручно кроила вкривь и вкось, — одному Богу ведомо из каких материалов...» [5, с. 458]. В эти дни Павлович часто встречается с Блоком. Эти встречи и их разговоры поэтесса с трепетной любовью описывает в своих мемуарах:

«Почти каждый день мы с Блоком виделись: или я бывала у них, или Александр Александрович хоть на минутку заходил ко мне, а то и просто останавливался у моего окна, проходя мимо. На низком и широком подоконнике было удобно сидеть, и мы иногда говорили очень долго. Иногда, чтобы не обходить кругом через двор, Блок со смехом входил через окно» [66, с. 478].

Вот другое воспоминание: «Так 25 августа я прочла ему и его матери стихи: «Мне снилось, ты гибнешь в смертельном бою...». Мать не поняла, кому они посвящены, спросила меня, но я уклонилась от ответа. Когда я уходила, он всё стоял у открытой двери, провожая и следя за мной. Я спустилась до первой площадки. Тогда он спросил: «Кому вы написали эти стихи?» Я ответила: «Вам». Он наклонил голову: «Это правда» [66, с. 479].

*Мне снилось, ты гибнешь в смертельном бою,
Ты с каждой зарёю бледней.
Я в поле пустынном берёзой стою,
Вся в шёпоте смутном ветвей.
Ты бился, и падал, и снова вставал*

*Под ломкие звоны меча.
Над камнем горячим мой ствол просиял,
Как белая божья свеча.
И милых на помощь ты звал, но они
В пустыню не знали путей,
Лишь в листьях моих загорались огни
Над трудной судьбою твоей.
Под ветром ложатся в степи ковыли
И звоном встречают зарю.
Я знаю, что насмерть ты бьёшься вдали,
Что насмерть я в поле горю.*

По воспоминаниям Надежды Александровны, Александр Блок с юности мечтал о подвиге. Позже он стал понимать, что его подвиг – в родной литературе. Блок говорил, что он считал и чувствовал, что должен принять наследие Лермонтова. Пушкин был «солнцем» его поэзии, но как-то внутренне, интимно, родственно он любил Лермонтова. И наследником он считал себя – Лермонтова, именно лермонтовской бурной души и традиции.

Однажды он сказал Надежде Павлович о чувстве неудовлетворённости, незавершённости его миссии: «Тут и моя вина, и разница в исторических условиях. У Пушкина и Лермонтова была твердая культурная почва, успевшая отстояться после петровской эпохи. А у нас всю жизнь под ногами кипела огненная лава революции, всё кругом колебалось, содрогалось, пока не рухнуло» [66, с. 480].

Этот подвиг литературы, по мнению Павлович, был в абсолютной его неподкупности. Он заключался в принятии совершенной, страшной реальности, когда он написал «Двенадцать», потому что самые близкие друзья ему, чистому и гордому человеку, как подлецу, перестали подавать руку.

Это блоковское стремление к подвигу нашло отражение в стихотворении Павлович:

Подвиг

*О, если к подвигу душа тебя зовёт,
Твой подвиг здесь — чуть видный переход
Над пропастью хулы и отрицанья
И чистая звезда самопознания.*

*Нет пламени пылающих костров.
Но пламя есть тебя клеймящих слов,
И холод незаслуженный глумленья —
Страданье детское и взрослое терпенье*

*Не отрекись! — Вот подвиг наших дней
И свет, и путь простой души твоей.*

«Иногда целыми вечерами он молча сидел у меня. Надо было незаметно двигаться по комнате и как будто не обращать на него внимания, а иногда он рассказывал мне о самых чудесных уголках Петрограда и все хотел мне сам показать Летний сад, но не пришлось. Рассказывал он мне и о многом из своего прошлого, словно хотел, чтобы для меня стала ясней его жизнь.

Однажды он пришел ко мне хмурый, постаревший. Взял свой третий том и открыл «О чём поёт ветер».

— А это вам нравится?

— Совсем не нравится, то есть стихи прекрасные, но это последняя усталость, а борьбы уже нет.

— Да! — ответил он даже с некоторым удовлетворением. — Мне было очень скверно, когда я писал эти стихи».

Когда же они говорили о творческих планах Блока, о том, что же именно он будет писать, если творческие силы вернуться к нему, его мысль обращалась к поэме «Возмездие», в которой отразилась бы неотвратимость гибели дворянской культуры. По идее автора, эта поэма должна была связывать прошлое и будущее. К прошлому Блок возвращался ради заложенных в нём семян будущего. Как пишет Павлович: «эпическая поэма «Возмездие», может быть, самое личное из произведений Блока. Если его лирика — «дневник» (который «Бог позволил ему написать стихами», как определил мне однажды сам поэт), если она — история его души, то в «Возмездии» много фактических автобиографических данных» [66, с. 481].

Естественно, что Надежда Павлович не раз говорила с Блоком и о «Двенадцати». Летом и осенью 1920 года, когда эта поэма ещё не стала «классикой», она разделяла людей на две группы. Эта поэма была испытанием и для самого её творца. Павлович в своих воспоминаниях часто обращается к теме «Двенадцати»: «Блок говорил, что никогда, даже для себя самого не мог прочесть её вслух — «Не умел» [66, с. 480]. Или: «Необыкновенный разговор о «Двенадцати» был у нас в начале зимы 1920 года. Мы возвращались из Союза поэтов, с Литейного, из дома Мурузи, довольно поздно. Когда мы поднялись на гребень Горбатого моста через Фонтанку, около цирка, Блок неожиданно остановил меня. Кружила метель. Фонарь тускло поблескивал сквозь столбы снега. Не было ни души. Только ветер, снег, фонарь... Всю дорогу мы говорили совсем о другом. Вдруг Блок сказал:

— Так было, когда я писал «Двенадцать». Смотрю! Христос! Я не поверил — не может быть Христос! Косой снег, такой же, как сейчас.

О «Двенадцати» и о своей «глухоте»: «Потом он стал рассказывать, какой неопиcуемый шум и грохот он слышал три дня,

ночью и днем, как будто рушился мир, а потом все оборвалось и стихло, и с тех пор он стал глохнуть.

— Вы читали Киплинга «Свет погас»?

Там слепнет художник.. А я глохну... И все-таки я это слышал!
Пусть я теперь не могу писать.

Я не смела ни прерывать его, ни успокаивать. Я видела великие — поэта во всей его высоте и страдании.

Никогда, ни на одну минуту не отрекался Блок от революции, от того великого катаклизма, шум которого ОН слышал, создавая «Двенадцать» [66, с. 483].

Через много лет после смерти Блока Надежда Павлович, представляя их встречу напишет:

Ты строго спросил меня: «Как ты жила?

Любовь пронесла чрез года?»

И в голосе тайная нежность была.

Я тихо ответила: «Да»

Представляется совершенно естественным, что личное общение Надежды Александровны с Александром Блоком и другими великими поэтами начала XX века оказало на её творчество огромное, решающее влияние.

Свои воспоминания Н. Павлович начинает с цитаты из очерка В.Ходасевича «Смерть Ренаты», предлагая её как ключ к изучению собственной биографии и творчества: «Символисты не хотели отделять писателя от человека, литературную биографию от личной. Символизм не хотел быть только художественной школой, литературным течением. Всё время он порывался стать жизненно - творческим методом, и в том была его глубочайшая, быть может, невоплотимая правда, но в постоянном стремлении к этой правде протекла, в сущности, вся его история. Это был ряд попыток, порой истинно героических, - найти

сплав жизни и творчества, своего рода философский камень искусства»[92 с. 169]. Опираясь на Ходасевича, Павлович объясняет роль символизма в понимании литературной жизни начала XX века: «Эти слова довольно точно передают самую природу сиволизма не только в период его зарождения и расцвета, но и его конца, и могут служить как бы ключом к пониманию литературной молодёжи моего поколения. Символизм действительно не был для меня только миропонианием, но прежде всего моим мироощущением. И когда он вошёл в мою жизнь, как литературное течение, я его встретила как родное, естественное, свойственное мне с раннего детства, с первых впечатлений и первых стихов»[79, с.174].

«Мне выпала редкая судьба, - пишет Надежда Александровна. - С 1918 по 1920 год я имела возможность показывать свои стихи Брюсову, Вячеславу Иванову и Андрею Белому. В 1920—1921 годах мной руководил Блок. Шутя, я ему говорила:

— Там, в Москве, была для меня гимназия, а вы — мой университет.

Он раз навсегда разрешил мне показывать ему все, что я пишу. Он говорил мне: «Сейчас в ваших стихах есть влияние, иногда у вас даже простое подражание мне, но всё это со временем отпадет, и останется знание одного и того же мира» [66, с. 490].

По словам Павлович, Блоку нравилось её четверостишие:

*У сада — есть яблони,
У женщин — есть дети,
А у меня — только песни,
И мне — больно.*

В ответ на Блок написал на своем сборнике «За гранью прошлых дней» (1920), подаренном ей, четверостишие:

*Яблони сада вырваны,
Дети у женщин взяты,*

Песню не взять, не вырвать,

Сладостна боль её.

Как пишет в своих мемуарах Павлович: «Блок мог судить мои стихи изнутри, по самому существу их. Все литературные явления он делил на «настоящее» и «ли-те-ра-ту-ру». Так Блок произносил это слово, укоризненно и презрительно. «Ли-те-ра-ту-рой» были одинаково и эстетизм и спекуляция революционной тематикой, «ли-те-ра-ту-рой» была замена искреннего поэтического чувства всякими красотами. «Ли-те-ра-ту-рой» и «игрой» была ложь во всех ее проявлениях. Здесь Блок был неподкупен и беспощаден. Это чувство правды пронизывало все творчество поэта. Потому-то живой Блок ничем не искажал того образа, который создавался после чтения его стихов. Стихи были естественным выражением его существа. При всей трагичности своего мироощущения Блок действительно был «сыном гармонии» [66, с. 490].

Подробная и интереснейшая работа по изучению лирики Павлович в контексте русского символизма и, в особенности, блоковских реминисценций в поэзии Павлович была проделана Н. Ю.Шинкаревой, которая посвятила этой теме ряд статей и диссертацию [95, 96]. Н.Ю. Шинкарева в диссертационной работе обосновывает мнение, что Надежда Павлович в ранних сборниках «Берег» и «Золотые ворота» воплощает в жизнь «трилогию вочеловечивания» А. Блока. Первый сборник «Берег» разделен цифрами на три цикла. «Есть основания полагать, что «Берег» был задуман как первая часть более масштабной трёхчастной структуры, нашедшей своё продолжение только в одном сборнике стихотворений «Золотые ворота» и фактически незавершённой, так как во второй половине 1920-х годов Павлович отошла от поэтического творчества и вернулась к нему только в послевоенное время»[96, с. 28].

В первом цикле сборника «Берег» представлен период встречи героини до встречи с учителем, второй цикл сосредоточен на образе поэта Блока, встреча с ним описывается как исполнение детской мечты, в третьем цикле – горе и смятение после смерти поэта, поиск нового смысла жизни.

Важным мотивом, сближающим поэзию Павлович и символистов, в частности А. Блока, а также К. Бальмонта, А. Белого, является мотив пути. Тема странничества, поэта-пророка, вышедшего из российской глубинки, была популярна в начале XX века. В своих «Воспоминаниях об Александре Блоке» Павлович пишет о матери поэта: «В ней был неистребимый романтизм. Мне она говорила шутя: «Очень хорошо, что вы появились у нас, но жаль, что вы приехали, а не пришли пешком странницей из глубин России» [66, с. 464].

Программным стихотворением поэтессы, в котором наравне с темой пути поднимаются важные вопросы творчества и самоопределения, можно считать следующее:

*Ты возникаешь предо мной,
О муза, ангел мой убогий,
И пыль клубится по дороге,
И ветер ходит вышиной...
Но кто поймёт очарованье
Твоих по-детски крупных рук
И складку губ, таящих звук
Неисцелимого страданья?
1914-1921*

Павлович понимает творчество как божественный дар, поэта – как избранника, к которому муза приходит в виде ангела. Тема пути возвращается и в позднем периоде её творчества:

ПУТЬ

*Не наказывай страхованьем,
Не томи тоской и молчаньем,
Весь огромный мир предо мной,
С непрочитанными уроками,
И с прорехами, и с попреками,
С чернотою и белизной.
Я еще тоски не осилила,
Я и слез своих всех не вылила,
Но забрезжил мне чистый Свет,
И пошла я, ему покорная,
И пошла я тропинкой торною,
Самой горестной из планет.
Но гора передо мной расступилась,
Заревою весенней алостью
Трепеща горел небосклон,
И над нашей беспомощной бречностью,
Светлым знаком любви и нетленности
Был сияющий Крест вознесен.
У Его золотого подножия
Наше кончилось бездорожие,
Навсегда снята тягота,
И в блаженной стране покаяния
Нам дано живое касание
Обагреной ризы Христа.
14.X.1971.*

Желание увековечить память о любимом поэте никогда не покидало Надежду Александровну и служило ей — в течение долгих лет — мощным творческим стимулом. Сразу после смерти поэта Надежда

Александровна пишет мемуарные статьи о нём («Из воспоминаний об Александре Блоке» // Феникс. Кн. I. М., 1922; «Из воспоминаний о Блоке» // Рупор. 1922. № 3). К 25-летию со дня смерти поэта она опубликовала статью «Об Александре Блоке» (Огонек. 1956. № 28). Наконец, в 1964 в тартуском «Блоковском сборнике» появляются её наиболее полные «Воспоминания об Александре Блоке»³⁰, отличающиеся от её одноименной поэмы большей обстоятельностью в обрисовке Блока, его родных и близких, литературной жизни Петрограда тех лет и своих собственных, весьма близких, отношений с великим поэтом. Прозаическим воспоминаниям сопутствовал поэтический текст. Так появилась на свет её поэма «Воспоминания об Александре Блоке» (1939-1946гг).

I

МОСКВА, МАЙ 1920 года

В Политехническом университете

*Почти такой, как мы, но не такой.
Он проще был, печальнее и строже,
На шкипера норвежского похожий,
Как долг, носил он вечный непокой.*

*Ещё не появилась седина,
Но волосы темнели и редели,
И посерела глаз голубизна,
А губы сжались, словно онемели.*

*Почти такой, как мы, он вышел к нам
И дрогнул за волненьем первой встречи.*

³⁰ Павлович Н. Воспоминания об А. Блоке / Н. Павлович // Блоковский сборник. – т.1. – Тарту: ТГУ, 1964. – с.449-496.

*Он стал читать. Привыкли мы к стихам.
Ну что ж. Ещё литературный вечер.*

*Он был, как все — и серенький костюм,
И тайное волнение на эстраде.
Он только был по-своему угрюм,
И боль, и свет в тяжелом взгляде.*

*А голос горький звал тебя на суд,
Чтоб никуда ты не посмел укрыться,
Чтоб не спасли ни дружба, ни уют
От грозной думы этого сновидца.*

*Меня к нему повёл тогда Княжнин,
Его приятель старый — тихо встал он...
Но как смогу заговорить я с ним,
С таким большим о нашем малом?*

*А он был прост и ласков. Он сказал,
Что в Петрограде встретимся мы снова,
Что он вчера мои стихи читал
И отзвуки слышал в них родного,*

*Что хочет он со мною говорить,
Но здесь, сейчас он говорить не может...
И никогда мне голос не забыть,
Глухой, осенний, на него похожий.*

Из сохранившихся писем Н. А. Павлович к В. Н. Княжнину следует, что работа над поэмой началась весной 1940 года. 10 мая Надежда Александровна писала В. Н. Княжнину: «Теперь о себе: работаю над поэмой «Воспоминания об Александре Блоке». Вчерне готовы шесть глав. Здесь и Вас вспоминала. В первом варианте были и Вы. Потом — отбросила всю сцену знакомства. Я сразу показываю его в Политехнич<еском> Музее, но только как великого поэта, без личного...

Но вспоминала Вас живо, тепло, сердечно, с глубокой благодарностью. С Вами связано самое радостное, страшное и значительное в моей жизни. Когда поэма будет готова, я пришлю Вам в рукописи и нарочно для Вас прибавлю первый вариант. Хотите?» [1]

Свою поэму Надежда Павлович читала в 1940 году и В. А. Пясту. В том же письме она сообщает В. Н. Княжнину, что «Пяст, слушая поэму, очень волновался, потом сказал — над ней хочется плакать. Это не потому, что она такая хорошая, а потому что мне удалось дать некоторые черты и слова А<лександра> А<лександровича>. Они каким-то чудом легли в стих. Я тогда во сне даже видела стихи. Сейчас в свободные часы дорабатываю, исправляю, а кончить надеюсь летом» [1].

Первая публикация поэмы «Воспоминания об Александре Блоке» состоялась в 1962 году. Она состояла из двенадцати глав; каждая имела свое заглавие. В конце поэмы стояла дата написания: 1939—1946. Впоследствии поэма не раз перепечатывалась — Н. А. Павлович неизменно включала ее в каждый свой поэтический сборник.

3.7 Воспоминания об А. Ахматовой

В 1920 году Надежда Павлович выступает со стихами в Доме литераторов на Бассейной и в антракте знакомится с В.К. Шилейко,

вторым мужем Анны Ахматовой, который приглашает Павлович к ним в гости.

«А я так любила её стихи! Хотя литературного её влияния я никогда не испытывала, но считала, что о нашем сокровенном, женском никто лучше её не говорил, и стихи её сами запоминались и повторялись. У меня даже не было соблазна подражать ей. Может быть, в какой-то мере это и определило наши отношения на многие годы»[66, с.474].

В 1920—1921 годах они встречались довольно часто, читали друг другу стихи, иногда вместе гуляли. В 1921 году Ахматова подарила Павлович стихотворение «А Смоленская нынче...»³¹, в более поздние годы — сломанный деревянный портсигар Блока, доставшийся ей от одной приятельницы.

Несмотря на отсутствие в поэзии Павлович подражания Ахматовой, их творчество перекликается. Надежда Павлович пишет в «Воспоминаниях об Александре Блоке»: «В стихотворении Ахматовой «Ты знаешь, я томлюсь в неволе» говорится об «осуждающих взорах спокойных загорелых баб». Самое удивительное то, что мне пришлось разговаривать с этими тверскими — верней, бежецкими — бабами». В мае 1921 года Павлович читает в Бежецке лекцию о современных поэтах. В Бежецке в то время у тётки своей, Сверчковой, жил маленький Лев Гумилёв. Ахматова попросила навестить мальчика и отвезти гостинец. По дороге Павлович остановилась поговорить с местными, которые знали Гумилёва и Ахматову. Надежда Александровна запомнила, что эти женщины «чувствовали в ней что-то необычное и по-хорошему, по-бабьи, по-свойски жалели её» »[66, с.475].

«Бывало, косу расплетёт и выйдет за околицу. Ходит и бормочет чего-то... Платье белое наденет... И худая была. Видать, до косточек её

³¹ Написано на день смерти А. Блока

прожгло... болью да заботой» »[66, с.475]. Об этом в стихотворении Н. Павлович, посвященном Ахматовой:

АННА АХМАТОВА

I

Нет лиры, пояска, сандалий...

Последний свет косых лучей...

Но мы любя её встречали,

Как музу юности своей.

О ней мне говорили бабы

В лесном глухом углу тверском:

«Она была больной и слабой,

Бродила часто за селом,

Невнятно бормотала что-то

Да косу тёмную плела,

И видно, тайная работа

Её до косточек прожгла...»

Мы познакомились в двадцатом,

Навек мне памятном году,

В пустынном, ветреном, крылатом,

Моём раю, моём аду.

Двор шереметевский обширный

Был обнажён, суров и пуст,

И стих, как дальний рокот лирный,

Слетал с её печальных уст.

*И, равнодушно-величава,
Проста среди простых людей,
Она, как шаль, носила славу
В прекрасной гордости своей.*

1968 Цикл «Современники»

Надежда Павлович вспоминает: «В этом же моём стихотворении есть строка «Проста среди простых людей». За ней — эпизод, поразивший меня. Однажды летним утром 1920 года я пришла к Анне Андреевне. Огромный шереметевский двор был залит солнцем. Вдруг я увидела, что она почти бежит по двору в платочке, в туфлях на босу ногу, с каким-то свёртком в руках.

— Куда вы?

— К нашему дворнику. У него воспаление лёгких. Ставлю компрессы.

Никогда этого не забуду, как не забуду ребёнка соседки или домработницы, спавшего на креслах в её комнате, которого так бережно она потом унесла <..> И товарищем она была верным в беде, делилась последним. Так за равнодушной величавостью, за некоторым высокомерием всегда оставалась живой её простая доброта» [66, с.476].

Надежда Павлович была высочайшего мнения о таланте Анны Ахматовой: «...её поэзия была как бастион: казалась лирической; но по своей природе была монументальна: в молодых стихах Ахматовой уже есть та законченность и совершенство формы, что поражает нас в её зрелых и поздних стихах. В мире происходят катаклизмы, хоронится эпоха, неистовствует война — всё это отмечено, отражено, продумано и прочувствовано в ее стихах. И всё-таки никогда в них не бушует стихия, никогда она сама не вовлекается в водоворот» »[66, с.475].

С сожалением, надежда Павлович отмечает, что Анна Ахматова не приняла её поэму «Воспоминания об Александре Блоке», в которой

отражён конфликт Н. Гумилёва и А. Блока. Надежду Александровну огорчало возникшее между ними отдаление, однако она навсегда сохранила глубочайшее уважение и искреннее восхищение личностью Анны Ахматовой и её поэзией.

3.8 Критические статьи М. Павлова

В начале 1920-х Павлович выступает под псевдонимом Михаил Павлов как критик со статьями и рецензиями, посвящёнными, в основном, современной поэзии. В качестве примера приведём её критическую статью в журнале «Рупор» от 1922 года о поэтах Григории Шмерельсоне и Александре Богустлавском, в которой отмечает, что сборники этих поэтов «хотят быть не только книгами стихов, а книгами революционными по форме». В статье поэтесса критикует заявленную масштабность, склонность к монументальным формам, которые диктуются современностью. Стихотворение Богустлавского М. Павлов называет «космическим революционным гимном»: «Попробуйте только вслух прочесть этот «гимн», например «волей сильных сталеслит», и действительно получится только «лязг», «дразг» - вместо той широкой, ритмической волны, которая несёт подлинную песню³². О Шмерельсоне она пишет: «...имажинисту и подавно полагается чувствовать образ, и не «целить пистолет по арканам юбок»...«но самое удручающее в этих стихах, как и в стихах предыдущего автора, это глубокое самодовольство, которое сквозит в каждой строке, в каждой интонации, то духовное мещанство, которое не могут и не умеют скрыть эти новоявленные революционеры» [31].

³² О стихотворении Богустлавского «гром жгём мир пустой...»

4. ОПТИНА ПУСТЫНЬ В ЖИЗНИ Н.А. ПАВЛОВИЧ

4.1 Вклад Н.А. Павлович в спасение Оптинской библиотеки и восстановление обители

В 1921 году жизнь Надежды Александровны переворачивается раз и навсегда. Неожиданную смерть Александра Блока Павлович переживает как личную трагедию. После неё поэтесса была близка к самоубийству. Она вспоминала: «Умер близкий мне человек... Мне нужен был учитель, который спас бы меня от прелести³³. Я молилась...» (12).

Помог Надежде Александровне в тот тяжёлый момент её хороший друг – художник Лев Бруни, который пригласил её пожить с его семьёй при знаменитой Оптиной пустыни.

Сама же Павлович в своих воспоминаниях указывает другой мотив первого приезда в Оптину пустынь: «Я когда приехала – я приехала туда не богомолкой, а писателем, мне предложили написать (это было начало 22-го года) небольшую книжечку «Оптина пустынь после революции». Тогда были ещё кооперативные издательства. И тогда было такое издательство, которое затеяло целую серию таких книг: «Религия и революция». Это было не атеистическое и не религиозное, а информационное...

В то время там жили Лев Александрович Бруни и его жена Нина Константиновна Бальмонт с детьми, которые сбежали туда от ленинградского голода» [82, №1 с.181].

Там Надежда Павлович впервые увидела старца Нектария – последнего из великих оптинских старцев. Она попыталась увидеться с ним, но... старец просто отказался принять эту представительницу поддержавшей революцию богемы. Через три дня Павлович вернулась в Петербург, но об отчаянии и самоубийстве речь уже не шла: поэтесса

³³ Церк. - соблазны

была воодушевлена тем, что увидела «настоящего святого», и поставила себе цель – непременно сделаться его ученицей и послушницей.

Полгода спустя Павлович возвращается в Оптину уже в качестве сотрудницы (а в течение некоторого времени - и исполняющей обязанности заведующей) новоорганизованного Оптинского музея.

В конце 20-х Павлович участвует в вывозе в Москву, в Библиотеку имени Ленина знаменитого архива Оптиной, который без её хлопот, несомненно, погиб бы. Этот период Надежда Александровна освещает в интервью с В.Д. Дувакиным: «Музей основан был в 1918 году петербургской журналисткой Лидией Васильевной Защук. Это был не только музей Оптинский, но и краеведческий, то есть туда свозились материалы...из национализированных имений: библиотеки, ковры, картины и так далее. И музей уже получил эту знаменитую Оптинскую библиотеку.

А Оптинская библиотека к моменту революции была такая: трёхэтажное здание, построенное в скиту в начале XX века, был и рукописный отдел. А вообще там было 30 тысяч книг. Книги были самые разнообразные, от духовных до медицинских, географических, математических, исторических <...> На русском языке, на иностранных <...> Директором была Лидия Васильевна Защук. А я была учёным сотрудником музея. А затем и директором музея» [82, №1 с.181].

В 1923-м году Оптина была ещё действующим монастырём. По советскому закону, ответственность за монастырь возлагалась на так называемую «двадцатку», что-то вроде гражданского церковного совета, который обычно состоял из мужиков из ближайших деревень. К концу 1923-го года Оптина как монастырь была закрыта, монахи были разогнаны или арестованы. Старцу Нектарию грозил расстрел, но Павлович за него просила лично Н. К. Крупскую, представив его своим «дедушкой». Благодаря её просьбе, мера по старцу Нектарию была

расценена как «перегибы на местах», и старца Нектария отправляют на поселение. Впоследствии Павлович навещала старца Нектария в ссылке и заботилась о нём, и перед своей смертью в 1928 году он благословил свою духовную дочь на продолжение литературной деятельности и наказал заботиться об Оптиной пустыни, что Надежда Александровна и исполнила.

Музей же просуществовал до 1928 года, когда его закрыли «За ненадобностью». С 1928 года после закрытия музея Оптиной Пустыни начинается самый тяжёлый период её существования, она переходит из рук в руки, в различные организации. «Там были и очень, так сказать, «милые» организации, нужные — колонии для детей-беспризорников... Там был и... концлагерь. В 40-41 годах. Там стояли просто военные части, которые, например, разрушили без особого основания, видимо, пробуя оружие, церковь Марии Египетской. Как мне передавали, скомандовал начальник попробовать, что будет, если стрелять по ней. Вот... Руины стоят до сих пор» [82, №2 с.173].

Про разграбление Оптиной Павлович рассказывает со слов её друзей Бориса Петровича и Тамары Петровны Розановых, которые жили около Оптиной в начале тридцатых годов. Тогда ещё здания были целы, только во всех помещениях отдыха сильно пахло ладаном. Никак не могли этот запах выветрить. На тот момент и могилы Оптинского некрополя около собора были целы, а похоронены в Оптиной были многие знаменитые люди, такие как: Оптиные старцы — Лев, Макарий, Амвросий, Анатолий, Варсолаврий и Анатолий; братья Киреевские Иван Васильевич и Петр Васильевич; жена Ивана Васильевича Киреевского — Наталья Петровна; Александра Ильинична Остен Сакен, (тётя и воспитательница Льва Толстого, умершая в 1841 году); Гартунг Николай Иванович (зять Пушкина, если бы Пушкин был жив к моменту замужества своей дочери, скончался в 1859 году); генерал майор

Петровский Андрей Андреевич (участник сражений при Бородине, Лейпциге, при взятии Парижа); графиня Елизавета Алексеевна Толстая (скончалась в 1851 году); родственники Апухтина Билим Колосовские; Мария Кавелина, урожденная Нахимова, родная сестра адмирала Нахимова; Иван Адамович Пилисснер (основатель первого в стране Оптинского лесного института, умер в 1815 году); полковник Осип Осипович Россет (брат знаменитой А. О. Россет, друг Пушкина, умер в 1854 году); полковник Алексей Осипович Россет (друг Пушкина); Иван Иванович Писарев (отец известного критика).

Внутри помещений и в церквях, по воспоминаниям Розановых, ничего монастырского не оставалось. Вещи были выброшены или разобраны местными жителями. «Некто Захаров, принимавший участие в изъятии монастырского имущества, навешал у себя дома ковров. А это оказались не ковры, а помпоны с монастырской конюшни. Курьёз. Сразу после ликвидации монастыря прямо на папертях собора был устроен аукцион по распродаже имущества: мебели, посуды, одежды... Пафнутьев колодец, считавшийся святым и целебным, а на деле бывший глубинным сернистым источником, забили цементом, потому что к нему продолжалось паломничество за водой. Но родник пробился в новом месте и нашёл себе выход на самом берегу Жиздры в нескольких метрах от воды, в маленьком овражке в густых кустах...» [89].

О своём участии в спасении знаменитой Оптинской Библиотеки Надежда Павлович говорит с гордостью. В то время для перевозки архивов Библиотека имени Ленина прислала младшего научного сотрудника. «Этот сотрудник был молодой парень, гениально умевший говорить с властями — с комендантами, понимаете, получать вагоны — всё это, но который не понимал ничего ни в Оптиной, ни в книжках. Я пришла к нему — я...я писатель была уже, так сказать, значит, авторитет какой-то, бывший директор — и сказала: «Я тут случайно (гостила у

друзей). Хотите, я Вам помогу?». Он был в восторге, потому что совершенно растерялся перед этой машиной» [82, №1 с.183].

Нужно было вывести всю библиотеку, но на эвакуацию давалась лишь одна неделя, времени на опись не было. Начали все книги подряд складывать в ящики, в общем получилось 250 ящиков, которые были вывезены. В библиотеке Оптиной были действительно редкие и уникальные документы. «Когда мне попался ящик, в котором были счета на рыбу, постное масло и так далее, среди этих счетов я нашла автограф знаменитого богослова XIX века Брянчанинова, - рассказывает Надежда Павлович, - ...кроме того, там был ещё фонд известного востоковеда монаха Виноградова, который 12 лет работал в Пекинской миссии и вывез из Китая целый ряд тоже документов и манускриптов...» [82, №1 с.184].

Деятельность Павлович в ликвидационной комиссии (а она пользовалась своим положением для того, чтобы спасти как можно больше - не ценностей, их в Оптиной никогда не было - а книг и архивов) вызвала подозрения, ей предъявили обвинения в саботаже, но не нашли умысла в её действиях и ограничились её исключением из ликвидационной комиссии.

При вывозе библиотеки было решено брать по пять копий каждого издания. Часть книг оптинской библиотеки впоследствии из Библиотеки Ленина была передана в Климентовскую церковь. Далее часть уже разделённой библиотеки была распределена по другим музеям. Музей снова открылся в конце 40-х годов.

Павлович продолжает рассказ о судьбе Оптинской библиотеки: «Значит, тут мы затребовали из Ленинки 200 экземпляров. Получили сначала 100, а потом ещё 100...Ну, хорошо, но там 30 тысяч, а где остальное? Я потом ездила несколько раз...от Центрального совета охраны памятников, начальством, так сказать, некоторым. Куда девалась

библиотека? Ведь 30 тысяч книг – это же не игрушка. Говорят – возами вывозили, а куда вывозили – не знаем....в конце концов примерно узнала, что она сначала была в Смоленске, а потом попала в Лавру...Когда Лавру открыли, то они опять это перевезли в фонды Ленинской, и, кроме того, стали, так сказать, продавать. И я слышу по радио – я слушала «Голос Америки»: «Нам очень повезло. На удалось купить за валюту в «Международной книге» большую часть знаменитой Оптинской библиотеки для Духовной академии святого Владимира в Нью-Йорке». Затем я узнаю, что нашими этими же книгами, нашей библиотеки, с нашими ярлычками, «Международная книга» торговала в Париже в розницу. Но часть всё-таки в фондах Ленинской ещё лежит» [82, №1 с.185].

Что касается самой Оптиной пустыни, в военные и послевоенные годы шло непрерывное разрушение. В этот период была разрушена и главная лестница в сто ступеней, которая вела к колокольне и к главному храму, тогда же был совершенно уничтожен Оптинский некрополь с могилами многих знаменитых людей и оптинских старцев.

В 50-х на территории Оптиной обосновалось сельскохозяйственное училище.

«Примерно в конце 50-х, 60-х годах, я боюсь сказать точнее, ко мне пришли тогдашний исполняющий директора музея Достоевского и заместитель директора музея Толстого, которые сказали: Надежда Александровна, а что Вы думаете, о восстановлении Оптиной?» [82, №2 с.174]. Начиналась эра восстановления, было создано Общество охраны памятников.

«Да, первое, значит, что мы сделали – мы восстановили могилу Киреевских, на это восстановление деньги дал Литературный фонд. Планы кладбища у нас были. Но этого ничего нельзя было бы делать, если бы в эти же годы в Козельске не основался Народный музей. Я

считаю это маленьким чудом. Народ, значит, получил только плохонький, старенький двухэтажный маленький домик. И ни одного рубля. Тогда люди – простые и интеллигентные (бывшие учителя) – стали приносить гербарии, образцы почв. Это был, так сказать, краеведческий музей. Старые георгиевские кавалеры приносили свои ордена, женщины простые приносили понёвы, образцы шитья калужского» [82, №2 с.174]. Одно из самых больших чудес было то, что этот музей в таком состоянии - не государственный и без субсидий – просуществовал 12 лет.

По вопросам восстановления Оптиной пустыни с Надеждой Александровной непосредственно работал И. Г. Петровский³⁴. «У меня сейчас рукопись с моими воспоминаниями лежит в издательстве, - пишет Н.А. Павлович, - я не знаю, напечатана она будет или нет, но там целая глава – Иван Георгиевич Петровский, которая называется «Не только математика» [82, №2 с.179]. Благодаря их совместным стараниям через Совет Министров РСФСР было проведено взятие Оптиной под государственную охрану РСФСР, в 1974 году монастырю был присвоен статус музея. Вскоре восстановленную Оптину начали посещать туристы.

Для сохранения и восстановления Оптиной Пустыни было приложено много сил. Чем же так знаменит этот монастырь и почему он на протяжении веков привлекал паломников? Надежда Павлович, для которой Оптина имела жизненно важное значение, посвятила истории этого монастыря и жизнеописанию его старцев несколько трудов.

³⁴ Иван Георгиевич Петровский – русский, советский математик и деятель отечественного образования. Ректор МГУ имени М. В. Ломоносова, член Верховного Совета

4.2 История Оптиной пустыни

В России есть много монастырей, вошедших в русскую историю, как Киево-Печерская и Троице-Сергиева Лавры. Но Оптина Пустынь имеет свою особую судьбу, неразрывно связанную с классической русской литературы XIX и XX веков. Именно она описана Ф.М. Достоевским в «Братьях Карамазовых», именно её не раз упоминает в своих дневниках Л.Н. Толстой, о ней пишет в своих письмах Н.В. Гоголь.

Монастырь расположен в живописной местности: высокий берег реки Жиздры и вдаль уходящий сосновый бор, леса со старыми засеками, охранявшими Русь от татар.

Существует красивая легенда о том, что некий разбойник Опта покался и, приняв монашество и удалившись от мирской суеты, основал монастырь. И хотя исследователи сомневаются в правдоподобности этой версии, возникновение такого предания у народа вполне объяснимо. Ведь именно покаявшийся разбойник, распятый рядом с Христом, первым наследовал Царство Небесное.

*Разбойник Опта правил свой разбой
Над тихой Жиздрой, на холмах зелёных.
И рядом с Оптой стали мы с тобой,
Повинные в деяньях беззаконных.
(...)
Сюда на холм разбоя он пришёл
И там, где кровь пролили душегубы,
Он храм Пречистой бережно возвёл,
И лес укрыл монашеские срубы.*

Но и Оптина к XVIII веку, как большинство монастырей, потеряла непосредственную связь с идеями и традициями древнего подвижничества – сохраняя форму, она теряла содержание. Однако

нашёлся человек, Паисий Величковский из Полтавы³⁵, который понял это и захотел найти настоящего духовного опытного учителя. Обойдя множество монастырей в поиске учителя, он в конце концов отправился в Афон, где были книги древних отцов, старинные греческие рукописи.

Таисий, переводя тексты, увидел, какое место уделяли древние непосредственному духовному руководству – отношению ученика и учителя. На месте вериг и умервщления плоти было глубокое самосознание, направляемое опытным наставником – старцем. О старчестве, об этом особом пути самопознания писали многие подвижники с IV века по XIV век – но во времена Паисия на славянский и русский языки было переведено очень мало. Поэтому прежде всего Паисий положил начало переводу этих книг. Сам он в Россию не вернулся, поселился в Румынии, в так называемом «Нямецком» монастыре, который к концу его жизни стал многонациональной Лаврой. В центре жизни созданной им интернациональной Лавры, где жили румыны, греки, болгары, сербы, стояла книга.

В начале XIX века Таисий послал в Россию несколько своих ближайших учеников, дав им рукописи. Те пошли в различные русские монастыри и в леса. Вот недалеко сравнительно от Оптиной, в Брынских лесах, поселился его ученик, срубив себе маленький скит, и к нему пришли русские ученики: три брата Моисей, Исая и Антоний Путиловы. Они вели скитскую жизнь, занимались физической работой, в то же время продолжали переводить рукописи, которые приходили из Румынии.

Впоследствии епископ калужский Амфитеатров предложил братьям поселиться в Оптиной, в то время запущенной. Моисей и Антоний пошли в Оптину, а Исая епископ послал в знаменитую Саровскую пустынь. Так постепенно братья начали восстанавливать

³⁵ Древний центр православия в Румынии

разрушенные здания. «Это было удивительное место России – место стыка всех искателей Правды. Ни золота, ни серебра, никаких иных богатств в Оптиной не было. О бедности Оптиной можно судить по челобитной царю Алексею Михайловичу: «За Оптиным монастырём крестьянских и бобыльих дворов нет и денежной руги³⁶ им нейдёт. Кормятся миром и своей работой» [82, №1 с.173].

«Когда пришёл Наполеон...французы до Козельска не дошли, но они были недалеко. Значит, Оптина готовилась к эвакуации, и вот сохранилась запись о том, что они эвакуируют: ризница и книги. Это первое упоминание об Оптинской, теперь мировой известности, библиотеке» [82, №1 с.172].

Оптина Пустынь издревна была известна своими старцами, к которым люди приходили со своими бедами, за советом или утешением. Одним из первых старцев, кто открыл двери своей кельи и начал принимать прихожан, был старец Леонид. Людей приходило всё больше и больше, и тогда Леонид взял помощника, бывшего помещика Иванова, в монашестве Макария, который стал впоследствии знаменитым старцем. При Леониде было основано издательство, а при Макарии оно получило развитие, поднялся вопрос о печати. В это время в Оптину приехали братья Киреевские, которые приняли активное участие в организации издательства. Иван Киреевский уже был знаменитым философом и литературоведом. Вскоре издательство заработало в полную силу и просуществовало вплоть до Октябрьской революции. Среди монахов была целая коллегия учёных переводчиков (французский, немецкий, английский, греческий, еврейский, арабский языки), так, например, одна из первых напечатанных книг была книга старцев Варсануфия и Иоанна, перевод с греческого.

³⁶ годовое содержание попу от прихода

После смерти Леонида, Макарий взял себе ученика, Александра Михайловича Гренкова, который в монашестве стал знаменитым старцем Амвросием. Амвросий известен в том числе и как один из двух прототипов старца Зосимы у Ф. М. Достоевского³⁷.

Кроме прочих произведений, посвящённых пустыни, Надежда Павлович пишет своего рода жизнеописания двух старцев, которых ей посчастливилось застать в монастыре: «И затем были два последних старца, которых видела я сама...Это был старец Нектарий, фамилия его Тихонов, и старец Анатолий, фамилия его Потапов» [82, №1 с.181].

«Отец Анатолий был «мирским» старцем и духовником. Вся масса богомольцев, особенно из крестьян и купечества, шла к нему со своими семейными и бытовыми нуждами, с грехом словом и делом, с угрызениями совести. Среди этого моря человеческой нужды, горя, греховности и недоумения перед новой эпохой, ломавшей весь привычный уклад жизни, стоял отец Анатолий, являя собой образ бесконечной любви, равно изливавшейся на всех приходящих <...>

А в скиту, среди векового леса, подальше от шуму людского и народного скопления, в белой хибарке почившего великого старца Амвросия жил братский духовник – старец иеромонах Нектарий. Тот, кто общался с ним, ощущал как бы светлый, любящий, но разящий луч, который освещал для тебя твою совесть и не давал тебе самоуспокоения. Он тебя всегда звал вперёд, житейски подчас не жалея, не боясь причинить тебе спасительную боль. Он учил внутренней собранности, мужеству и различению главного в жизни от второстепенного и требовал от тебя непрерывного внимания ко всему: к слову Божию и Богослужению и к собственным твоим помыслам, а не только к словам и поступкам» [83, №3 с.175].

³⁷ вторым прототипом старца Зосимы в «Братьях Карамазовых» был Тихон Задонский, подвижник XVIII века, канонизированный святой

Из описания старца Надеждой Александровной следует: «сам старец был невысок, с лицом несколько округлым <...> глаза разные и небольшие. Лицо его как бы не имело возраста – то древнее, суровое, словно тысячелетнее, то молодое по живости и выразительности мысли, то младенческое по чистоте и покою» [83, №3 с.176].

Ещё одним отцом Пустыни, которого лично знала Надежда Александровна, был Михаил Михайлович Таубе, в монашестве Агапит. Он приехал в Оптину Пустынь в 1922 году и стал работать научным сотрудником музея. Как вспоминает Павлович: «В характере отца Агапита многое напоминает знаменитого русского духовного писателя епископа Игнатия Брянчанинова. Кое-что общее есть и в судьбе их, и в той духовной школе, которую они прошли» [83, №3 с.170]. В 1923 году при закрытии Оптиной Пустыни в числе многих арестованных монахов были также Михаил Михайлович и заведующая музея Лидия Васильевна Защук, впоследствии схимонахиня Августа – за нескрываемое ими уважение и сочувствие монастырю. Однако вскоре их выпустили за отсутствием состава преступления. Михаил Михайлович поселился в Козельске, и в это непростое для монашества время принял постриг с именем Агапит. Около 1928 года был снова арестован вместе с другими оптинскими монахами. Отбыв срок, уехал в Орёл. Умер отец Агапит после долгой и мучительной болезни от опухоли на языке. Н. Павлович пишет: «Мы прощались как бы на время: он уходил первым из нас – свидетелей последних лет оптинского старчества; в XX веке мы повторили путь мирских оптинских учеников XIX века – славянофилов Киреевских, Зедергольма³⁸ и других, в новых условиях, на границе миров...» [83, №3 с.175].

³⁸ иеромонах Климент – принял постриг в Оптиной пустыни в 1853 году

4.3 Оптиная пустынь: почему туда стремились великие?

Истории паломничества в Оптину пустынь Надежда Александровна посвятила статью «Оптиная Пустынь: Почему туда ездили великие?» (73)

Сохранились письменные подтверждения и местные легенды о пребывании в Оптиной Пустыни многих знаменитых людей России вплоть до представителей царской семьи. Как пишет Надежда Павлович: «Достоевский действительно вместе с Владимиром Соловьёвым был там три дня. Об этом документально сказано в журнале оптинской гостиницы, который находится в Библиотеке Ленина, куда удалось передать весь рукописный фонд Оптиной <...> Известно, что Достоевский был у Амвросия...»[82, №1 с.178], который стал одним из прототипов старца Зосимы в «Братьях Карамазовых». И действительно, в романе Достоевского мы находим историю Оптиной пустыни и самой традиции старчества на Руси: «...Возрождено же оно (прим. – старчество) у нас опять с конца прошлого столетия одним из великих подвижников (как называют его) Паисием Величковским и учениками его, но и доселе, даже через сто почти лет, существует весьма еще не во многих монастырях и даже подвергалось иногда почти что гонениям, как неслыханное по России новшество. В особенности процвело оно у нас на Руси в одной знаменитой пустыне, Козельской Оптиной. Когда и кем насадилось оно и в нашем подгородном монастыре, не могу сказать, но в нём уже считалось третье преемничество старцев, и старец Зосима был из них последним, но и он уже почти помирал от слабости и болезней, а заменить его даже и не знали кем. Вопрос для нашего монастыря был важный, так как монастырь наш ничем особенно не был до тех пор знаменит: в нём не было ни мощей святых угодников, ни явленных чудотворных икон, не было даже славных преданий, связанных с нашею историей, не числилось за ним исторических

подвигов и заслуг отечеству. Процвёл он и прославился на всю Россию именно из-за старцев, чтобы видеть и послушать которых стекались к нам богомольцы толпами со всей России из-за тысяч верст»³⁹.

Ф.М. Достоевский приехал в Оптину со своим горем, у него недавно скончался от эпилепсии маленький любимый сын Алёша. Фёдор Михайлович считал, что он наследственно передал сыну эпилепсию и в этом наказание за его грехи. У него было вместе и горе, и покаяние. Известно также, что старец Амвросий сказал о Достоевском: «Это - кающийся».

«Старец Зосима был лет шестидесяти пяти, происходил из помещиков, когда-то в самой ранней юности был военным и служил на Кавказе обер-офицером <...> Про старца Зосиму говорили многие, что он, допуская к себе столь многие годы всех приходивших к нему исповедовать сердце своё и жаждавших от него совета и врачебного слова, до того много принял в душу свою откровений, сокрушений, сознаний, что под конец приобрел прозорливость уже столь тонкую, что с первого взгляда на лицо незнакомого, приходившего к нему, мог угадывать: с чем тот пришёл, чего тому нужно и даже какого рода мучение терзает его совесть, и удивлял, смущал и почти пугал иногда пришедшего таким знанием тайны его, прежде чем тот молвил слово. Но при этом Алёша почти всегда замечал, что многие, почти все, входившие в первый раз к старцу на уединённую беседу, входили в страхе и беспокойстве, а выходили от него почти всегда светлыми и радостными, и самое мрачное лицо обращалось в счастливое»⁴⁰.

Достоевский присутствовал на выходе Амвросия к народу. Это сцена передана в «Братьях Карамазовых». Но есть ещё и местные предания. Против Оптиной, на берегу реки Жиздры, немного левее, если

³⁹ Ф.М. Достоевский «Братья Карамазовы», изд-во «Азбука», 2013. - Т.1. с.30

⁴⁰ ⁴⁰ Ф.М. Достоевский «Братья Карамазовы», изд-во «Азбука», 2013. - Т.1. с.32

идти от Козельска, находятся Прыски, бывшее имение Кашкиных. Кашкин же был товарищем Достоевского по кружку петрашевцев и стоял рядом с ним на эшафоте. Монахи рассказывали, что Достоевский переплыл однажды Жиздру непосредственно из имения Кашкиных, а не на пароме, как это делали обычные посетители. Анна Григорьевна Достоевская об этом посещении Кашкиных не упоминает, нет и других документальных подтверждений, архив Кашкиных (во всяком случае, большая часть его) сгорел, но к этому свидетельству монахов стоит прислушаться при изучении истоков «Братьев Карамазовых» [73, с.88].

При Амвросии же в Оптину приезжает и Тостой. Лев Николаевич был в Оптиной пять или шесть раз. На пять раз имеются письменные документы, шестой раз – это его первый приезд тринадцатилетним мальчиком. В Оптиной похоронена его тётка Остен-Сакен, которая была его опекуной после смерти его родителей. На могиле Остен-Сакен стоял металлический чугунный памятник, на котором было «опубликовано» первое произведение Льва Николаевича, эпитафия на смерть тётки в стихах. Когда уничтожали некрополь Оптиной, был выкинут и этот памятник. Позже памятник отвезли в мавзолей Толстых в Кочетках. Но её могила до сих пор в Оптиной. А присутствие Льва Николаевича косвенно подтверждает письмо Стаховича, который говорит, что на похоронах была племянница, то есть Марья Николаевна, тогда девочка, и племянники, но имена не названы.

Первая подтверждённая поездка в Оптину состоялась в 1877 году. Лев Николаевич Толстой вместе с Николаем Николаевичем Страховым поехал в Оптину пустынь и, естественно, остановился в хорошей гостинице. Павлович пишет в статье: «Тогда ему уже исполнилось 50 лет <...> мысли его обратились к Христу, но это был не Христос Священного Писания и церкви. Толстой хочет написать «материалистическое евангелие о материалисте Христе». Он задумал

книгу с новым восприятием и образа и учения Христа. И вот тогда-то у него возникла потребность поговорить с прославленными своей мудростью оптинскими старцами» [73, с.86].

На следующее утро Лев Николаевич пошёл к старцу Амвросию. Но никакой откровенной беседы со старцем не получилось. Толстой, по его собственному признанию, почувствовал духовную чистоту и мудрость Амвросия, его «святость», но не более.

В начале 1881 года Толстой ещё раз приезжает в Оптину, на этот раз вместе со своим слугой Сергеем Арбузовым и учителем Яснополянской школы Дмитрием Фёдоровичем. Как отмечает Н. Павлович: «Примечательно, что в этот раз Толстой пошёл туда «опростившись» - он переоделся в мужика, был в лаптях. Правда возникает вопрос: зачем нужен был этот маскарад? Люди шли в Оптину с открытым лицом и открытой душой. Из тысяч приходивших туда он один шёл для проверки оптинского демократизма (как-де там обращаются с бедным человеком и как с дворянством и богачами). И уж, кстати, для проверки: как отнесутся пресловутые мудрые старцы к его богословским теориям, уже нашедшим в ту пору, если о них зайдёт речь? Враждебное отношение к церкви уже складывалось, но до конца не оформилось» [73, с.88].

Однако инкогнито не получилось, так как наутро Толстого узнал один монах, бывший яснополянский крестьянин. Толстого из постоялого двора для простых людей перевели в лучшую гостиницу, и на утро второго дня без очереди он попадает к настоятелю и к старцу Амвросию. Этот почёт разрушил планы Толстого. О втором разговоре со старцем Павлович пишет: «Беседа Толстого со старцем Амвросием не была обычной для оптинских богомольцев. К старцу шли со своими скорбями, недоумениями, вопросами совести и покаянием. Толстой пришёл, как совопросник, спорщик и обличитель старца в незнании

Евангелия. Толстой частично записал эту беседу: «У Амвросия два часа. Нищенство это совершенство (вероятно, Толстой признался старцу, что его тяготит богатство – прим. Н. Павлович) Ищите совершенство, но не удаляйтесь от церкви <...> Амвросий занят тем чином, который он заслуживает, и верит болезненно. Бедный» [73, с.89]. Это реакция Л.Н. Толстого. Когда же спросили Амвросия об его впечатлении, он ответил: «Гордыня».

Тем не менее именно после этого посещения Оптиной появляются его «Записки христианина», а позже – «В чём моя вера». Трактаты, в которых он в лучшем случае обличает церковь в незнании Священного писания, а в худшем – обвиняет её в сознательной лжи и обмане. И создаёт своё евангелие - «от Толстого», в котором он опровергает все основные евангельские рассказы и христианские догмы.

В третий раз Толстой едет в Оптину с дочерьми Таней и Машей и племянницей. Толстой вновь идёт к старцу Амвросию для богословских споров. О чём и как они спорили, судить трудно. Известно лишь, что Толстой ушёл от старца раздражённым и заключил: «монашество – сибаритство».

О следующей поездке в Оптину сохранилась запись в примечаниях в книге «Мои воспоминания» И.Н. Толстого: «В августе 1896 года (с 10-го по 15-е) Л.Н. Толстой и С.А. Толстая ездили в Шамординский монастырь⁴¹ (прим. – навестить сестру Толстого М.Н. Толстую, монахиню Шамординского монастыря), откуда проехали в Оптину пустынь» [73, с.90]. Это путешествие подробно описано в записках С.А. Толстой «Моя жизнь»⁴². По словам Софьи Андреевны, Толстой нашёл в Оптиной пустыни большой упадок и во внешнем и во внутреннем духе монастыря.

⁴¹ Женский филиал Оптиной Пустыни

⁴² С.А. Толстая «Моя жизнь», т.7 с.49-55

Надежда Павлович вспоминает: «Старые монахи рассказывали мне, что Толстой из Шамордина приезжал в Оптину верхом, привязывал коня у Скитской ограды и, не заходя ни в скит (где жил старец Иосиф), ни в монастырь, уходил в лес по тропинке к речке Железинке. Там были чудесные реликтовые сосны (некоторые сохранились до сих пор), тишина, одиночество. Богомольцы обычно сюда не заглядывали, тут никаких святынь не было, и он спокойно думать о своём «Хаджи-Мурате» [73, с.90].

Сведения о пятом посещении (1896г.) есть в книге «Мои воспоминания» И.Л. Толстого. Как известно, Толстой бежал из Ясной Поляны между 4-5 часами утра 28 октября 1910 года к сестре Марии Николаевне – монахине Шамординского монастыря. Вместо того, чтобы поехать туда напрямую, Толстой заехал в Оптину, желая попасть к оптинским старцам. Здесь не могло быть расчёта отдохнуть ни физически, ни душевно. Остановка в Оптиной требовала напряжения, ведь Лев Николаевич не был уверен, что его, отлучённого от церкви, примут.

Сам же Толстой записывает в дневнике: «Доехали до Оптиной. Я здоров, хотя не спал и почти не ел. Путешествие от Горбачёва в третьеклассном набитом рабочим народом вагоне очень поучительно и хорошо, хотя я и слабо воспринимал. Теперь 8 часов, мы в Оптиной» [73, с.90].

По прибытии Толстой два раза подходил к скиту, к хибаркам старцев, колебался, но так и не вошёл и уехал в Шамордино. В книге И.Л. Толстого «Мои воспоминания» есть тому подтверждение: в письме Марии Николаевны к Софье Андреевне отмечается, что «хотел непременно поговорить со старцем», но это ему не удалось, приехавшая дочь своим известием, что Софья Андреевна бросилась в пруд «всё перевернула вверх дном» [73, с. 91]. Рано утром Толстой бежал из

Шамордина. В дороге ему сделалось плохо. Пришлось выйти на станции Астапов. И здесь произошло последнее соприкосновение Толстого с Оптиной. Неожиданно в Астапово приехал старец Варсонофий, но его к умирающему не допустили, заподозрив, что он послан Синодом для попытки предсмертного примирения с церковью и покаяния Толстого.

При Амвросии же Дмитрий Михайлович Болотов, знаменитый художник знаменитый, друг Репина и Васнецова, принял монашество и стал отцом Даниилом. В Оптиной он основал иконописную мастерскую, в которой преподавал по методам Академии.

Об Оптиной пустыни в одном из своих стихотворений упоминает Анна Ахматова:

*А в Старой Руссе пыльные канавы,
И в садиках подгнившие беседки,
И стекла окон так черны, как прорубь,
И мнится, там такое приключилось,
Что лучше не заглядывать, уйдём.
Не с каждым местом сговориться можно,
Чтобы оно свою открыло тайну
(А в Оптиной мне больше не бывать...).*
1945 «Северные элегии»

Согласно данным архива пустыни, Анна Ахматова была в монастыре два раза в 1966 году, есть свидетельство Шамординской схимонахини Серафимы, которая вспоминает: «Однажды Нектарию прочитали кое-что из Ахматовой, а потом Бруни попросил: «Благословите эту поэтессу». Батюшка сосредоточился, прикрыл глаза, а потом тихо вымолвил: «Она достойна... и праведна... приехать в Оптину пустынь. Тут для неё две комнаты есть».

Ахматовой передали старческое слово о ней, и она приехала, как паломница. Отец Нектарий благословил её поселиться в келье

послушницы Ирины Бобковой. Рядом через стенку жила Анастасия. Это и были те две комнаты, которые Батюшка в мыслях своих отвёл Анне Андреевне: в больничном корпусе направо, там, где сейчас общежитие богомольцев...» (8).

Сохранилось документальное свидетельства посещения Оптиной пустыни многими знаменитыми людьми, среди них: Н. В. Гоголь (21 февр./6 марта 1852); В. А. Жуковский (1852); И. С. Аксаков (27 янв./9 февр. 1886) и К. С. Аксаков (7/20 дек. 1860); Ф. И. Тютчев (1873); писатель И. С. Тургенев (1883); академик М. П. Погодин (8/21 дек. 1875), академик С. П. Шевырев (8/21 мая 1864), поэт князь П. А. Вяземский (1878); композитор П. И. Чайковский (1893) и его брат М. И. Чайковский (биограф композитора и составитель либретто для большинства его опер, духовный сын Оптинских старцев. Петр Ильич иногда в письмах к брату глубоко вздыхал, что не может вместе с ним отправиться ставшую для него святой Оптину пустынь); Н. Г. Рубинштейн (1881), основатель и первый директор Московской консерватории; поэт А. М. Жемчужников (1908); А. И. Апухтин (1893), В. С. Соловьев (31 июля/13 авг. 1900).

Долгие годы в Оптиной прожил Константин Николаевич Леонтьев. Сохранились его письма из Оптиной, в частности Василию Васильевичу Розанову. Посещал обитель и сам В. В. Розанов (24 янв./6 февр. 1919), изменивший в значительной степени свои взгляды в сторону церковности именно под влиянием общения с Оптиной. В 1920-х в Оптиной были поэт С. А. Есенин, художники Е. Татлин, П. Львов, В. Киселев, Н. П. Ульянов. В 1935 году приезжал К. Э. Циолковский. Это только неполный список знаменитых паломников монастыря. Большинство из вышеназванных лиц не просто посещали монастырь, а были духовными детьми оптинских старцев.

Так почему Оптиная привлекала такое количество людей, простых и великих? Надежда Александровна Павлович так отвечает на этот вопрос: «Потому что основное – старчество – в оптинской линии, монашеской, - то, что дело не во внешней аскетике: не в постах, веригах, так сказать, всяческих умервщлениях плоти, а в духовном – в очищении совести. То есть, я сказала бы, такой трезвый духовный разум. Оптиная совершенно не прощала никаких видений, никаких там экстазов – вот это совершенно оптинскому учению не свойственно.

Это духовное трезвение, моральная высота, контроль над мыслями и чувствами и отношение к духовному отцу, избранному тобой, - к твоему старцу». Вот что привлекало людей. О собственном впечатлении Надежда Александровна пишет: «А Оптиная - красавица и сейчас. Когда я первый раз её увидела, у меня было ощущение Китежа⁴³. Я шла ранним утром чудесными лугами – ещё сенокоса не было, мириады цветов, мириады росы, лента Жиздры, серебряная, чёрный совершенно почти бор: вековые, реликтовые сосны, которые сейчас вырубаются. И белый монастырь: на башнях были фигуры ангелов с такими медными трубами – это флюгера, они поворачивались по ветру. Красота была несказанная» [73, с.91] .

Об Оптиной пустыни Надежда Александровна всегда писала с неиссякаемой любовью. Обители она посвятила удивительно проникновенную поэму «Оптина» (отрывок):

Ты, Оптиная!

Из сумрака лесного,

Из сумрака сознания моего,

Благословенная,

Ты выступаешь снова,

Вся белизна, и свет, и торжество.

⁴³ Мифический город, находившийся, по легенде, в северной части Нижегородской области

*Я каждый камень бережно узнаю,
Иконку на столбе
и старый твой паром.*

*Уже лепечет мне струя речная,
Уже встаёт за лесом отчий дом.
Твой колокол – он цел
Ты слышишь, над лугами
Плывёт его спокойный, влажный гул
И ширится, и падает кругами,
Так полно он, так медно он
вздохнул.*

Талант Надежды Александровны поражает, по её собственному выражению, «двукрылостью». С одной стороны — поэзия. С другой богословские труды. О своих религиозно - духовных исканиях она рассказала в ряде стихотворений из сборника «Сквозь долгие годы» (1977) и в книге размышлений «Победитель смерти» (2000).

Молитва

*Облако смутно плывёт в синеве,
Ландыши гаснут в траве,
Шум утихает весеннего дня,
Божия Матерь! Помилуй меня!
Снова я девочкой в поле брожу;
Снова невестой на мир погляжу.
Даруй мне свет не вечернего дня!
Божия Матерь! Помилуй меня!
Стелется тихо туман над водой,
Волос ли мой протянулся седой?
Каждую душу живую храня,
Божия Матерь! Помилуй меня!*

Последнее поколение

*Мы пришли от великой печали,
Всё свое растеряв в суете.
На молитве ночей не стояли,
Забывали порой о Христе.
Слишком светлых чертогов не надо
Для давно огрубелых сердец.
Нам бы здесь постоять за оградой,
И к ногам Твоим пасть наконец.
Ради этого только мгновенья
Мы к Тебе, задыхаясь, брели,
Мы - последних времён поколение,
Ослепленные дети земли.*

В православных кругах к Надежде Александровне Павлович относятся с особым уважением за её подвижническое служение делу сохранения русской православной церкви. «Надежда Александровна была глубоко верующим человеком. И вера её была светла и радостна. Она и сама светила каким-то непреходящим светом, всю жизнь оставаясь взрослым ребёнком, открытым навстречу всякому добру, даже малой её частице, которую умела разглядеть во всех и во всём»[3, с.65].

5. «НЕЛИТЕРАТУРНЫЙ ПЕРИОД» В ЖИЗНИ Н.А. ПАВЛОВИЧ

В конце 1920-х начале 1930-х годов общественная ситуация в стране поменялась, литературная жизнь замерла, и зарабатывать литературной деятельностью не было возможности. Для Надежды Павлович начался «нелитературный период», как и многие другие поэты и писатели, она вынуждена была заниматься переводами, детской литературой и писать «в стол» в надежде, что однажды её произведения будут опубликованы.

5.1 Воспоминания о М. Чехове. Пьеса в стихах «Дон Кихот»

С самого детства на протяжении всей своей жизни Надежда Александровна Павлович была искренней поклонницей театра. В первый раз она попала в театр в 9-10 летнем возрасте: «В оперном театре шла «Ундина». «Ундину» Жуковского я знала и любила, но тут было нечто другое – музыка и зрительное воплощение образов, и меня это потрясло»[71, с. 69]. Вернувшись домой, ещё маленькая Надя написала свою «Ундину». Позднее судьба свела её с великими актёрами той эпохи, о которых она рассказывает в своих мемуарах «Невод памяти».

Зимой 1925 года Павлович приезжает из Ленинграда в Москву, останавливается на Арбате у Екатерины Алексеевны Бальмонт и Татьяны Алексеевны Полиевктовой. По их рекомендации идёт на известную постановку «Гамлета» с М.А. Чеховым⁴⁴ в главной роли.

«Я увидела чудо, тот театр, о котором мечтала с юности, раздвинувший границы обычного театра, театр, в современных условиях, современными художественными средствами осуществляющий идею древней греческой трагедии – т.е. катарсиса, приводящий к переосознанию и душевному просветлению и очищению <...> На сцене

⁴⁴ **Михаил Александрович Чехов** (17 (29) августа 1891 год, Санкт-Петербург, Россия — 1 октября 1955, Беверли-Хиллз, Калифорния, США) — русский и американский драматический актёр, театральный педагог, режиссёр. Заслуженный артист Российской Республики (1924). Племянник писателя Антона Чехова, сын публициста Александра Чехова. Автор известной книги «О технике актёра».

появился невысокий молодой человек в чёрном кожаном костюме, золотисто-жёлтые пряди волос обрамляли тонкое, не очень красивое, но прекрасное лицо; большие глаза, казалось, не увеличены гримом, а такие – от природы, на самом деле. Негромкий, глухой, чуть хриплый голос, а некоторые интонации и даже самый этот тембр хватают за душу...и удивительные движения. С его появлением пространство сцены ожило и осмыслилось, само вошло в трагедию. Это была и Дания, и вся земля» [80, с.151].

Татьяна Алексеевна Полиевктова познакомила Павлович с Михаилом Чеховым. Общая поездка в Оптину пустынь, которая его очень интересовала, сблизила их. Позже Надежда Александровна познакомилась с его женой, стала другом семьи Чеховых и частым гостем в их доме. Сохранилась переписка Павлович и Чехова⁴⁵. Вот одна из записок:

«Глубокоуважаемая Надежда Александровна.

Спасибо за ответ. Прошу Вас очень – зайдите за кулисы и попросите провести Вас ко мне в уборную на «Гамлете», во втором антракте (после 2-го акта). Мы хоть секундочку поговорим.

Уважающий Вас,

М. Чехов»

Впечатления от «Гамлета» отражены в цикле стихов «Гамлет» в книге «Думы и воспоминания»:

Да, лицо твоё, как звезда!

Оторваться я не могу,

И проходят миры и года

В тихом, тёмном, лиловом снегу.

Тишина озарённых кулис,

Шум толпы из-за низких дверей...[80, с.152].

⁴⁵ фонды в Пушкинском доме Академии наук в Ленинграде и в Москве в ЦГАЛе

Об их поездке в Оптину: «Был чудесный мартовский лес, проталины, ручьи из-под снега, заячьи следы...заря и уже пушистая верба...» [80, с.155].

*Ты, вербочка, ты, вербочка,
Пушистая моя!
О чём поёт, куда зовёт
Вечерняя заря?..
Ты, вербочка, ты, вербочка,
Не знаешь ничего,
Как ясен взор, как светел дух
У друга моего!*

Эта поездка также отразилась в цикле стихов «Гамлет»:

*Не о зорях, не о розах,
Но останется навек,
Лес в чернеющих берёзах,
В серой шапке человек.
И тихонько по ложбине
Запевающий ручей,
И обрывок тучи синей,
Заплутавшей средь ветвей.
Верно, заяц в ночь приходит
Грызть весеннюю кору,
Верно, крот по ночи бродит,
Роем новую нору.
Он отыскивает место
Средь проснувшихся корней,
И плывут по небу звёзды
Над простой строкой моей.*

В своих мемуарах «Невод памяти» Павлович пишет, что к Чеховым иногда приходил Андрей Белый: «Миша нежно любит и почитает его, зовёт за глаза «Андрюшаном» <...> В МХАТе идёт его «Петербург». Миша играет старика Аблеухова – опять великолепие вдохновения и мастерства» [80, с.157].

В 1927 году Надежда Павлович часто встречалась с Анной Семёновной Голубкиной⁴⁶: «Её интересовали воззрения и стремления моего поколения и в какой-то мере нравились мои стихи. А я, как зачарованная, входила в её мастерскую, где все её мощные и горестные произведения производили особое впечатление о непосредственной близости с их творцом» [80, с.162]. С подачи Павлович Голубкина начала портрет Михаила Чехова, но не закончила.

Михаил Чехов мечтает о пьесе-мистерии, хочет сыграть Дон-Кихота: «Гамлет - только подступ к Кихоту», говорит он в один прекрасный день и предлагает Павлович написать пьесу в стихах «Дон Кихот» по Сервантесу. Чехов предлагает соавтора – Смышляева, однако соавторство не ладится. Не находит общий язык Надежда Александровна и с другим соавтором Павлом Антоновичем Аренским. В итоге она просит расторгнуть соавторство при сохранении материальных условий, учитывая проделанную работу (1/2 гонорара и имя на афише). Михаил Чехов отвечает на просьбу Павлович: «...мне очень нравится твой сценарий, страшно верю в твоё творческое состояние, знаю, что хочется сыграть именно твоего Кихота, твоего в смысле формы художественной. Будет цельность, полнота и завершённость. Во всём этом у меня больше, чем уверенность, я просто знаю, что это будет так» [80, с.164]. Далее идут комментарии о характере Дон Кихота: «Он должен быть в конце пьесы каким-то боком похожим на Андрюшана (прим. Андрея Белого)» [80, с.164]. Однако

⁴⁶ Анна Семёновна Голубкина - одна из самых известных русских женщин-скульпторов XX века. Работы находятся в крупнейших музеях и собраниях (Третьяковская Галерея, Русский Музей и других).

Чехов говорит, что невозможно согласится на условия Павлович и до того, как заказать пьесу ей одной, нужно закончить предыдущий контракт, представить окончательный вариант пьесы, созданный в соавторстве с Аренским.

Павлович вспоминает: «Общее наше с Аренским детище безнадежно распадалось и по истолкованию типов и ситуаций Сервантеса, и по языку, по самому словарю, я уж не говорю о внутреннем ритме, без которого нет ни художественной поэзии, ни художественной прозы. А внешне – это были то стихи, то проза, что драматургически допустимо, но при условии именно этого единого внутреннего ритма, а его-то и не было. И был ещё мощный и неотторжимый соавтор – Сервантес, который несомненно поворачивался в гробу от творческой деятельности и моей, и Аренского» [80, с.167].

Текст был принят и его «дотацили» до первых переговоров на реперткоме, однако далеко не всё в пьесе устраивало Михаила Чехова. Из письма Чехова Павлович: «...обратив свой взор на пьесу «Кихот», я вижу, что она далеко не во всём художественна: Карраско – не художественно написан. Не интересен, не ясен. Он почти только докладывает факты. Этого нельзя! Актёру нечего играть. (Это я прочла не без удовольствия, ибо карраско был всецело детищем Аренского). Но дальше Чехов писал: Санчо: не смешон! Не серьёзен! Ничто, как образ! (Это уже было наше, соавторское детище). Граф: тоже – жидок и неубедителен. Один Кихот выписан более или менее ясно, но и то лишь по линии романтики, нет в нём тем: силы, падений, тоски, сомнений, старости, одиночества, нет стихийных взлётов в тех или иных настроениях. То есть, всё это есть, но уж очень в намёках, а не в полную силу. (Это были уже камни в мой огород, и Граф, и Кихот, особенно

Кихот – это было моё, куда я Аренского всеми силами не пускала)» [80, с.168].

Задача была поставлена – в течение двух недель исправить пьесу в соответствии с комментариями, что было совершенно невозможно. Тогда Чехов решил сам вместе с Грозовым написать своего «Кихота». Павлович пишет: «Я это очень тяжело переживала. За эти два года «Кихот» стал для меня «Моим», столько своего «Я», мечты и труда я в него вложила» [80, с.168].

Когда Михаил Чехов прочёл законченную версию пьесы, Павлович увидела некоторые сюжетные совпадения. Всё это было естественно и по их умственной и душевной близости с Чеховым, и вследствие множественных обсуждений пьесы. Павлович указала на заимствования, на что Чехов оскорбился. Они поссорились, и их дружба оборвалась. Однако Дон Кихота Михаилу Чехову так и не довелось сыграть. С семьёй он уехал за границу, так и не помирившись с Надеждой Александровной. После смерти вдова Чехова прислала ей его большую фотографию, последнюю в его жизни.

«В 1968 году я прочла «Дон Кихота» Михаила Булгакова. – пишет Надежда Александровна, - Это именно то, о чём мечтал Чехов» [80, с.171].

5.2 Воспоминания о Самуиле Галкине

В 1935 году Надежда Павлович смотрит постановку «Короля Лира» в Государственном еврейском театре, в которой главную роль играл С.М. Михоэлс. Надежда Александровна осталась поражена переводом трагедии Шекспира на идиш, насколько «Король Лир» был прочтён по-своему, по духу своего народа, но в то же время и с позиций нового времени. Позже она знакомится с переводчиком «Короля Лира» поэтом Самуилом Галкиным: «Прислонясь спиной к печке, стоял

высокий, очень красивый сорокалетний человек. Тяжёлое лицо, с большими, тёмными, ленивыми и неожиданно пристальными глазами. Эти глаза вспыхивали от каждой новой мысли, от каждого впечатления, и лицо меняло выражение. Царственная голова, с прекрасным высоким, словно купол храма, лбом. А на нижней части лица, в складке рта, в линии подбородка – печать страстности, даже чувственности, срывов и падений, печать горького человеческого пути <...> Он не мыслил для себя возможности жить без стихов и воспринимать мир вне поэзии – прозаически. В это единстве человека и поэта – натуры и целеустремлённости – и таилась сила таланта Галкина» [83, с.131].

Интересны замечания Галкина о поэтах, которые приводит в своих мемуарах Павлович: «Галкин о Маяковском: «Это поэт большой руки, а не большой души. Блок – это душа, весь – душа. Слышали вы, что у ногтей есть душа? Так вот у него и в ногтях была душа <...> О Гумилёве: «Я всего Гумилёва отдам за 1/10 Блока, но у него есть удивительное стихотворение об органе для шестого чувства. Даже непонятно, как он его написал». О Есенине: «Ему от дедов достался мужицкий напор. Я переводил его сказку о пастушке Пете. Она – фольклорная, очень русская. Я и в переводе сделал её тоже фольклорной, сугубо еврейской, со всякими словечками» [83, с.132].

Сам же Самуил Галкин, по словам Павлович, был поэтом своего народа, знатоком языка, на котором он писал, но корни его поэзии питались источниками всей мировой культуры и особенно русской. Он говорил настолько интересно, что его разговоры записывали и сама Павлович, и другие его знакомые. Она вспоминает: «...случается, что он пишет стихи прямо при мне, не отпуская меня от себя, когда я хочу уйти, или сочиняет их на нашей прогулке, где-нибудь в лесу или в поле, или на берегу реки, - иногда бормочет вполголоса, а иногда громко, чётко выговаривает отдельные строки или даже строфы, но всегда

проверяет звучание на слух <...> Как страшно и трепетно следить за чужим творческим процессом, особенно за рождением стиха! Я тогда боялась дышать, чтобы не спугнуть, и больше молчала <...> Я читаю Галкину свои стихи. Ко мне он беспощаден, как к себе. Это и есть настоящая дружба поэтов. Он говорит: «У вас есть мироощущение, но нет мирозерцания. У вас стихи, как стихия, а они должны быть управляемым кораблём. У вас нет ещё первопричинных стихов. Вы не ЭПРОН⁴⁷, не подымаете стихов со дна. Вы пишете потому, что так зазвучало, а не «по поводу» [83, с.136].

И Галкин, и Павлович много переводили. Однако Надежда Александровна в глубине души не ощущала себя переводчиком, она больше любила писать своё, она уставала, по её собственному признанию, «от этого единоборства с подлинником и необходимости всё-таки подчиняться ему». Однажды она спросила Галкина: «Вы сегодня переводили или «по-настоящему» работали?» (Я неудачно выразилась, но где-то во мне это сидело).

- Я «по-настоящему» и работал. Перевожу прозой пьесу и мне трудно» [83, с.145].

В 1949 году Самуил Галкин в тяжёлом состоянии после двух инфарктов был арестован из-за знакомства с народным артистом СССР С.М. Михоэлсом, посмертно признанным врагом народа. Позже он признавался Павлович, что первое время его, жизнелюбца, преследовала мысль о самоубийстве, но не так просто было осуществить её, а потом он нашёл в себе душевную силу перебороть это желание. На допросах Галкин никого не оговорил, получил 10 лет (для того времени мягкий срок). В день ареста Галкина вышел том переводов его стихов на русский язык. До запрещения успели продать около 100 экземпляров, потом это издание стало библиографической редкостью, так как

⁴⁷ ЭПРОН (экспедиция подводных работ особого назначения) - организация для подъёма затонувших судов

остальные экземпляры были уничтожены⁴⁸. Вместо уничтоженного во время ареста издания, Гослитиздат после реабилитации С. Галкина издал новый большой сборник его стихов, в котором участвовали многие известные переводчики. Павлович вспоминает: «Самуилу вернули всё, кроме здоровья. Он снова стал уважаемым, известным, а теперь даже особенно любимым...» [83, с.148]. Однако инфаркты повторялись, и пятый инфаркт его убил⁴⁹.

На его смерть Н. Павлович отозвалась строками:

«Памяти Самуила Галкина»

*Киев ливнем ночным опоясан,
Словно чёрною лентой атласной,
Сонный шелест, и лепет, и плески
За летящею занавеской.*

*Я ушедшего – в путь провожала
Горьких проводов было немало:
Я как дерево в срубленной роще, -
Ветер осени листья полощет.*

*Шелестит, развевается, плещет...
Засыпают и книги, и вещи.
Засыпает бук на поляне
В Ботаническом океане.*

*Только я заснуть не умею...
Что мне делать с печалью моею...*

⁴⁸ Например, стихотворение «Звезда» переведено А. Ахматовой (1936)

⁴⁹ С.З. Галкин умер 21 сентября 1960 года

*С наплывающим воспоминаньем,
С обрывающим жизнь дыханьем.*

5.3 Детская литература, переводы

В начале 1930-х годов при отсутствии возможности зарабатывать литературной деятельностью, друзья устроили Надежду Александровну секретарём в Московский Государственный Университет. В список её обязанностей входило составление расписания, благодаря чему Павлович посчастливилось познакомиться с Павлом Флоренским⁵⁰.

В мемуарах Надежда Павлович описывает их встречу: «Позвонила. Он открыл сам. Был он в летнем светлом пиджаке, то ли полотняном, то ли чесучосовом <...> острое, худое лицо, немного армянского типа, пронзительные тёмные глаза. Лицо строгое». Когда Павлович сказала, что она из Оптиной пустыни, духовная дочь старца Нектария и попросила благословить, лицо Флоренского смягчилось. «Он сам поставил чайник, расспросил об Оптиной, верней, об её разгроме, а потом с увлечением стал мне рассказывать про Керченские археологические раскопки, где он только что побывал, про храм и культ Деметры <...> Таким чудом не показалось, что вот я у Флоренского, и он, близкий, живой, говорит со мной – девчонкой перед ним» [80, с.182].

Вспоминая впечатления этого вечера, Надежда Александровна написала: «Потом я шла по вечерней Москве и думала: «Какая же я счастливая! И за что мне всё это!» [80, с.183]. Впечатление от встречи с Флоренским нашли своё отражение в её поэзии:

*Мы в катакомбах тёмных скрыты.
Над нами низкий, душный свод.
В глубокой крипте брат убитый*

⁵⁰ П.А. Флоренский известный православный священник, религиозный философ, учёный и поэт. Работал в Комиссии по охране памятников искусства и старины Троице-Сергиевой Лавры, являясь её учёным секретарём

Пришествия Христова ждёт.

Нам носят тайные даянья:

Вино и рыбу, хлеб и сыр.

А там, над нами, в содроганьи

Как ветхий дом, кренится мир.

Но страстные земные бури

Уже не трогают сердец;

Пред нами ясный блеск лазури

И Пастырь Добрый средь овец.

Как и многим её коллегам по цеху, Надежде Александровне приходилось жить переводами и детскими книжками. Ею было написано около двадцати книг и сборников стихов для детей (45, 46, 47, 48, 49, 50, 51, 52, 53 и другие). В качестве примера приведём отрывок из книжки «Паровоз-гуляка» (1925):

Жил-был паровоз,

Шёл и в дождик, и в мороз,

Стоял у перрона,

Таскал вагоны,

Крепко знал,

Сколько шпал

От Москвы до Ленинграда.

И одна была награда-

Чёрный уголь на обед,

А порой – и угля нет.

Он боялся машиниста

И кондукторского свиста.

Потихонечку пыхтел

На соседей не глядел.

Об этом периоде своей жизни Надежда Александровна пишет в своих мемуарах: «В 1948 г. Мы с Судрабкалном вместе редактировали переводы Замаховской стихов Райниса. Я переводила стихи Судрабкална. Латышский язык я немного знала в детстве: няня была латышка, но потом я его забыла. А тут я стала что-то понимать, слыша разговоры на улицах, и почти инстинктивно разбираться в подстрочниках, которыми я пользовалась при переводе <...> Не нужно мне было и метрической системы подлинника, ударения я ставила правильно. Это облегчало мне работу над переводами латышских поэтов. Я переводила Райниса (“Ave sol!”), Ванага, Лукса, Динере, Кемпе, но легче других мне было переводить стихи Судрабкална» [71, с. 61].

В 30-е 40-е годы Павлович работала сотрудницей Красного Креста, помогала заключённым сталинского ГУЛУГа, оказывала помощь многим поселенцам, среди которых были и оптинские монахи.

В период Великой Отечественной войны Павлович находится в эвакуации в Ташкенте, военной теме Надежда Александровна посвящает две патриотические поэмы «Шелка победы» (Сталинабад, 1943) и «Бранные кони» (Сталинабад, 1944). В то же время поэтесса пишет рецензии на сборник Д. Осина «В тот суровый год» (1943), «Малышам о войне» (1944), на стихотворение С. Маршака «Почта военная» (1945) и т.д.

Обрушилось...

*Страна моя! Ты билась день за днём,
Чтоб кончить навсегда игру с огнём,
Ведь мир земле не подают на блюде,
И на тебя глядят с надеждой люди.*

Во время войны поэтесса имела счастье работать с Мариной Вениаминовной Юдиной⁵¹. Надежда Александровна вспоминает: «Марина Вениаминовна за роялем – это львиная сила, не женская и не женственная стихия, это суровая мысль, нерастраченная страсть, огненный взмах больших сумрачных крыльев» [83, с. 149]. Юдина преподавала тогда в Московской консерватории вокалистам, и там понадобился перевод на русский язык текстов хоралов Баха, которым и занялась Н.А. Павлович: «Перевод должен был быть эквимитричным, со всеми совпадающими ударениями, чтобы его можно было петь буквально как немецкий текст. Злоупотребление звуком «у», например, давало бы завывание» [83, с. 149]. Позже по рекомендации Юдиной Павлович перевела и текст хора в Девятой симфонии Бетховена.

В 1966 году выходит сборник стихотворений Н.А. Павлович «Думы и воспоминания», в 1977 году – сборник «Сквозь долгие года...». Последняя книга её стихов «На пороге» (1981) была издана уже после её смерти.

5.4 Последние годы жизни Н.А. Павлович

В последние годы жизни, неизлечимо больная, Надежда Александровна продолжает свою общественную деятельность. «Её часто приглашали выступать в научно-исследовательские институты, в Звёздный городок к космонавтам и т.п. – читать лекции, делиться воспоминаниями; она поддерживала знакомство и вела переписку со многими духовными лицами, писателями, художниками и музыкантами, учёными; очень много людей пришли к вере в результате бесед с нею, – у неё почти ежедневно были посетители. Переживания Надежды Александровны, события внутренней духовной жизни и привлекавшие

⁵¹ знаменитая русская, советская пианистка

её внимание события культурно-общественной и государственной жизни до последних дней находили отражение в её стихах» [97, с. 8].

В интервью с В.Д. Дувакиным⁵² Надежда Александровна вспоминает своё участие во встречах, посвящённых 90-летию Блока: «Для меня особенно дороги два воспоминания. Это выступление в Музее истории Ленинграда, где много было людей и среднего возраста, и стариков, и молодёжи, и где удивительно слушали. Там ещё были и современники, которые в молодости видели и слышали самого Блока. Там выступал и Всеволод Александрович Рождественский, который рассказал о своём знакомстве с ним, и я.

А затем выступала уже я одна на филологическом факультете Ленинградского университета. Несколько позже подошёл Самуил Миронович Алянский, и тоже было его краткое выступление. Но, так сказать, весь этот вечер был посвящён моим воспоминаниям о Блоке» [81, с. 150].

Надежда Александровна говорит о поэзии Блока: «Чтобы понимать Блока, надо понять и человеческий склад его характера, и то, чем он жил как человек <...> Блок считал, что мастер – это тот, кто всегда чувствует основной хребет своего творчества. Блок говорил «Мой путь прямой, как стрела». На самом-то деле это действительно была стрела, и был основной хребет всего творчества. Это – беспощадная правда к самому себе прежде всего, и к окружающему. Этой беспощадной правде он служил всю жизнь.

Но был ещё и второй фактор. Надо сказать, что Блок чрезвычайно чувствовал историю, живую ткань истории...И когда он принимал революцию, с одной стороны, это был стихийный восторг поэта, слушавшего узыку революции, но это было и понимание учёного:

⁵² фонограмма беседы в журнале «Человек» 5/97 с.148-159

правильный шаг истории – неминуемо с революцией. А честность заставила его стать на сторону революции.

Но было ещё третье и основное: это его устремление в будущее. Он не мог жить одним прошлым или одним настоящим. Он жил ради будущего.

Вопрос корреспондента:

Как, согласитесь Вы с формулировкой? – что от этой же правдивости, от которой он услышал...эта же правдивость и была причиной того, что он потом оглох?

-Нет, это не совсем то...Он действительно услышал шум рушащегося мира. И не просто, так сказать, какой-то шум на улице, а катаклизм. И не потому, что он разочаровался, что ли, как очень многие говорили – «вот он разочаровался, и потому он погиб», - нет, он не отрёкся ни от чего. Он только трагически воспринимал, когда ему...Скажем, он не мог принять нэпа...Для него был тяжёлый уже поднимающий голову бюрократизм. Он считал, что это искажение того прекрасного Лика...а Лик прекрасен, и народная стихия прекрасна, и он услышал истинную музыку революции, от которой не отрёкся и на своём смертном одре» [81 с.153].

Последние годы Надежда Александровна прожила в Москве на улице Веснина и на даче в Переделкино. Обстановка в квартире была очень скромная. Свои сбережения Павлович отдавала нуждающимся, особенно заботилась о молодых литераторах. В её комнате можно было встретить писателя В.Дудинцева (Надежда Александровна называла его своим внуком), А. Солженицына и других маститых и начинающих писателей [90, с. 311].

Как вспоминает знавшая её уже в последние годы жизни Ирина Карклия, «маленькая чудаковатая подслеповатая старушка с удивительно ясным умом и прекрасной памятью, с железной волей и

добрейшим сердцем, она жила в своём особенном внутреннем мире, резко контрастирующем с жизнью прочих обитателей Дома творчества. Над ней посмеивались, не принимали всерьёз, но она будто не замечала улыбок по поводу её старомодных шляпок, ридикюлей полувековой давности и старых, поношенных платьев. Гуляя по пляжу или парку, с трудом поднимаясь по навощенным паркетным ступенькам в столовую, она словно плыла над людским любопытством и липким шепотком: «Смотрите, эта бабуля – последняя женщина Блока» (11).

Умерла Надежда Александровна 3 марта 1980 года. Она похоронена в Москве на Даниловском кладбище. На могиле – простой деревянный крест с надписью: «Чаю воскресения мёртвых» (Т.С. 1991 15).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Надежде Александровне Павлович выпала непростая, но удивительная судьба. Ей довелось увидеть, как сменяются пласты истории, быть непосредственной участницей событий, пережить революцию, две мировые войны, ей посчастливилось не «сгинуть» в лагерях во времена репрессий, прожить действительно долгую и богатую впечатлениями жизнь в такое сложное для России время как первая половина XX века.

Надежда Александровна была невестой талантливого писателя Б. Пильняка, женой знаменитого художника Г.Г. Ряжского, её называют «последней женщиной» Александра Блока. Она была в центре литературной жизни Москвы, а потом и Петрограда. Как пишет она сама об этом времени в своих воспоминаниях: «все мы были люди занятые, да ещё разбрасывающиеся. Уж очень интересное было время, и страшно было что-то упустить» [80, №1 с. 170]. О знаменитых людях, с которыми её свела судьба, поэтесса оставила воспоминания в цикле стихотворений «Современники», в «Воспоминаниях об Александре Блоке» и в своей книге мемуаров «Невод памяти», некоторые главы которой были изданы в 1996-1998 годах в журнале «Человек». Однако это лишь часть мемуарного наследия Н.А. Павлович. Рукопись, по словам Т.Н. Бедняковой, потеряна: «Незадолго до кончины она подготовила к печати книгу воспоминаний «Невод памяти», которая, к сожалению, сгинула в недрах издательства «Советский писатель» [3, с. 63].

О зорком взгляде портретиста в творчестве поэтессы пишет Л. Озеров: «Портретную характерность, свойственную живописи, Павлович умело переносит в свои стихи. Так, пишет она, Горький «был любезен, почти жестоко, лёгкий, светский вёл разговор» (столкновение «любезно» и «жестоко» даёт сильную контрастную живопись). Блок похож «на шкипера норвежского», а голос у него «глухой, осенний, на

него похожий». У Брюсова «монгольского лица скуластый треугольник». У Вячеслава Иванова «тонких губ прельстительная ложь». Об Ахматовой сказано: «Она, как шаль, носила славу в прекрасной гордости своей». Несколько слов, одна-две строки, и перед нами профиль, беглая зарисовка, набросок, запоминающийся своей точностью» [18, с. 10]. Биографические факты нашли отражение в творчестве Н.А. Павлович: детство, малая родина Латвия, несчастная любовь, разочарование, поиск смысла жизни, восхищение творчеством её современников, благоговейное отношение к поэзии А.А. Блока, знакомство и общение с кумиром, его смерть, ставшая жизненной трагедией для самой Павлович, поиск дальнейшего пути без любимого человека, представления о его небесном покровительстве в её жизни. Как пишет Ю.Н. Шинкарёва: «Рассказывая историю своей души, поэтесса пишет своеобразный лирический роман, продолжая традицию поэтов Серебряного века, прежде всего, Блока» [96, с.169].

Другая составляющая личности Надежды Александровны – это религия. Особо значимая страница жизни Павлович связана со знаменитой Оптиной Пустынью. Здесь она нашла утешение и поддержку в тяжелейший момент её жизни после смерти А. Блока, став духовной дочерью последнего оптинского старца Нектария. Павлович непосредственно участвовала в спасении драгоценной Оптинской библиотеки, помогала арестованным и сосланным оптинским старцам. Благодаря её усилиям Оптина Пустынь была восстановлена, а в 1974 году получила статус музея и государственную охрану. Как пишет о Надежде Александровне в своей статье «Путь к Оптиной пустыни» А.В. Курочкина-Лезина: «она сама всю жизнь искала ориентиры веры, надежды и любви» [с.82]. Важной стороной творчества Н.А. Павлович является духовная поэзия и проза: проникновенная поэма «Оптина», стихи (частично напечатанные под псевдонимом «Александр

Надеждин»), богословские труды, статьи, посвящённые истории Оптиной пустыни и жизнеописанию оптинских старцев и подвижников.

Критики 1920-х годов не были очень благосклонны к творчеству молодой поэтессы. Так, например, критик Борис Гусман, автор книги «100 поэтов. Литературные портреты» (1922) видит в стихотворениях поэтессы лишь уныние и безнадёжность. Он критикует её за несоответствие лирики новому этапу общественной жизни, «в которой закипела суровая и могучая борьба за новое, социалистическое переустройство мира» [14, с.5]. Критик обращает внимание читателя на «звук неисцелимого страдания», являющийся доминантой лирики поэтессы, констатирует, что лирическая героиня Павлович «бродит» «убогой странницей» «потерявшей во тьме путь свой». «Вихрь жизни мчит её по неведомым ей путям. Молчаливо и покорно отдаётся она его могучей силе» [14, с.202].

Отношение к личности и творчеству поэтессы стало более внимательным и уважительным в 1960-е годы, после выхода её сборника «Думы и воспоминания». Так, журнал «Знамя» в 1963 году откликнулся статьёй А. Дымшица «Достоверность мемуариста и мастерство художника». А. Дымшиц высоко оценивает поэму Павлович «Воспоминания об Александре Блоке», вошедшую в состав сборника: «Достоверность мемуариста и точность художника соединились в этой поэме <...> Лирический голос у Н. Павлович негромкий, но сильный» [96, с.218]. Положительно оценивает поэму и Л. Озеров, по его мнению, поэма «является живым и впечатляющим стихотворным дополнением к мемуарной прозе Надежды Павлович, опубликованной несколько лет назад в «Блоковском сборнике» Тартуского государственного университета. Вместе взятые, они образуют ценную книгу об Александре Блоке». [18, с.17]. В начале 1990-х возрастает интерес к

религиозно-церковной деятельности и ранее не публиковавшейся духовной лирике Надежды Павлович.

В более чем шестидесятилетнем творческом пути Надежды Павлович поражает его разнообразие и стремление к новым формам и темам: любовная лирика, эксперимент коллективного сценария «Зовущие зори», религиозная лирика и проза, военная поэзия, переводы (в том числе и либретто), детская литература, критические статьи и рецензии в журналах, опыт написания пьесы в стихах в соавторстве «Дон Кихот». Таким образом, творчество Н.А. Павлович представляет несомненный интерес для последующего исследования по разным направлениям: дальнейший сбор биографического материала, более глубокий анализ её творческого наследия.

Как справедливо замечает Ю.Н. Шинкарева: «Конечно, масштаб изображения действительности у Павлович более скромный, чем у ведущих поэтов того времени, но, пользуясь наследием предшественников, поэтесса по-своему разрабатывает мотивы и образы, создавая свою поэтику, ориентирующуюся на символическую, но обладающую своими особенными чертами и маленькими открытиями» [96, с.175]. Ведь для того, чтобы понять литературный процесс эпохи во всей его сложности и полноте, необходимо уделять внимание не только личностям «первой» величины, но и поэтам и писателям более скромного масштаба, которые также сказали своё незаменимое самобытное художественное слово.

Список использованной литературы:

1. Азадовский 2012 – Азадовский, К. «Таинственно – похож»: «дети» Александра Блока (Письмо Н.А. Павлович к В.Н. Княжнину) / К. Азадовский // Звезда. – 2012. - №5
2. Андроникашвили-Пильняк К.Б. - Борис Пильняк: 1915год. История любви и творчества // Борис Пильняк: Опыт сегодняшнего прочтения: (По материалам научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения писателя). М., 1995. С. 158-161.
3. Беднякова 1994 – Беднякова, Т. Н. Воспоминания о Н.А. Павлович / Т.Н. Беднякова // Журнал Московской патриархии. – 1994. - № 6. С. – 60 – 65.
4. Беднякова 1996а – Беднякова, Т. – Сквозь долгие года... // Человек. – 1996. - № 5 . С. – 170 – 173.
5. Берберова 1972 – Берберова, Н. Н. Курсив мой. – W.Fink, 1972. – 709с.
6. Блок 1922 – Блок А.А. Поэма «Возмездие». – Петроград: «Алконост», 1922. -111с.
7. Блок 1962 – Блок А.А. «Без божества, без вдохновенья» (Цех акмеистов) / Блок А.А. Собр. соч.: в 8 т. Т.6 – М.; Л.; 1962. – с.174-184.
8. Блок 1965 – Блок А.А. Записные книжки, 1901-1920. – М.: Художественная литература, 1965. – 662с.
9. Боровская 2012 – Боровская, А.А. К вопросу о жанровых источниках стихотворения А. Ахматовой «А Смоленская нынче именинница...» / А.А. Боровская // Текст, контекст, интертекст: сб. науч. ст. / Отв. ред. А.В. Громова. – т.2. - .: МГПУ, 2012. – с. 45-50.
10. Библиографический словарь: в 3 томах. М.: ОЛМА-ПРЕСС Инвест, 2005.
11. Васильев 1997 – Васильев, С.А. Павлович Н.А. / С.А. Васильев // Русские детские писатели XX века: библиографический словарь. – М.: ФЛИНТА. Наука, 1997. – С.325-326.

12. Глушкова 1967 – Глушкова, Т. Бег времени (Н. Павлович. «Думы и воспоминания»): рецензия / Т. Глушкова // Литературная газета. – 1967. – 25 января.
13. Гулиа 1977 – Гулиа, Г. Сквозь долгие года: рецензия / Г. Гулиа // Литературная газета. 1977. – 27 апреля.
14. Гусман 1922 – Гусман, Б. 100 поэтов: литературные портреты / Б. Гусман. – Тверь, 1922. – 291с.
15. Иванов 1952 – Иванов, Г.В. Петербургские зимы. – Изд-во имени Чехова, 1952.- 241с.
16. Курочкина-Лезина 2003 – Курочкина-Лезина, А.В. Путь к Оптиной Пустыни (тема духовного поиска в религиозной лирике Н.А. Павлович) / А.В. Курочкина-Лезина // Жизнь провинции как феномен русской духовности: сб. ст. / Под ред. Н.М. Фортунатова. – Н. Новгород: из-во ННГУ. Вектор-ТиС, 2003. –С.80-84.
17. Озеров 1967 – Озеров, Л. – Книга-судьба (Н. Павлович. «Думы и воспоминания») / Л. Озеров // Литературная Россия. – 1967. – 13 января
18. Озеров 1977 – Озеров, Л. Предисловие / Л. Озеров // Павлович Н.А. Сквозь долгие года... - М.: Художественная литература, 1977. – С. 3-12.
19. Павлович 1914а - Павлович Н. (Виктор Регия). Стихотворения / Н.Павлович //Псковская Жизнь. – 1914.- 27 января.
20. Павлович 1914б Павлович Н. Стихотворения / Н.Павлович //Первый сборник молодых поэтов.-М.: Ноябрь , 1914.-С.14.
21. Павлович 1920 – Павлов, М. (Павлович Н.). Кузница: рецензия /М.Павлов (Н. Павлович) // Творчество .- М: Изд-во отд. Печ. моск. сов. Р. и К.Д..1920 .- №2-4. – С.38-39.
22. Павлович 1921 а – Павлов, М. (Павлови. Н.) Поэты пролеткульта / М. Павлов (Н. Павлович.) // Книга и революция. – Пб ., 1921.- № 1.- С.- 30 – 33.

23. Павлович 1921б – Павлов, М. (Павлович Н.). Московские впечатления. Письмо из Москвы / М. Павлов (Н. Павлович) // Книга и революция. – Пб., 1921
24. Павлович 1921в – Павлов, М. (Павлович Н.). Марина Цветаева. Версты: стихи: рецензия / М. Павлов (Н. Павлович)
25. Павлович 1921 г – Павлович, Н. Стихотворения / Н. Павлович // Записки мечтателей . – 1921 . - № 2 -3. – С. 132 – 135.
26. Павлович 1922а – Павлович. Н. Берег / Н. Павлович. – Пб.: Неопалимая купина. 1922.- 61 с.
27. Павлович 1922б – Павлович, Н. Из воспоминаний о Блоке / Н. Павлович// Рупор. - № 3. – 1922. – С. 1 – 2.
28. Павлович 1922в – Павлов, М. (Павлович Н.). Письмо из Петербурга. Петербургские поэты. / М. Павлов (Н. Павлович). // Гостиница для путешествующих в прекрасном. – М.: Ноябрь, 1922. - № 1. – С. 30 – 31
29. Павлович 1922г – Павлов, М. (Павлович Н.). Эпопея № 1 под. ред. Андрея Белого. Геликон. Москва- Берлин 1922: рецензия / М. Павлов (Н. Павлович) // Книга и революция. – 1922. - № 9-10. – С. 64-65
30. Павлович 1922д – Павлович, Н. Стихотворения / Н. Павлович // Записки мечтателей. – 1922. - № 5.
31. Павлович 1922е – Павлов, М. (Павлович, Н.). Григорий Шмерельсон. Александр Бугославский: критическая статья / Павлов, М. (Павлович, Н.). // Рупор. -1922 - № 1. –с.16
32. Павлович 1922ж – Павлович, Н. С берегов Невы (Письмо из Петрограда) / Н. Павлович // Рупор. – 1922. - № 2.
33. Павлович 1922з – Павлович, Н. Север (Песня моя...) / Н. Павлович // Рупор. – 1922. - № 4.
34. Павлович 1922и – Павлович, Н. Николай Клюев. Четвертый Рим. Изд. Эпоха. Петер. 1922.: рецензия / Н. Павлович // Книга и революция – 1922. - № 4.

35. Павлович 1922к – Павлов, М. (Павлович, Н.). Василий Казин. Рабочий май. Стихи. Гос. Изд. Петер. 1922. 26 с.: рецензия / М. Павлов (Н. Павлович) // Книга и революция. – 1922. - № 6.
36. Павлович 1922л – Павлов, М. (Павлович, Н.). Есенин. Пугачев. Изд. Эльзевир. Петер. 1922: рецензия / М. Павлов (Н. Павлович) // Книга и революция. – 1922. - № 7.
37. Павлович 1922м – Павлов, М. (Павлович, Н.). Александр Тиняков. (Н. Павлович) // Книга и революция. – 1922. - № 8.
38. Павлович 1922н – Павлов, М. (Павлович, Н.). Константин Ликсперов. Золотая ладонь. Северные дни. Москва. 66 с.;Туркестанские стихи. Альциона. Москва. 48 с.: рецензия / М. Павлов (Н. Павлович) // Книга и революция. – 1922. - № 9.
39. Павлович 1922о – Павлов, М. (Павлович, Н.). Федор Сологуб. Небо голубое: рецензия / М. Павлов (Н. Павлович) // Литературные записки. – 1922. - № 1.
40. Павлович 1922п – Павлович, Н. Московские впечатления / Н. Павлович // Литературные записки. – 1922. - № 2.
41. Павлович 1922р – Павлов, М. (Павлович, Н.). Александр Беленсон. Врата тесные : рецензия / М. Павлов (Н. Павлович) // Литературные записки. – 1922. - № 2.
42. Павлович 1922с – Павлов, М. (Павлович, Н.). Николай Тихонов. Орда: рецензия / М. Павлов (Н. Павлович) // Литературные записки. – 1922. - № 3.
43. Павлович 1922т – Павлов, М. (Павлович, Н.) Ушкуйники. Альманах. Петер. 1922.: рецензия / М. Павлов (Н. Павлович) // Литературные записки. – 1922. - № 7.
44. Павлович 1923 – Павлович, Н. Золотые ворота / Н. А. Павлович. – М.: Костры, 1923.

45. Павлович 1925а – Павлович, Н. Большевик Том / Н. Павлович. – Л.: Брокгауз-Ефрон, 1925.
46. Павлович 1925б – Павлович, Н. Ванины гости / Н. Павлович. Л.: Брокгауз-Ефрон, 1925.
47. Павлович 1925в – Павлович, Н. Капризник Тики / Н. Павлович. Л.: Брокгауз-Ефрон, 1925.
48. Павлович 1925г – Павлович, Н. Паровоз гуляка / Н. Павлович. Л.: Брокгауз-Ефрон, 1925.
49. Павлович 1929а – Павлович, Н. Сторож-петух: игра / Н. Павлович. М.; Л.: Гос. Издат., 1929.
50. Павлович 1929б – Павлович, Н. Считалочка: стихи / Н. Павлович. М.; Л.: Гос. Издат., 1929.
51. Павлович 1929в – Павлович, Н. Щука и карась: игра / Н. Павлович. – М.; Л.: Гос. Издат., 1929.
52. Павлович 1930а – Павлович, Н. Веселая пчёлка / Н. Павлович. – М.; Л.: Гос. Издат., 1930.
53. Павлович 1930б – Павлович, Н. Грибы / Н. Павлович. – М.; Л.: Гос. Издат., 1930.
54. Павлович 1950а – Павлович, Н. Орлов С. Светлана: рецензия / Н. Павлович // Октябрь . – 1950. - № 4.
55. Павлович 1950б – Павлович, Н. Панова В. Ф. Ясный берег : рецензия / Н. Павлович // Крестьянка. – 1950. - № 4.
56. Павлович 1950в – Павлович, Н. По нехоженным путям. Рустам С. Два берега: Стихи: рецензия / Н. Павлович // Октябрь. – 1950. - № 5.
57. Павлович 1951а – Павлович, Н. Подвиг поэта. Хикмет Н. Стихи: рецензия / Н. Павлович // Октябрь. – 1951. - № 1.
58. Павлович 1951б – Павлович, Н. Земля Литовская. Тильвитис Т. На земле литовской : рецензия / Н. Павлович // Огонек. – 1951. - № 23.

59. Павлович 1955 – Павлович, Н. Памятные встречи. Из воспоминаний о Блоке / Н. Павлович // Литературная газета. – 1955. – 26 ноября.
60. Павлович 1957а – Павлович, Н. Зовущие зори: сценарий в 4-х ч. [в соавт. с С. Есениным. М. Герасимовым. С. Клычковым]; подгот. к публ. Н. Павлович // Литературная Рязань. – Кн. 2 – Рязань, 1957.
61. Павлович 1957б – Павлович, Н. Как создавался киносценарий «Зовущие зори» / Н. Павлович // Литературная Рязань. – Кн. 2. – 1957.
62. Павлович 1958 – Павлович, Н. Благородная поэзия. Исикава Такубоку: рецензия / Н. Павлович // Огонек. – 1958. - № 30.
63. Павлович 1961 – Павлович, Н. Голубков Д. Влюбленность. Первая книга стихов: рецензия / Н. Павлович // Октябрь. – 1961. – Кн. 11.
64. Павлович 1962а – Павлович, Н. А. Думы и воспоминания / Н. А. Павлович – М.: Советский писатель, 1962. – 147с.
65. Павлович 1962б – Павлович, Н. Баева А. Впереди Мельников И. Родник: Поздняков С. Ветка: рецензия / Н. Павлович // Октябрь. – 1962. – Кн. 3.
66. Павлович 1964а – Павлович, Н. Воспоминания об А. Блоке / Н. Павлович // Блоковский сборник. – т.1. – Тарту: ТГУ, 1964. – с.449-496.
67. Павлович 1964б – Павлович, Н. Каверин В. Три сказки и ещё одна: рецензия / Н. Павлович // Новый мир. – 1964. - №6. – С.280.
68. Павлович 1975 – Павлович, Н. Стихи / Н. Павлович // Нева. – 1975. - № 9.– с. 138.
69. Павлович 1977а – Павлович, Н. Воспоминания об Александре Блоке /Н. Павлович // Прометей. - 1977 № 11, стр.242–243.
70. Павлович 1977б – Павлович, Н. Сквозь долгие года... - М.: Художественная литература, 1977 . -254с.
71. Павлович 1978 – Павлович, Н. Невод памяти / Н. Павлович // Даугава. – 1978. - № 1 январь.- с.60-74.

72. Павлович 1979 – Павлович, Н. Моя Латвия / Н. Павлович // Даугава. – 1979. - № 2 февраль. – с.83-86.
73. Павлович 1980 – Павлович, Н.А. Оптиная пустынь. Почему туда ездили великие? / Н.А. Павлович // Прометей. – 1980. –т.12. – с.84-91.
74. Павлович 1981 – Павлович, Н. А. На пороге: Книга стихотворений – М.: Современник, 1981. – 109с.
75. Павлович 1983 – Павлович, Н.А. К биографии художника Болотова / Н.А. Павлович, А.Л. Толмачев // Прометей. – 1983. –т.13. – с.296-304.
76. Павлович 1991 – Павлович, Н. Оптиная (поэма) / Н. Павлович; публ. И вступительное слово Т. Бедняковой // Москва. – 1991. - № 1. – с.90-93.
77. Павлович 1994 – Павлович, Н. Оптинский старец отец Нектарий // Журнал Московской Патриархии. 1994. № 6 с.46.
78. Павлович 1995 – Павлович, Н.А. Воспоминания о старце Нектарии / Н.А. Павлович // Цветочки Оптиной пустыни. - М.: Паломник, 1995. – 186с.
79. Павлович 1996 – Павлович, Н.А. Невод памяти / Н.А. Павлович; публ. Т. Бедняковой // Человек. – 1996. -№5. – с. 174-187; №6. – с. 166-179.
80. Павлович 1997а – Павлович, Н.А. Невод памяти / Н.А. Павлович; публ. Т. Бедняковой // Человек. – 1997. -№1. – с. 150-171; №2. – с. 166-182; №3. – с. 150-171; №4. – с.170-176; №6. – с.150-157.
81. Павлович 1997б – Павлович, Н.А. Невод памяти (фонограмма) / Н.А. Павлович; публ. В.Б. Кузнецовой // Человек. – 1997. -№5. – с. 147-159.
82. Павлович 1998а – Павлович, Н.А. Невод памяти (фонограмма) / Н.А. Павлович; публ. В.Б. Кузнецовой // Человек. – 1998. -№1. – с. 169-186; №2. – с.172-186.
83. Павлович 1998б – Павлович, Н.А. Невод памяти / Н.А. Павлович; публ. Т. Бедняковой // Человек. – 1998. -№3. – с. 169-183; №4. – с.171-187; №6. – с. 130-153.

84. Павлович 2000 – Павлович, Н.А. Победитель смерти / Н.А. Павлович. – М.: Изд-во ПСТГУ, 2000. – 112с.
85. Павлович 2005 – Павлович, Н.А. Невод памяти / Н.А. Павлович // Пастернак Б.Л. Полн. собр. соч.: в 11 т. – т.11. Борис Пастернак в воспоминаниях современников. – М.: Слово, 2005. – 824с.
86. Павлович 2007 – Павлович Н.А. Святой равноапостольный архиепископ японский Николай: жизнеописание / Н.А. Павлович. - М.: Изд-во ПСТГУ, 2007. – 144с.
87. Пильняк 2002 – Пильняк Борис. Письма 1915-1937. - М.:2002.
88. Поливанов 1990 – Поливанов, К.М. Позиция художника. Письма Бориса Пастернака / К.М. Поливанов // Литературное обозрение. – 1990. -№2. – с.3-17.
89. Солоухин 1990 – Солоухин, В. "Время собирать камни. Очерки". Москва.: Правда, 1990 г.
90. Торопцева 2000 – Торопцева, Н. Поэзия Н.А. Павлович / Н. Торопцева // Альфа и омега. Уч. зап. Общества для распространения священного писания в России. – Москва, 2000. - №2 (24). - С.311-320.
- 91.ТС 1991 – Оптиная пустынь в судьбе Н.А. Павлович // Троицкое слово. – Сергиев Посад: Изд-во Св. – Троицк. Серг. Лавры, 1991. - №8. С. 6-15.
92. Ходасевич 1991 - В. Ф. Ходасевич. Некрополь. — М.: Сов. писатель — Олимп, 1991. — 192 с.
93. Чуковская 2013 - Чуковская Л. Записки об Анне Ахматовой. Т. 2. 1952–1962. -М., 2013.
- 94.Чуковский 2003 – Чуковский, К. Дневник. Т.2. 1901-1969. –М., 2003.
95. Шинкарева 2013 - Шинкарева Ю.Н. Генезис лирики Н.А. Павлович: рецепции А.А. Блока // Вестник Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина. – Научный журнал. – 2013. - №4. Т.1 Филология. – с.24-32.

96. Шинкарева 2016 – Шинкарева, Ю.Н. Лирика Н.А. Павлович в контексте русского символизма: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. / Ю.Н. Шинкарева. – Москва, 2016 – 222 с.
97. Щелкачев 2000 – Щелкачев, А.В. Предисловие / А.В. Щелкачев // Н.А. Павлович. Победитель смерти. – М.: Изд-во ПСТИ, 2000. – 112с.

Список использованных электронных ресурсов:

1. <http://aliom.orthodoxy.ru/arch/024/024-pavl.htm>
2. <http://www.christian-spirit.ru/1923-optina-pustyn-i-russkaya-kultura-pochemu-v-etot-monastyr-stremilas-vsya-rossiya.html/>
3. <http://www.hrono.ru>
4. <https://gumilev.ru/>
5. <http://www.litrossia.ru/archive/item/6544-oldarchive/>
6. <http://www.nasledie-rus.ru/podshivka/6909.php>
7. <http://www.optina.ru/pavlovich/>
8. [http://www.optina-pustin.ru/matyshka%20Serafima%20Ilinscaya%20\(4\).html](http://www.optina-pustin.ru/matyshka%20Serafima%20Ilinscaya%20(4).html)
9. <http://www.po.m-necropol.ru/pavlovich>
10. <http://www.pravmir.ru/poeziya-n-a-pavlovich>
11. <http://www.pravoslavie.ru>
12. <http://lib.pushkinskijdom.ru/>
13. <http://www.russkije.lv/ru/journalism/read/gailit-ja-zhivu-v-rus-zarubezhye/g-gailit-ja-zivu-v-zarubezhye.html/>
14. http://www.sinergia-lib.ru/index.php?page=pavlovich_n_a
15. <http://slova.org.ru/pavlovich/about/>